

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ ПРИСУЖДЕНИЕ

УЧРЕЖДЕННЫМЪ

П. П. ДЕМИДОВЫМЪ

НАГРАДЪ.

17 Юня 1857 года.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1858.

Издано по опредѣленію Императорской Академіи Наукъ.

10 Марта 1858 года.

Исправляющій должность Непременнаго Секретаря Академіи *Вессловскій*.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
Общій отчетъ о двадцати шестомъ присужденіи Демидовскихъ наградъ, читанный въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ Академикомъ <i>Веселовскимъ</i> , 17 Іюня 1857 года.....	1
Разборъ сочиненія Г. Турчанинова подъ заглавіемъ: <i>Flora Baicalensi-Dahurica seu descriptio plantarum in regionibus cis et transbaicalensibus atque in Dahuria sponte nascentium</i> , составленный Академикомъ <i>Рупрехтомъ</i> и <i>Жельновымъ</i>	37
Разборъ сочиненія Г. Пандера (подъ заглавіемъ: <i>Monographie der fossilen Fische des silurischen Systems der russisch-baltischen Gouvernements</i> , составленный Академикомъ <i>Брандтомъ</i>	49
Разборъ сочиненія Г. Чичери'на подъ заглавіемъ: <i>Областные учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ</i> , составленный Членомъ Археографической Комиссіи <i>Калачовымъ</i>	55
Разборъ сочиненія Г. Гофмана подъ заглавіемъ: <i>Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Памъ-Хой</i> , составленный Академикомъ <i>Гельмерсеномъ</i> ...	117
Отзывъ Академика Абиха о томъ же сочиненіи.....	128
Разборъ сочиненія А. Соколова подъ заглавіемъ: <i>Лѣтопись крушеній и пожаровъ судовъ Русскаго флота, отъ начала его по 1854 годъ</i> , составленный <i>Ө. Веселазо</i>	129
Разборъ сочиненія Г. Ценковскаго подъ заглавіемъ: <i>О низшихъ водоросляхъ и инфузоріяхъ</i> , составленный Академикомъ <i>Рупрехтомъ</i>	153
Разборъ 2-го и 3-го отдѣловъ сочиненія Г. Ценковскаго: <i>О низшихъ водоросляхъ и инфузоріяхъ</i> , составленный Д-ромъ <i>Ф. И. Вейссе</i>	161
Разборъ сочиненія Г. Смирнова: <i>Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи</i> , составленный Филаретомъ, Епископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ.....	169

Разборъ сочиненія Г. Карпова подъ заглавіемъ: Систематическое изложене логики, составленный Профессоромъ Богословія, Логики и Опытной Пси- хологіи, Священникомъ Магистромъ <i>Іоанномъ Ямшевскимъ</i>	177
Разборъ сочиненія: Albert Suerbeer, Erzbischof von Preussen, Livland und Estland. Geschichtliche Darstellung von P. v. Goetze, составленный <i>К. И. Буссе</i>	187
Разборъ сочиненія Г. Осокина подъ заглавіемъ: О понятіи промыслового налога и объ историческомъ развитіи его въ Россіи, составленный <i>И. Бялосельскимъ</i>	196
Разборъ сочиненія Г. Андреева подъ заглавіемъ: Живопись и живописцы главнѣйшихъ Европейскихъ школъ, составленный Императорской Ака- деміи Художествъ Конференцъ-Секретаремъ <i>Григорьевичемъ</i>	205
Мнѣнія Академиковъ <i>Бера</i> и <i>Брандта</i> о сочиненія Г. Жолкевича подъ за- главіемъ: Краткій очеркъ физиологіи челоука и другихъ животныхъ...	255

ОБЩИЙ ОТЧЕТЪ

о

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ

ДЕМИДОВСКИХЪ НАГРАДЪ,

ЧТАВНЫИ

ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНИИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

АКАДЕМИКОМЪ К. С. ВЕСЕЛОВСКИМЪ,

17 Юня 1857 года.

На нынѣшнее XXVI соисканіе Демидовскихъ премій представлено было самими авторами 30 сочиненій, въ томъ числѣ три, отложенныхъ отъ предшествовавшаго конкурса; къ нимъ присоединилось еще одно, внесенное членами Академіи во уваженіи къ особенному ученому его достоинству. По разсмотрѣніи сочиненій рецензентами и по подробномъ обсужденіи Академіею, тринадцать изъ нихъ признаны заслуживающими вниманія и награды; но, за неимѣніемъ достаточной суммы, увѣнчаны преміями только восемь, а именно два полными и шесть половинными преміями; прочія же пять удостоены почетнаго отзыва.

Изъ числа увѣнчанныхъ преміями сочиненій 4 относятся къ области естественныхъ наукъ, 1 къ правовѣдѣнію, 2 къ исторіи, 1 къ философіи; а изъ удостоенныхъ почетнаго отзыва 1 къ богословію, 1 къ политической исторіи, 1 къ исторіи художествъ, 1 къ естественной исторіи и 1 къ исторіи финансовъ.

I.

Первенство между награждаемыми премією трудами признано за сочиненіемъ:

FLORA BAICALENSI-DANURICA, SEU DESCRIPTIO PLANTARUM IN REGIONIBUS CIS ET TRANSBAICALENSIBUS ATQUE IN DANURIA SPONTE NASCENTIUM. Auctore Nicolao Turczaninow.

Если науки естественныя вообще, со времени ихъ водворенія въ Россіи, находятъ для себя у насъ многихъ любителей, то изъ всѣхъ ихъ, можетъ быть, наибольшее число послѣдователей нашла себѣ ботаника. Большая часть отечественныхъ путешествій совершена была въ ея пользахъ. Не говоря уже о флорахъ окрестностей обѣихъ столицъ, изъ коихъ одна обогащается весьма важнымъ трудомъ одного изъ нашихъ сочленовъ, а другая составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ изслѣдованія особаго общества, флора приволжскихъ странъ и балтійскаго края, богатая флора Крыма и Кавказа, Урала и Алтая и разныхъ другихъ частей Россіи были описаны подробно и основательно, и имена нѣкоторыхъ изъ изслѣдователей у насъ растительнаго царства, какъ - то Палласа, Гмелина, Маршала-фонъ-Биберштейна, Стевена, Ледебура, Мейера, Рупрѣхта приобрѣли себѣ европейскую извѣстность. Нынѣ доходитъ очередь до отдаленнѣйшихъ краевъ имперіи. Флора одного изъ нихъ, объемлющаго собою любопытныя окрестности Байкальскаго озера и Даурію, составляетъ предметъ вышеприведеннаго сочиненія одного изъ неутомимѣйшихъ отечественныхъ ботаниковъ, который уже много лѣтъ обогащалъ и наши академическіе гербаріи плодами своихъ изысканій.

Разбравшіе это сочиненіе, Ф. И. Рупрехтъ и Н. И. Желѣзновъ, такъ изъясняются о немъ:

«Немногимъ изъ ботаниковъ, посвятившимъ себя изученію растительности отдѣльныхъ, по положенію и свойствамъ, странъ въ Россіи, удалось собирать и обрабатывать матеріалы съ такимъ

постоянствомъ и успѣхомъ, какъ сдѣлалъ г. Турчаниновъ. Онъ избралъ для своего изслѣдованія обширную и чрезвычайно замѣчательную во многихъ отношеніяхъ мѣстность: Нерчинскій округъ, составляющій собственно Даурію, и округи Верхнеудинскій и Иркутскій.» — Упомянувъ затѣмъ объ услугахъ предшественниковъ г. Турчанинова по изслѣдованію флоры той же самой мѣстности, рецензенты ближе опредѣляютъ относительную долю cadaго, показывая, что Гмелинъ и его предшественники открыли въ той странѣ болѣе 500 видовъ, Палласъ и другіе, собиравшіе послѣ него, до пріѣзда г. Турчанинова въ Иркутскъ, около 300 видовъ; г. Турчанинову съ его спутниками удалось открыть также болѣе 500 видовъ, въ томъ числѣ 170 породъ и 15 родовъ, прежде неописанныхъ.

Г. Турчаниновъ уже давно началъ свои изысканія въ тѣхъ краяхъ. Еще въ 1828 году онъ собиралъ растенія въ окрестностяхъ Иркутска, у береговъ Байкала и въ верховьяхъ Ангары. Съ 1829 по 1836 годъ онъ посѣщалъ, иногда по нѣскольку разъ, всѣ замѣчательныя мѣстности этого края, обошелъ островъ Ольхонъ, проходилъ степи, особенно Косую, дважды былъ на озерѣ Косоголѣ, въ Китайской Монголіи, и въ другихъ мѣстахъ по Китайской границѣ; всходилъ на вершины разныхъ горъ, трижды былъ на гольцѣ Чокондо, спускался по рѣкамъ для изученія прибрежной растительности. Особенно достойно замѣчанія его путешествіе по верховью Амура до бывшей русской крѣпости Албазина, какъ тѣхъ самыхъ мѣстъ, которыя еще въ прошедшемъ году были предметомъ изслѣдованія естествоиспытателя Академіи, г. Шренка. Такимъ образомъ ревностный русскій ботаникъ подробно обозрѣлъ страну не только въ предѣлахъ границъ политическихъ, но и далѣе ихъ, для разрѣшенія задачи, въ какихъ именно естественныхъ границахъ растительность сохраняетъ одинъ и тотъ же характеръ, что придаетъ его труду особое достоинство.

Съ 1836 года собственные занятія г. Турчанинова по изслѣдованію при-байкальской флоры были прерваны поступленіемъ его въ государственную службу. Однако ревность его къ любимой наукѣ не охладѣла. Будучи лишень возможности самъ продолжать разысканія, по крайней мѣрѣ въ продолженіе лѣта, онъ предоставилъ собираніе растеній своимъ сотрудикамъ, молодому казаку, столько же усердному, какъ и онъ самъ, но къ сожалѣнію скоро погибшему — ботанику Кузнецову, путешествовавшему въ Китаѣ съ миссією, также Кирилову, Баснипу и Щукину. Авторъ не преминулъ съ похвальнымъ безпристрастіемъ упомянуть, въ своемъ трудѣ, о заслугахъ этихъ ревностныхъ своихъ сподвижниковъ. Въ послѣдствіи времени г. Турчаниновъ снова самъ принялся за разысканія и въ продолженіе многихъ лѣтъ путешествовалъ на счетъ Кабинета, по ходатайству бывшаго директора Ботаническаго Сада, Ф. Б. Фишера, который, вмѣстѣ съ академиками Мейеромъ и Триніусомъ, оказывалъ ему содѣйствіе со-вѣтами и присылкою сочиненій, потребныхъ для сличенія съ Байкало-Даурскою флорою. Между тѣмъ г. Турчаниновъ, по мѣрѣ собиранія, разсылалъ многимъ ботаникамъ находимыя имъ растенія, которыя и были ими описаны. Хотя это и уменьшило нѣсколько собственный его трудъ; однако и онъ самъ успѣлъ, какъ выше было замѣчено, описать до 155 видовъ и 15 разновидей и установить 15 новыхъ родовъ.

Обработка богатаго матеріала, собраннаго во все эти путешествія, продолжалась много лѣтъ. Въ теченіе этого времени г. Турчаниновъ помѣщалъ описанія отдѣльныхъ семействъ растеній въ Запискахъ Московскаго Общества Испытателей Природы, а съ 1842 по 1845 годъ составилъ 1-й томъ Байкало-Даурской флоры, заключающій въ себѣ 40 семействъ съ 176 родами и 565 видами. Въ послѣднія 10 лѣтъ авторъ не переставалъ трудиться надъ продолженіемъ своей флоры и сверхъ доставленнаго имъ, для 1 тома Записокъ Московскаго Общества за 1856 годъ, описанія четырехъ семействъ растеній, успѣлъ

изготовить 2-й томъ, вмѣщающій въ себѣ 57 семействъ явнобрачныхъ и 3 семейства тайнобрачныхъ, которыми и завершается Байкало-Дaurская флора, вмѣщающая всего 448 родовъ и 1365 видовъ явнобрачныхъ растений.

Появленіе въ свѣтъ такого сочиненія не могло не обратить на себя вниманіе ученаго міра и доставило автору ея славное имя. Основною этой извѣстности была большая его опытность или, точнѣе сказать, тактъ въ опредѣленіи растений, руководившій его съ такою вѣрностью, что большая часть установленныхъ имъ родовъ и видовъ отличается хорошими признаками и принята другими ботаниками. Всѣ описанія растений вполне удовлетворяютъ требованіямъ систематической ботаники. Часто однимъ или двумя словами онъ умѣетъ обрисовать отличительные признаки растений; подобныя описанія лучше всего свидѣтельствуютъ о дарованіи и наблюдательности автора. При описаніи новыхъ видовъ онъ не ограничивается однимъ только указаніемъ ихъ признаковъ, а старается, посредствомъ тщательнаго сличенія, опредѣлить ихъ мѣсто между видами уже извѣстными. Но заслуга г. Турчанинова состоитъ не въ одной только вѣрности взгляда на признаки растений, не въ одной тщательности обработки его труда и въ необыкновенномъ постоянствѣ при собираніи матеріаловъ. Самостоятельность его труда заключается также въ тѣхъ остроумныхъ сближеніяхъ наблюдаемыхъ имъ явленій, которыми онъ не мало обогатилъ ботаническую географію. Не вдаваясь здѣсь въ подробности по этой части, которыя можно прочесть въ самой рецензій гг. Рупрехта и Желѣзнова, мы укажемъ только на одно, сдѣланное авторомъ наблюденіе, а именно, что есть растения общія Европѣ и Дауріи и не встрѣчающіяся въ Забайкальскомъ краѣ, а многія изъ нихъ не находятся даже во всей Сибири.

Все это показываетъ, что Байкало-Дaurская флора есть трудъ вполне самостоятельный, имѣющій достоинство не только по исчисленію въ немъ растений, нигдѣ до селѣ неописанныхъ; но еще заключающій въ себѣ общій обзоръ особенно-

стей растительности, способный объяснить отличительный характер тамошняго края.

Основою для расположенія растений послужила автору система Декандоля; во многихъ же случаяхъ онъ слѣдовалъ также Коху и другимъ ботаникамъ, у которыхъ находилъ вѣрныя описанія. Не вмѣняя себѣ въ заслугу составлять новыя діагнозы, онъ выписывалъ ихъ и изъ другихъ сочиненій, всегда впрочемъ добросовѣстно указывая на источникъ, изъ котораго онъ взятъ. Но въ случаяхъ, когда замѣчалъ неточность въ описаніяхъ, онъ дѣлалъ дополненія и примѣчанія, которыя составляютъ собою значительную часть книги. Многія изъ его описаній перешли, безъ всякаго измѣненія, въ другія сочиненія.

Нельзя умолчать здѣсь о томъ, что особенно первая часть флоры г. Турчанинова, по давности появленія въ свѣтъ, необходимо должна была нѣсколько устарѣть, потому что съ тѣхъ поръ многіе путешественники были въ той же самой странѣ. Но справедливость заставляетъ сказать, что сочиненіе отъ этого ни сколько не утратило своего достоинства, тѣмъ болѣе, что авторъ, по изданіи своей книги, обработалъ особыя прибавленія къ байкало-даурской флорѣ, посланныя имъ въ Московское Общество и нынѣ вышедшія въ печати. Сверхъ того онъ составилъ для своей флоры общій указатель названій растений и поименованныхъ въ сочиненіи авторовъ, который однако, къ сожалѣнію, еще не напечатанъ.

Но и въ настоящемъ своемъ видѣ Байкало-Даурская флора имѣетъ столько достоинствъ, какъ плодъ настойчивыхъ, долготѣльныхъ и добросовѣстныхъ трудовъ, что ее нельзя не признать заслуживающею полной преміи. Такихъ сочиненій въ Россіи появилось не много, и во всякомъ случаѣ чистая любовь къ наукѣ, руководившая сочинителемъ во все продолженіе его ученой дѣятельности, плодомъ которой былъ лежащая трудъ, заслуживаетъ особенной награды.

Академія, по выслушаніи отзыва рецензентовъ, не могла

не скрѣпить окончательнаго ихъ приговора единодушнымъ своимъ согласіемъ, опредѣливъ давнишему своему члену-корреспонденту полную премію.

II.

Вторая главная награда нынѣшняго конкурса переносить насъ изъ вѣчно-юнаго царства Флоры въ другое, уже давно отжившее и погребенное, которое однако, своими остатками и развалинами, также свидѣтельствуесть о нѣкогда оживленномъ состояніи поверхности земли и объ извѣстномъ періодѣ развитія земнаго шара. Относящееся сюда сочиненіе :

**MONOGRAPHIE DER FOSSILEN FISCHE DES SILURISCHEN SYSTEMS DER
RUSSISCH-BALTISCHEN GOUVERNEMENTS VON Dr. Christian Hein-
rich Pander. St. Petersburg 1856**

было плодомъ остроумной догадки, которая привела автора, уже извѣстнаго ученому міру другими основательными трудами по части палеонтологіи, къ нѣкоторымъ важнымъ и вовсе неожиданнымъ открытіямъ. Это есть то самое сочиненіе, которое, по скромности автора, не было имъ самимъ представлено на конкурсъ, но включено въ него самую Академіей.

Г. академикъ Брандтъ представилъ о немъ подробный разборъ, въ которомъ между прочимъ говоритъ слѣдующее :

Доселѣ никто не подозрѣвалъ существованія остатковъ рыбъ въ силурійскихъ наслоеніяхъ окрестностей Петербурга и Эстляндской губерніи. Остроумному автору подлежащей монографіи, г. доктору Пандеру, предоставлено было сдѣлать это, столь любопытное для науки открытіе. Занимаясь изслѣдованіемъ сказанныхъ слоевъ, онъ нашелъ въ глинистомъ песчаникѣ нашихъ нижнихъ силурійскихъ напластованій, кромѣ разныхъ безпозвоночныхъ животныхъ, также множество различныхъ небольшихъ зубковъ. Это навело его на догадку, не суть ли эти крошечные зубки — зубы рыбъ. Онъ принялся за точнѣйшее ихъ изслѣдованіе и дѣйствительно, послѣ

многочисленныхъ микроскопическихъ изысканій, едва не лишившихъ его зрѣнія, ему удалось вполне удостовѣриться въ справедливости своей догадки. Но прежде достиженія этого блестящаго результата, который отодвигаетъ существованіе разряда рыбъ въ столь ранній періодъ мірозданія, авторъ долженъ былъ произвести множество микроскопическихъ изслѣдованій съ цѣлью отыскать у живыхъ рыбъ такія сходства въ строеніи челюсти, которыя были бы достаточны для признанія открытыхъ зубковъ за настоящіе рыбы зубы.

Рыбы, которымъ принадлежали эти зубы, стояли, по-видимому, на низшей степени развитія, нежели нынѣшнія; онѣ не имѣли ни костянаго остова, ни костяныхъ образованій кожи, потому что подлѣ нихъ не было найдено никакихъ другихъ твердыхъ частицъ, а это обстоятельство, какъ само собою разумѣется, должно было еще болѣе затруднить разысканія.

Однакоже авторъ, уже опытный въ наблюденіяхъ, счастливо преодолѣлъ всѣ эти трудности и успѣлъ, на основаніи открытыхъ имъ зубовъ, установить новый отдѣлъ рыбъ, подъ названіемъ *Conodontes*, о чемъ онъ входитъ въ подробнѣйшее разсужденіе, приводя въ поясненіе четыре превосходно выполненные чертежа микроскопическихъ предметовъ, усмотрѣнныхъ имъ при помощи особо для этого отшлифованныхъ пластинокъ. Этотъ отдѣлъ рыбъ — *Conodontes* — авторъ подраздѣляетъ на двѣ главныя группы, смотря по тому, просты ли у нихъ зубы или сложны. Первыхъ, по различію ихъ строенія, онъ подраздѣляетъ на 7 родовъ съ 38 породами, а вторыхъ — на 7 родовъ съ 17 видами.

Вторая глава сочиненія г. Пандера посвящена верхне-силурійскимъ остаткамъ рыбъ, а именно щитообразнымъ или чешуйчатымъ, и описанію открытыхъ, въ этихъ слояхъ, зубовъ рыбъ разныхъ родовъ. Всѣ щитики и чешуйки послѣдне-поименованныхъ родовъ не только превосходно изображены на четырехъ чертежахъ, но еще, помощью тщательно отшлифованныхъ самимъ авторомъ пластинокъ, рассмотрѣны относительно ихъ

микроскопическаго строенія, которое также представлено въ особыхъ изображеніяхъ.

Эта вторая глава сочиненія г. Пандера позволяетъ бросить нѣсколько новыхъ и любопытныхъ взглядовъ въ рыбій міръ верхне-силурійскихъ слоевъ земли.

Но авторъ, не ограничиваясь этими важными ихтіологическими выводами, дѣлаетъ также разныя драгоценныя замѣтки и по части общей палеонтологіи и геогнозіи, служащія отчасти повѣркою прежнихъ нашихъ познаній по этому предмету.

Академикъ Брандтъ заключилъ свой разборъ слѣдующими словами: «Уже изъ этого краткаго очерка монографіи г. Пандера можно судить, что это есть такой трудъ, который основанъ на кропотливыхъ, отчасти давнишнихъ микроскопическихъ наблюденіяхъ, и равно важенъ не только для зоологій, но и для палеонтологіи, по множеству вовсе неожиданныхъ и весьма интересныхъ результатовъ».

Академія, признавая, что трудъ г. Пандера обогатилъ науку дѣйствительными и важными открытіями, увѣчала его, согласно заключенію рецензента, полною Демидовскою премією.

III.

Третье сочиненіе нынѣшняго конкурса, произведеніе кандидата Московскаго Университета, написанное имъ на степень магистра, посвящено исторіи законодательства Россіи до-Петровскаго времени.

Областные учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ. Сочиненіе Б. Черина. Москва 1856.

Рецензентъ, которому Академія поручала разсмотрѣніе этого труда, бывший профессоръ Московскаго Университета, членъ Археографической Комисіи Г. Калачовъ, отдавая ему справедливость, какъ сочиненію, замѣчательному по даровитости автора и потому, что оно есть результатъ долговремен-

наго прилежнаго изученія древнихъ памятниковъ Русскаго законодательства, упрекаетъ его однако за то, что онъ слишкомъ односторонне указываетъ на однѣ темныя стороны нашего общественнаго быта до Петра Великаго. Авторъ, по видимому, самъ предугадывая впечатлѣнiе, какое его книга произведетъ на читателя, старался въ предисловіи къ ней оправдать себя тѣмъ, что для полноты взгляда онъ обязанъ былъ указать на недостатки, обнаруживающіеся въ учрежденіяхъ и бытѣ древней Россіи. Однако, по мнѣнію рецензента, авторъ, при раскрытіи указываемыхъ имъ недостатковъ, слишкомъ далеко увлекся теоріею и въ настоящее время еще нельзя, даже въ полной исторіи Русскаго законодательства, отчетливо уяснить недостатки существовавшихъ учреждений, если для того принимать въ основаніе тольکو источники, коими они отмѣнялись. Замѣчая, что подъ вліяніемъ теоретическаго воззрѣнія законодательство древней Россіи освѣщается свѣтомъ новаго времени, рецензентъ полагаетъ, что изученію историка-юриста подлежали всѣ уцѣлѣвшіе до насъ матеріалы, съ помощью которыхъ онъ могъ бы проникнуть въ основанія, вызвавшія эти учрежденія къ жизни и давшія имъ извѣстную форму, а тѣмъ самымъ оправдать не только существованіе ихъ въ исторіи, но и отчасти самыя недостатки, съ какими они представляются намъ съ нынѣшней точки зрѣнія. Такой оцѣнки учреждений подъ вліяніемъ древнихъ памятниковъ, которую можно назвать археологическою, наука такъ же въ правѣ требовать отъ писателя, какъ она требуетъ для тѣхъ учреждений критической оцѣнки теоретика-юриста.

Указавъ основную идею и направленіе труда Г. Чичерина, разсмотрѣвъ затѣмъ введеніе къ нему, въ которомъ возложенъ историческій обзоръ развитія областныхъ учреждений до XVII вѣка, рецензентъ переходитъ къ разбору существеннаго содержанія книги. Она заключаетъ въ себѣ четыре главы: 1) Областное дѣленіе; 2) Воеводы и приказные люди; 3) Должностныя лица, подчиненныя воеводамъ, и 4) Дол-

жности выборныи. Относительно всѣхъ этихъ отдѣловъ Г. Чичеринъ, по отзыву рецензента, оказалъ своими изслѣдованіями важную услугу всѣмъ занимающимся исторіею Русскаго законодательства. Источники, принятые имъ во вниманіе, разсмотрѣны съ большимъ тщаніемъ, такъ что одни даже фактическія и хронологическія указанія, разсѣянные въ его книгѣ, представляютъ собою хорошій матеріалъ для всякаго изслѣдователя, который захотѣлъ бы заняться тѣмъ же самымъ предметомъ. Но, къ сожалѣнію, авторъ руководствовался не всѣми источниками, какія имѣются на лицо по части областныхъ учреждений, и нѣкоторыя указанія его въ этомъ сочиненіи могли бы быть дополнены на основаніи другихъ матеріаловъ. Притомъ, онъ не обратилъ вниманія на предшествовавшія его труду сочиненія о томъ же предметѣ, хотя ихъ вообще не много и въ нихъ онъ нашелъ бы нѣкоторыя мысли и указанія, не совсѣмъ бесполезныя для бѣльшей полноты изслѣдованія. Но самый важный упрекъ, который рецензентъ дѣлаетъ автору, состоитъ въ томъ, что онъ упустилъ изъ виду, во второй половинѣ своей книги, посвященной исключительно областнымъ учрежденіямъ, тѣ указы, которые отнюдь не могутъ быть признаны центральными учрежденіями, каковы напр. Устюжскій, Костромской, Галичскій, Дмитровскій и вообще указы, завѣдывавшіе лишь одною или нѣсколькими областями, состоявшими часто изъ прежнихъ особыхъ княженій. Притомъ, хотя въ источникахъ и встрѣчаются указанія на перемѣщеніе нѣкоторыхъ городовъ изъ вѣдомства однихъ приказовъ въ другіе, однако можно было бы съ бѣльшею или мѣньшею точностью исчислить, какіе города съ ихъ уѣздами завѣдывались тѣмъ или другимъ приказомъ; это способствовало бы къ указанію раздѣленія Россіи на бѣльшія области, называвшіяся *землями*, а сіе также упущено изъ вида авторомъ, хотя имѣетъ свою важность. Кромѣ приказовъ, не замѣчены еще нѣкоторыя другіе органы областного управленія, которые впрочемъ имѣли гораздо менѣе значенія, но однакожъ, какъ встрѣчающіеся

въ источникахъ, не должны быть исключаемы изъ сочиненія, посвященнаго специальному обозрѣнію областныхъ учреждений вообще; таковы на-пр. нятенщики, уѣздные приставы и стряпчие; вотчинные прикащики и старосты, посельскіе и другіе.

Переходя послѣ пространнаго разбора къ вопросу, достойно ли сочиненіе Г. Чичерина награды и какой именно, рецензентъ выражаетъ свое мнѣніе слѣдующимъ образомъ: «Полная премія ему не можетъ быть назначена по слѣдующимъ причинамъ: 1) Историческая часть, служащая введеніемъ, представляетъ лишь поверхностную разработку фактовъ, что имѣло вліяніе на нѣкоторые недостатки, встрѣчающіеся въ догматической части изслѣдованія; 2) богатые матеріалы, предлагаемые въ главной части сочиненія, связаны между собою слишкомъ общими началами, по сему областныя учреждения древней Россіи представились автору въ слишкомъ неопредѣленномъ видѣ; 3) есть пропуски, которые вредятъ полнотѣ сочиненія. — Премія же второстепенной, или поощрительной, авторъ заслуживаетъ: 1) по ученымъ критическимъ приѣмамъ, которыми отличается дѣлаемый имъ разборъ древнихъ учреждений Россіи, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что остроумные взгляды, сближенія нашихъ учреждений съ современными западными и наконецъ живое изложеніе придаютъ книгѣ интересъ, какой представляютъ немногія юридическія сочиненія; 2) по замѣчательному трудолюбію и штателности, съ которою рассмотрѣны источники, принятые авторомъ въ основаніе его изслѣдованій, и 3) по немалой пользѣ, принесенной имъ наукѣ возбужденіемъ многихъ вопросовъ и мыслей, относящихся къ исторіи Русскаго законодательства, которые имѣютъ важность не только сами по себѣ, но и въ отношеніи практическаго значенія; поэтому трудъ Г. Чичерина, заслуживъ вниманіе ученыхъ, далъ поводъ къ замѣчательнымъ на нее рецензіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ будетъ еще поводомъ къ отдѣльнымъ изслѣдованіямъ о предметахъ, которые затронуты въ сочиненіи Г. Чичерина.

Основываясь на подробной, во многихъ отношеніяхъ замѣчательной рецензіи, представленной Г. Калачовымъ, особенно въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ изучавшимъ исторію древняго права и учреждений Россіи, а съ симъ вмѣстѣ принимаемая въ уваженіе обширность и важность предмета сочиненія Г. Чищерица, Академія положила, въ поощреніе сего, отличающагося дарованіями и трудолюбіемъ молодаго писателя къ дальнѣйшимъ на ученое поприщѣ, болѣе зрѣлымъ, безпристрастною критикою очищеннымъ трудамъ, присудить ему второстепенную премию.

IV.

Нашъ вѣкъ, столь обильный успѣхами по всѣмъ отраслямъ наукъ, былъ ознаменованъ также многими важными географическими открытіями; почитавшіеся до селѣ недоступными льды сѣвернаго и южнаго полюсовъ и знойныя степи Африки и Австраліи разверзались предъ настойчивою предприимчивостію европейца и кругъ остающихся еще неизвѣстными странъ земнаго шара съ каждымъ годомъ стѣсняется все болѣе и болѣе. Съ чувствомъ гордости мы можемъ сказать, что и наше отечество также имѣло свою долю въ этихъ достославныхъ мирныхъ завоеваніяхъ науки. То были русскіе моряки, которые на утлыхъ судахъ, едва способныхъ для плаванія по морямъ, дагѣе проникли къ южному полюсу, чѣмъ кто либо изъ ихъ предшественниковъ; то былъ русскій морякъ, который по льду океана первый достигъ открытаго моря, окружающаго сѣверный полюсъ; то были туземные моряки и ученые, которые впервые ближе изслѣдовали безлюдные берега Новой Земли. Но обширное отечество наше заключаетъ въ своихъ предѣлахъ не мало странъ, которыя еще ждутъ обслѣдованія. Къ таковымъ принадлежала сѣверная часть Урала, изслѣдованіе которой составляетъ предметъ одного изъ сочиненій нынѣшняго конкурса.

СѢВЕРНЫЙ УРАЛЪ и БЕРЕГОВОЙ ХРЕБЕТЪ ПАЙ-ХОЙ. Томъ II, составленный начальникомъ Уральской Экспедициі Dr. Э. Гофманомъ. 1856.

DER NÖRDLICHE URAL UND DAS KÜSTENGEWIRGE PAI-SHOI, untersucht und beschrieben von einer in den Jahren 1847, 1848 und 1850 durch die Kaiserliche Russische Geographische Gesellschaft ausgeführte Expedition. Band II. Verfasst von dem Leiter der Ural-Expedition Dr. Ernst Hoffmann.

Это, какъ видно, второй томъ описанія Уральской экспедициі, первый томъ котораго, содержащій въ себѣ географическія опредѣленія мѣстъ и наблюденія земнаго магнетизма, изданъ въ 1853 году астрономомъ экспедициі, г. профессоромъ Ковальскимъ, и удостоился поощрительной Демидовской преміи. Нынѣ изданный второй томъ былъ разсмотрѣнъ ординарными академиками Гельмерсенемъ и Абихомъ.

»Точное познаніе Уральского хребта издавна ограничивалось среднею его полосомъ, потому что рудокопство почти исключительно производится въ этой части. Лежащія къ сѣверу и югу отъ горныхъ округовъ отрасли Урала, хотя и были отъ времени до времени случайно посѣщаемы, однако никогда не дѣлались предметомъ обширнаго изслѣдованія. По этой-то причинѣ Южный Уралъ, начиная отъ рѣки того-же имени до южнаго отрога хребта, находящагося верстахъ во ста отъ Аральскаго моря, еще по нынѣ остается весьма мало извѣстнымъ; о Сѣверномъ же Уралѣ, а именно о части хребта отъ горной области Петропавловска до Ледовитаго моря, мы знали бы еще менѣе того, если бы онъ не былъ изслѣдованъ г. Гофманомъ и его спутниками. Три лѣта были употреблены на обозрѣніе этой, столь мало доступной страны глубокаго сѣвера. Это были многотрудныя, весьма опасныя странствованія, которыя г. Гофманъ и его сподвижники мужественно и настойчиво совершили среди разнаго рода лишеній и которыя принесли наукѣ обильную и разнообразную добычу, потому что это были въ полномъ смыслѣ путешествія для открытій».

Извѣстно, что экспедиція для изслѣдованія Сѣвернаго Урала была рѣшена въ 1846 году Совѣтомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, по вызову коего полковникъ (нынѣ генералъ-маіоръ) Гофманъ принялъ на себя управленіе ею, равно какъ производство геологическихъ и минералогическихъ наблюденій. Ничего не было упущено для достойнаго снаряженія экспедиціи и, подъ руководствомъ столь опытнаго и мужественнаго руководителя и ученаго, какъ г. Гофманъ, можно было, по всей справедливости, ожидать отъ нея значительныхъ результатовъ. Ожиданіе это и сбылось въ полной мѣрѣ; экспедиція блистательнымъ образомъ разрѣшила предложенную ей задачу; не смотря на многія трудности и опасности, съ которыми она должна была бороться, проникла въ самыя отдаленныя къ сѣверу части Урала и изслѣдовала тамъ его отроги, начертала вѣрную, основанную на астрономическомъ опредѣленіи мѣсть и на тщательныхъ топографическихъ съемкахъ, карту сѣверныхъ частей хребта отъ 61° сѣверной широты до Ледовитаго моря, а вмѣстѣ съ тѣмъ и теченія Печоры, отъ ея истоковъ до самаго устья, и собрала, сверхъ обильной коллекціи предметовъ по всѣмъ тремъ царствамъ природы, множество наблюденій по разнымъ частямъ землевѣдѣнія. Однимъ изъ главныхъ ея результатовъ было открытіе, что Уралъ не достигаетъ Карской губы, а напротивъ того верстахъ въ 50-ти къ югу отъ нея внезапно, вмѣстѣ съ горою Константиновымъ-Камнемъ, уклоняется къ тундрѣ и что простирающійся къ южному берегу низкій хребетъ Пай-хой совершенно отдѣленъ отъ Урала широкою низью и рѣзко отличается отъ него какъ своимъ направлениемъ, такъ и самымъ видомъ.

Можно представить себѣ удовольствіе и радость, какую ощутили путешественники по достиженіи этого результата. То было 6 августа 1848 года, во второе путешествіе, когда открыта была поименованная гора. Съ ея вершины г. Гофманъ и его спутники увидѣли Ледовитое море. Цѣль труднаго странствія была достигнута. Всѣ недостатки, всѣ лишенія, съ которыми

долженъ былъ бороться смѣлый путешественникъ, были забыты, и въ семъ возвышенномъ настроеніи духа онъ наименовалъ эту самую сѣверную порубежную твердыню двухъ частей свѣта, въ честь Августѣйшаго Предсѣдателя Географическаго Общества, Константиновымъ-Камнемъ. Оттуда г. Гофманъ проникъ до Ледовитаго моря, потомъ обратился къ рѣкѣ Карѣ съ тѣмъ, чтобы достигнуть Вайгачскаго пролива, а, по достиженіи его, отправился вдоль хребта Пай-хоя къ юговосточному его концу, горѣ Юденю, и оттуда 2 сентября предпринялъ обратный путь свой въ южномъ направленіи. Третье лѣто, 1850 г., г. Гофманъ употребилъ на выполненіе пробѣла, оставленнаго въ 1848 году въ изслѣдованіи Урала, вслѣдствіе неудачи, претерпѣнной однимъ изъ отрядовъ экспедиціи.

Предлежащая книга заключаетъ въ себѣ полный отчетъ о ходѣ и результатахъ всего путешествія. Обработанный въ ней матеріалъ такъ разнообразенъ и поучителенъ и содержитъ въ себѣ столько новаго и любопытнаго, что и самое сжатое изъ него извлеченіе далеко превышало бы предѣлы нашего отчета. Сначала авторъ рассказываетъ о всемъ, съ нимъ случившемся, столь живо и прѣвлекательно, что всякій конечно съ истиннымъ удовольствіемъ прочтетъ это донесеніе. Сверхъ того въ самомъ разсказѣ находимъ обиліе географическихъ и естественно-историческихъ замѣтокъ и наблюденій, и вѣрныхъ, живыхъ описаній страны и ея обитателей.

Послѣ повѣствовательной части о ходѣ экспедиціи слѣдуетъ разработка собранныхъ ею ученыхъ матеріаловъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ сперва геогностическій отдѣлъ. Въ составъ его входятъ, во 1-хъ, опредѣленіе собранныхъ уральскою экспедиціею окаменѣлостей и выражаемыхъ ими формаций, обработанное Графомъ Кейзерлингомъ; во 2-хъ, геогностическое описаніе Сѣвернаго Урала, составленное г. Гофманомъ. Это самая существенная часть ея и во всѣхъ отношеніяхъ весьма важный трудъ, потому что сѣверная отрасль Урала едва была прежде затронута геологами и слѣдовательно все здѣсь ново

я въ высокой степени любопытно. Опреѣленіе горнокаменныхъ породъ сдѣлано съ особеннымъ тщаніемъ. Къ геогностическому описанію приложены чертежи съ изображеніемъ горныхъ профилей.

Далѣе находится отдѣлъ, въ которомъ изложены произведенныя на Уралѣ опредѣленія высотъ и наблюденія надъ температурою ключей.

Собравныя экспедиціею зоологическіе и ботаническіе матеріалы обработаны академиками Брандтомъ и Рупрехтомъ, и написанныя ими по этому предмету статьи приложены въ концѣ книги.

Ко всему этому слѣдуетъ присовокупить многочисленныя поясненія текста чертежами и полнотипажамъ и отлично выгравированную карту Сѣвернаго Урала.

Такимъ образомъ Сѣверный Уралъ, доселѣ бывшій по большей части странною неизвѣстною, благодаря ревностнымъ усиліямъ генералъ-маіора Гофмана, нынѣ уже введенъ въ кругъ хорошо изслѣдованныхъ странъ Русскаго сѣвера. Опреѣлено точное географическое его положеніе, его исходъ къ Ледовитому морю, его внѣшній видъ, геологическое свойство и гидрографическія отношенія, ближе изучены его климатъ, флора и фауна. Такіе результаты, добытые многотрудными и опасными странствованіями въ одной изъ самыхъ безлюдныхъ частей глубокаго сѣвера, налагаютъ на насъ пріятную обязанность благодарности къ тѣмъ, которые посвятили себя совершенію этого труда изъ чистой любви къ наукѣ.

V.

Если путешествіе по твердой землѣ сопряжено бываетъ съ различными опасностями, то тѣмъ болѣе имъ подвержено плаваніе по морю. Оно есть, особенно въ иныхъ водахъ, почти непрерывная борьба съ трудностями и бѣдствіями разнаго рода. Впрочемъ, по словамъ одного изъ наиболѣе смѣлыхъ

нашихъ мореходовъ, который самъ неоднократно безъ страха смотрѣлъ въ глаза смерти (*), «боротся со стихіями, одолевать препятствія, сдружаться съ опасностями, все это такъ свойственно моряку, что ему иногда даже скучно безъ нихъ. Продолжительность однообразнаго, спокойнаго плаванія пассатами возбуждаетъ въ морякѣ желаніе переменъ; онъ встрѣчаетъ налетъ шквала съ радостью, привѣтствуетъ бурю въ затропическихъ моряхъ не безъ нѣкотораго удовольствія, и увѣренный въ своемъ искусствѣ, въ ловкости неутомимыхъ и опытныхъ матросовъ своихъ, въ крѣпости корабля и благонадежности всего вооруженія, онъ не страшится грозныхъ силъ, такъ часто испытывающихъ его терпѣніе и хладнокровіе». Однако иногда опасность бываетъ такъ велика, что всѣ усилія противъ нея самаго опытнаго и неустрашимаго моряка остаются тщетными и судно погибаетъ, а нерѣдко съ нимъ вмѣстѣ и самый экипажъ. Исторія всѣхъ мореходныхъ націй наполнена плачевными примѣрами такого рода и это самое навело многихъ писателей на мысль собирать описанія подобныхъ случаевъ для назиданія и предостереженія своихъ ближнихъ. Эту же самую мысль имѣлъ и у насъ одинъ изъ состязателей нынѣшняго конкурса, А. П. Соколовъ, написавъ:

Лѣтопись крушеній и пожаровъ судовъ Русскаго флота, отъ начала его по 1854 годъ.

Разсмотрѣніе этой книги было поручаемо Академіею помощнику попечителя Казанскаго Учебнаго Округа **Ө. Ө. Веселаго**.

Составленная **Г. Соколовымъ** Лѣтопись заключаетъ въ себѣ описаніе, въ хронологическомъ порядкѣ, 289 случаевъ крушеній и пожаровъ военныхъ и транспортныхъ судовъ Русскаго флота съ 1713 по 1853 годъ включительно. Авторъ внесъ въ

(*) См. статью Контръ-Адмирала, нынѣ Адмирала **Ф. П. Врангеля**: о средствахъ достиженія полюса въ «Запискахъ Русскаго Географическаго Общества» книжка II. 1847 стр. 21.

нее описаніе бѣдствій только такихъ судовъ, которыя были оставляемы ихъ командами, хотя бы самыя суда въ послѣдствіи и были спасены; исключены крушенія судовъ Россійско-Американской компаніи, разнаго рода вольно-наемныхъ и всѣхъ судовъ гребнаго флота, ниже фрегатскаго ранга.

Очертивъ такимъ образомъ предѣлы своего труда, Г. Соколовъ составилъ возможно-полное описаніе *всѣхъ* случаевъ гибели и пожаровъ судовъ Русскаго флота, со времени перваго выхода его въ море по 1853 годъ. Къ лѣтописи приложены полныя выписки всѣхъ статей законовъ, по которымъ производились приговоры надъ лицами, участвовавшими въ крушеніи; списки такихъ судовъ и ихъ командировъ; именной списокъ офицеровъ и число нижнихъ чиновъ, погибшихъ во время бѣдствія, и наконецъ, для соображенія при чтеніи, отчетливо составленныя карты окружающихъ Россію морей, числомъ 9.

Общая форма, принятая авторомъ при описаніи крушеній, слѣдующая: годъ гибели судна, рангъ его и число орудій, названіе судна, имя командира, море, на которомъ случилось несчастіе, и, наконецъ, описаніе самаго событія. Большая или меньшая подробность описанія зависѣла какъ отъ количества и рода матеріаловъ, такъ и отъ важности и назидательности для моряковъ частныхей самаго крушенія. Поэтому о пныхъ случаяхъ помѣщены двѣ, три строки, а описанія другихъ доходятъ почти до 20 страницъ. При достаточныхъ матеріалахъ, кромѣ разсказа техническаго морскаго, сообщенъ также болѣе или менѣе подробный отчетъ о замѣчательнѣйшихъ эпизодахъ событія.

Весьма любопытенъ выводъ, дѣлаемый авторомъ изъ общаго обзора крушеній на разныхъ моряхъ и въ разное время. Изъ него видно, что крушеній судовъ наиболѣе происходило на Балтійскомъ морѣ отъ неизвѣстныхъ теченій, которыя имѣютъ пагубное вліяніе въ этихъ тѣсныхъ и усѣянныхъ мелями и камнями водахъ; на Черномъ — отъ жестокости буръ;

на Охотскомъ—отъ непрочности постройки и недостаточности снабженія и управленія судовъ. Большая часть старинныхъ крушеній происходили отъ недостатковъ, какъ въ постройкѣ, вооруженія и снабженія судна, такъ и въ способахъ кораблевожденія. Но вообще число судовъ, потерпѣвшихъ бѣдствія, весьма не велико, если принять въ расчетъ продолжительность обнимаемаго Лѣтописью времени, дѣятельность плаваній и общее число всѣхъ выходившихъ въ море судовъ.

Относительно обработки труда рецензентъ отдаетъ автору справедливость, что онъ съ строгою точностью исчерпалъ всѣ имѣвшіеся по части избраннаго имъ предмета источники и, не ограничиваясь одними только архивами, отыскивалъ потребныя ему свѣдѣнія, гдѣ только могъ, даже въ частныхъ запискахъ, а иногда и изъ устъ очевидцевъ; а гдѣ имѣлись официальные данныя, какъ-то слѣдственные и военносудныя дѣла, критически взвѣшивалъ степень достовѣрности показаній каждаго изъ участниковъ крушенія.

Далѣе рецензентъ указываетъ на важность исполненнаго Г. Соколовымъ труда. Лѣтопись крушеній имѣетъ въ морской литературѣ двойное, весьма важное значеніе: во 1-хъ какъ историческое сочиненіе, написанное добросовѣстнымъ образомъ, а во 2-хъ какъ необходимая и назидательная для моряка практическая книга. До сихъ поръ у насъ не только не достаесть полной исторіи Русскаго флота, но едва еще начинается обработка необходимыхъ для нея матеріаловъ. Поэтому такіе труды, какъ Лѣтопись крушеній, составляющая хорошій матеріалъ для исторіи флота, имѣютъ высокую цѣну. Но значеніе его еще болѣе увеличивается, если смотрѣть на него не только какъ на отдѣльное произведеніе, но какъ на часть огромнаго предпріятія того же самаго автора — исторіи Русскаго флота. Прилагая длинный перечень относящихся сюда трудовъ Г. Соколова, рецензентъ замѣчаетъ, что не было, кажется, предмета, имѣющаго связь съ морскимъ дѣломъ, на который бы авторъ Лѣтописи не обратилъ своего вниманія.

Всѣ эти труды, не смотря на кажущееся ихъ разнообразіе, составляютъ части одного цѣлаго — будущей Исторіи Русскаго флота.

По окончательному приговору рецензента, обширность и польза трудовъ Г. Соколова по всѣмъ отраслямъ Исторіи Русскаго флота и несомнѣнные достоинства и важное значеніе въ ученой морской литературѣ составленной имъ Лѣтописи крушеній вполне достойны обратить на себя вниманіе Академіи и заслуживаютъ Демидовской преміи.

VI.

Величіе Творца проявляется намъ не въ однихъ только исполинахъ созданія, въ достигающихъ до облаковъ горахъ, въ гигантскихъ деревьяхъ и животныхъ; оно открывается намъ всюду, куда бы ни простирали мы свои взоры, и даже въ самыхъ малѣйшихъ произведеніяхъ природы, вовсе незамѣтныхъ простому глазу. Этотъ міръ самомагнѣйшихъ существъ цѣлыя тысячелѣтія оставался вовсе неизвѣстнымъ и не прежде, какъ по изобрѣтеніи особаго орудія, значительно усиливающаго зрѣніе человѣка, сдѣлался доступнымъ его наблюденію. И каково было тогда его удивленіе, когда онъ въ каплѣ мутной воды открылъ такое же множество живыхъ существъ, какъ и въ самомъ морѣ, — существъ, правда безконечно малыхъ, но все же и въ этомъ капельномъ мірѣ своемъ находившихъ себѣ обильную пищу, возраставшихъ въ немъ, расплодившихся и послѣ нѣсколькихъ мгновеній оканчивавшихъ свое бытіе, чтобы уступать мѣсто новымъ поколѣніямъ. Сначала эти безчисленные микроскопическія животныя считались совершенно одинаковыми; но по ближайшемъ разсмотрѣніи нашлось и между ними, какъ и во всемъ органическомъ мірѣ, чрезвычайное разнообразіе и нѣкотораго рода подчиненность, и оказалось, что они раздѣляются на множество породъ, которыя отличаются

другъ отъ друга опредѣленными характеристическими признаками, и состоя въ извѣстной постепенности отъ низшихъ къ высшимъ, отъ почти вовсе лишенныхъ всякаго члена, до вполне члено-развитыхъ, составляютъ какъ бы звенья одной общей цѣпи. Не ограничившись этимъ открытіемъ, пытливость человѣка простерлась еще далѣе и стала изслѣдывать также внутреннее строеніе этихъ животныхъ, условія ихъ жизни и развитія, ихъ назначеніе въ общемъ хозяйствѣ природы, отношеніе къ человѣку, животнымъ и растеніямъ, ихъ пользу и вредъ, ихъ превращенія и т. д. Вскорѣ явились цѣлыя теоріи по этой части; но вмѣстѣ съ тѣмъ возникли и разные спорные вопросы. Одинъ изъ таковыхъ касался сходства въ первоначальномъ развитіи этихъ низшихъ животныхъ съ тѣмъ же самымъ процессомъ у разныхъ живущихъ въ прѣсной водѣ растеній, а другой, весьма тѣсно связанный съ первымъ, относился къ границамъ растительнаго и животнаго царствъ. Оба они вызвали множество новыхъ наблюденій и гипотезъ, отчасти самаго смѣлаго рода. Такъ, еще недавно были наблюдатели, вѣрившіе въ такъ называемое перерожденіе водорослей. Они полагаали, что одноклѣтчатая водоросль иногда превращается въ наливочныхъ животныхъ, а при другихъ обстоятельствахъ даже въ лишай и мхи. Но ближайшее изслѣдованіе положительно доказало, что это ученіе произошло отъ неточности наблюденій и выводовъ, что такого превращенія не происходитъ не только въ предѣлахъ семействъ, но даже родовъ и видовъ, и что организмы, стоящіе на границахъ обоихъ царствъ, имѣютъ свои особенныя морфологическія измѣненія, рѣзко отдѣленные однѣ отъ другихъ, изслѣдованіе которыхъ такъ трудно, что безъ помощи точныхъ наблюденій легко можно впасть въ заблужденіе и принять за тождественное то, что въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ различнымъ организмамъ.

У насъ подобнаго рода наблюденіями занимался одинъ изъ нашихъ естествоиспытателей, Г. Профессоръ Ценковский; онъ посвятилъ имъ цѣлыя годы самаго неутомимаго

труда и положилъ результаты своихъ изслѣдованій въ представленномъ на нынѣшній конкурсъ сочиненіи:

О высшихъ водоросляхъ и инфузоріяхъ. С. Пб. 1856.

Сочиненіе это было рассмотрѣно относительно къ водорослямъ нашими ботаниками, Академиками Рупрехтомъ и Желѣзновымъ, а относительно къ наливочнымъ животнымъ г. докторомъ Вейссе, извѣстнымъ своими наблюденіями по этой части. Всѣ они съ большою похвалою отзываются объ этомъ замѣчательномъ трудѣ, хотя и не вполне соглашаются съ его выводами.

Первый изъ нихъ говоритъ въ своемъ разборѣ между прочимъ слѣдующее:

«Изъ всего сочиненія Г. Ценковскаго видно его стремленіе разъяснить загадочный вопросъ о границахъ растительнаго и животнаго царствъ. Для этого онъ избралъ два средства: во 1-хъ, изученіе исторіи развитія простѣйшихъ организмовъ, выходящихъ болѣе или менѣе явные слѣды растительнаго или животнаго происхожденія, и во 2-хъ, критическій разборъ тѣхъ признаковъ, которыми доселѣ старались опредѣлять относительныя границы обоихъ царствъ.

«Главная часть посвящена изученію исторіи развитія, во 1-хъ, конфервъ и одноклѣтчатыхъ водорослей, и, во 2-хъ, рѣсничныхъ инфузорій. Ограничиваясь разборомъ первыхъ, мы скажемъ, что имѣли случай видѣть нѣкоторыя изъ наблюденій г. Ценковскаго и убѣдиться въ ихъ точности. Авторъ пользуется славою опытнаго наблюдателя высшихъ органическихъ формъ и сдѣлался извѣстнымъ по своему открытію развитія органическихъ существъ внутри крахмальныхъ зеренъ. Нельзя однако не замѣтить, что нѣкоторыя изъ этихъ наблюденій не полны и что на основаніи ихъ сдѣланы выводы слишкомъ рѣшительные въ пользу того общаго воззрѣнія, которому слѣдуетъ авторъ.

«Подвергнувъ критикѣ разные признаки, доселѣ служившіе къ разграниченію растительнаго и животнаго царствъ,

авторъ находитъ ихъ недостаточными для этой цѣли и полагаетъ, что нельзя провести между обоими царствами ясной и прямой межн. Но этотъ выводъ основанъ болѣе на умозаключеніи и не оправдывается явственнымъ разграниченіемъ наблюденныхъ Г. Ценковскимъ организмовъ. Напротивъ того, его наблюденія еще болѣе способствовали къ разъясненію этой границы и въ томъ-то самомъ и состоятъ одна изъ заслугъ его».

Въ заключеніе, рецензентъ говоритъ, что сочиненіе Г. Ценковскаго, не смотря на неполноту, составляетъ весьма замѣчательное явленіе въ русской литературѣ, какъ первый опытъ точныхъ наблюденій надъ низшими организмами и потому заслуживаетъ второстепенную премію.

Г. Докторъ Вейссе изъясняется въ своемъ отзывѣ между прочимъ слѣдующими словами:

«Успіе Г. Ценковскаго клонится къ тому, дабы доказать совершенное равенство самыхъ раннихъ фазисовъ развитія въ двухъ органическихъ царствахъ природы. Съ этою цѣлью онъ подвергалъ значительное число низшихъ растений и инфузорій продолжительному и настойчивому наблюденію. Избранные имъ для того организмы онъ приводитъ въ слѣдующихъ группахъ; 1) конфервы и одноклѣтчатая водоросль, къ которымъ онъ, слѣдуя новѣйшимъ писателямъ, относитъ также монады и волвоцины; 2) инфузоріи съ рѣсницами, и 3) такъ называемыя рицоподы Дюжардена.»

«Изъ этихъ трехъ отдѣловъ сужденію моему подлежатъ только два послѣдніе. Но прежде чѣмъ я приступлю къ исполненію этого почетнаго для меня вызова, я не могу не сказать нѣсколько словъ объ одной выходкѣ, которую авторъ позволялъ себѣ сдѣлать въ своемъ предисловіи противъ профессора Эренберга въ Берлинѣ. Къ сожалѣнію, между естествоиспытателями новѣйшаго времени вошло какъ бы въ обычай огорчать этого столь заслуженнаго ученаго слишкомъ рѣзкими сужденіями по поводу нѣкоторыхъ изъ его

физиологическихъ объясненій микроскопическихъ предметовъ. И г. Ценковскій также увлекся къ такой выходкѣ. По истинѣ, прискорбно видѣть въ печати подобные приговоры о такомъ наблюдателѣ, какъ Эренбергъ. Онъ, который своими несравненными наблюденіями выполнилъ пробѣлъ, образовавшійся въ наукѣ объ инфузоріяхъ со временъ Оттона Фридриха Мюллера, т. е. въ теченіе 50 лѣтъ, и возбудилъ ученыхъ къ дальнѣйшему развитію этой, столь пренебреженной отрасли естествознанія, по словамъ г. Ценковскаго чрезвычайно пагубно дѣйствовалъ на успѣхи науки, потому что нивыя объясненія видѣнныхъ имъ самимъ явленій, — хотя бы и не безъ основанія, — не понравились другимъ естествоиспытателямъ. Еслибы Эренбергъ не выступилъ на поприще съ своимъ большимъ твореніемъ объ инфузоріяхъ, то какъ далеко отставали бы мы еще до сихъ поръ въ нашихъ познаніяхъ о невидимомъ мірѣ самомагнѣйшихъ организмовъ!

Г. Ценковскій поставилъ себѣ особенною задачею прослѣдить у инфузорій образованіе пузыря (Cystis) и на этотъ конецъ придумалъ слѣдующій простой и весьма одобрительный способъ наблюденія. Въ плоскомъ и постоянно наполненномъ водою сосудѣ онъ устроилъ низкія помѣщенія, на которыхъ покоятся наполненныя инфузоріями и прикрытыя стаканами стеклянныя дощечки; весь же этотъ приборъ еще покрывается опрокинутымъ стекляннымъ чехломъ, чтобы испаряющаяся вода непрерывно поддерживала подъ нимъ влажность воздуха и такимъ образомъ устранялось высыханіе препаратовъ. Этимъ способомъ возможно одинъ и тотъ же предметъ наблюдать, въ большіе или меньшіе промежутки, цѣлыя недѣли и мѣсяцы сряду, вслѣдствіе чего между прочимъ самому автору удалось подмѣтить образованіе пузыря у большаго числа инфузорій. Правда, уже и прежде другіе естествоиспытатели наблюдали пузыри у нѣкоторыхъ изъ тѣхъ же породъ инфузорій; однако имъ лишь рѣдко удавалось прослѣдить ходъ этого образованія съ такою постепенностью и какъ бы шагъ за шагомъ, какъ то

возможно было нашему автору при помощи вышеупомянутого способа». Сверхъ того ему принадлежит первенство наблюденія пузыря у нѣкоторыхъ инфузорій. Но если онъ вообще ставитъ эти пузыри наравнѣ съ такъ называемыми покоящимися спорами ниспихъ водяныхъ растений, то это мнѣніе есть просто одна только игра фантазій, потому что сходныя между собою внѣшнія явленія въ совершенно различныхъ одинъ отъ другаго органическихъ процессахъ еще отнюдь не даютъ права считать ихъ однозначущими.

Приданные отдѣльнымъ наблюденіямъ рисунки служатъ очень нагляднымъ поясненіемъ текста, въ которомъ мы вездѣ видимъ спокойнаго наблюдателя, ревностно стремящагося къ познанію истины. Но только жаль, что авторъ употребилъ столь различныя между собою увеличенія и что въ показанія его по этой части вкрались, по видимому, разныя погрѣшности.

Сводя всѣ частности своего разбора подъ одинъ общій итогъ, г. докторъ Вейссе говоритъ: «Не смотря на всѣ сдѣланныя мною здѣсь замѣтки, я того мнѣнія, что трудъ г. Ценковскаго заслуживаетъ вниманіе Академіи. Онъ весьма выгодно отличается отъ многихъ другихъ диссертаций по этой части тѣмъ, что авторъ въ немъ совершенно самостоятеленъ, т. е. что все имъ излагаемое возникло изъ собственныхъ его многотрудныхъ наблюденій. Только тотъ, кто самъ занимался подобнаго рода микроскопическими изысканіями, можетъ судить о томъ, какой траты времени, какаго труда и терпѣнія стоятъ подобныя работы. Но здѣсь къ этому еще присовокупляется то обстоятельство, что авторъ не могъ почерпнуть для своего предмета ни малѣйшаго пособия изъ Русской литературы, а долженъ былъ отыскивать потребныя выводы изъ нѣмецкихъ или французскихъ сочиненій. И такъ, онъ своею диссертациею относительно къ ниспихъ водорослямъ и инфузоріямъ сдѣлалъ большой шагъ впередъ въ отечественной литературѣ.

Взвѣсивъ оба эти отзыва, Академія не усомнилась прису-

дить сочиненію г. профессора Ценковскаго поощрительную Демидовскую премію.

VII.

Русская литература не богата сочиненіями, относящимися къ исторіи отечественнаго образованія. Многія ли изъ нашихъ учебныхъ заведеній удостоились хотя нѣсколько удовлетворительной исторіи? а между тѣмъ безъ такихъ отдѣльныхъ монографій едва ли можно помышлять о начертаніи полной картины общественнаго образованія въ Россіи. Съ нѣкоторыхъ поръ впрочемъ и этотъ недостатокъ начинаетъ возполняться. Недавно здѣсь было увѣнчано описаніе одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній дѣшней столицы, а нынѣ мы съ радостью исполняемъ тотъ же самый долгъ справедливости относительно къ одному изъ высшихъ заведеній первопрестольнаго города имперіи. Это сочиненіе есть:

Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, Баккалавра Московской Духовной Академіи Сергѣя Смирнова. Москва 1855.

Оно было просматриваемо, по просьбѣ Академіи, преосвященнымъ Филаретомъ, епископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, и этотъ достойный и ученый пастырь представилъ намъ свой отзывъ, изъ котораго усматриваемъ слѣдующее:

Авторъ составилъ весьма любопытный и довольно полный очеркъ исторіи заведенія, занимающаго столь важное мѣсто въ ходѣ образованія нашего отечества. Онъ дѣлитъ исторію Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи на три періода: первый «греческій» отъ Лихудовъ до Роговскаго (1685—1700), второй—«латинскій» до митрополита Платона (1700—1775) и третій — «славяно-греко-латинскій», начиная отъ Платона до новой Академіи (1775—1814).

Затѣмъ разсматриваются замѣчательнѣйшія событія каждаго изъ этихъ періодовъ. Въ первомъ періодѣ разсказаны вывозъ Лихудовъ, ихъ исторія до прибытія въ Москву, дѣятель-

ность ихъ въ школѣ, борьба съ учеными Польскими, обвиненія противъ Лихудовъ и удаленіе изъ Академіи.

Къ этой исторической части первоначальнаго времени Академіи присоединены разныя статистическія и литературныя подробности: о средствахъ Академіи, заданіяхъ, содержаніи и библіотекѣ, о трудахъ наставниковъ и занятіяхъ учениковъ; рассмотрѣны сочиненія Лихудовъ какъ дидактическія, такъ и полемическія и ораторскія. Учебники разобраны и оцѣнены довольно подробно.

Исторія удаленія Лихудовъ изъ Москвы, дотолѣ оставшаяся темною, изложена по новымъ источникамъ и вполне удовлетворительно.

Второй періодъ Академіи—латинскій—начался Палладіемъ Роговскимъ и вызовомъ ученыхъ изъ Кіева. Авторъ пишетъ: «Говоря о Латинскомъ образованіи, мы разумѣемъ только виѣшнюю форму образованія: сущность ученія, православныя догматы, строгій взглядъ на западное суемудріе, оставались тѣже, какъ при Лихудахъ, и въ новомъ періодѣ Московская Академія отъ изгнанія греческаго языка изъ круга преподаванія не потерпѣла ущерба ни въ наукахъ, ни въ православіи, и это зависѣло отъ крѣпости ученія православнаго, виѣдрившагося въ русское сердце».

Вслѣдъ затѣмъ, какъ и въ 1-мъ періодѣ, говорится о средствахъ Академіи, о ея помѣщеніи, содержаніи и библіотекѣ и, послѣ необходимыхъ свѣдѣній о составѣ начальствующихъ и учащихся, сообщаются любопытныя показанія о катехизическомъ способѣ преподаванія и о проповѣданіи; выписками изъ проповѣдей показанъ духъ, составъ и языкъ проповѣдей. Разборъ учебныхъ руководствъ въ высшей степени любопытенъ по своему предмету и отличается какъ подробностью и основательностью, такъ и скромностью критики. Послѣ разбора, столько же дѣльнаго учебныхъ книгъ по философіи и риторикѣ, авторъ не умалчиваетъ и о другихъ сочиненіяхъ и переводахъ наставниковъ Академіи. Между занятіями же учениковъ

упоминается о пьесопѣніяхъ и комедіяхъ. Свѣдѣнія о ректорахъ и префектахъ во многихъ случаяхъ новы и исправляютъ ошибки прежнихъ сочинителей. О проповѣдникахъ же и учителяхъ доселѣ нигдѣ не было сказано ни слова, тогда какъ весьма многіе изъ нихъ въ послѣдствіи занимали важныя мѣста въ церковномъ управленіи, а частію извѣстны и въ ученномъ мірѣ. Кончившіе курсъ ученія отправлялись въ разныя миссіи, въ путешествія съ ученою цѣлью, поступали въ Академію Наукъ, въ Московскій госпиталь и въ другія вѣдомства. Нѣкоторые изъ нихъ приобрѣли себѣ извѣстность въ государствѣ или въ области наукъ. Здѣсь упомянемъ только о Ломоносовѣ, также вышедшемъ изъ этого разсадника образованія.

Въ третьемъ періодѣ сначала говорится о митрополитѣ Платонѣ, ученикѣ, наставникѣ, директорѣ Академіи, о его заслугахъ для заведенія и правахъ, данныхъ ему надъ Академіею. — Далѣе слѣдуютъ разныя статистическія данныя, внутреннее управленіе, преподаваніе наукъ, проповѣданіе, цензура книгъ, ученныя сочиненія и переводы. Здѣсь встрѣчается много любопытнаго: видно стремленіе къ расширенію круга преподаванія и ко введенію разныхъ сообразныхъ времени усовершенствованій. Въ богословскомъ классѣ введены: каноническое право толкованіе писанія съ герменевтикою, церковная исторія, пастырское богословіе; въ философскомъ — исторія философіи, естественная исторія и физика; въ риторическомъ — всеобщая исторія въ соединеніи съ географіею. Въ пѣтическомъ классѣ данъ перевѣсъ изученію русскаго стихотворства, введены классы языковъ греческаго, нѣмецкаго и французскаго и т. д. — Говоря о проповѣданіи, авторъ разбираетъ духъ проповѣдей Платона и другихъ проповѣдниковъ; затѣмъ разсматриваетъ занятія учениковъ, судьбы наставниковъ и питомцевъ, и т. д. Самое число учащихся въ Академіи значительно возрасло въ этомъ періодѣ; изъ нихъ нѣкоторые составили себѣ извѣстное имя.

Уже изъ этого обзора содержанія, по мнѣнію рецензента, видно, что новое сочиненіе — дорогое приобретеніе для рус-

скаго ученаго міра. Оно оригинально съ первой страницы до послѣдней. Изложеніе — зрѣло обдуманное и отчетливое. Событія представлены въ духѣ спокойномъ, безъ напряженныхъ похвалъ и восторговъ; они представлены такъ, что сами говорятъ о себѣ. — Исторія всякаго высшаго учебнаго заведенія прежде всего должна показать значеніе сего заведенія для наукъ, которыя преподаются въ немъ, а затѣмъ значеніе его для общества. Исторія Московской Академіи написана точно въ такомъ видѣ. Самыя лучшія части ея — исторія Лихудовъ, критическій разборъ древнихъ проповѣдей, учебныхъ руководствъ по богословію и философіи и статья о наставникахъ. Сочиненіе г. Смирнова, по важности своей для исторіи образованія, литературы, богословія, философіи и состоянія Русской церкви, по оригинальности содержанія и изложенія, вполне заслуживаетъ Демидовской преміи.

VIII.

Систематическое изложеніе Логики. Карпова. С. Петербургъ 1856.

Разбиравшій ее, по просьбѣ Академіи, рецензентъ, г. профессоръ Богословія священникъ магистръ Іоаннъ Янышевъ въ своемъ отзывѣ говоритъ между прочимъ, что Систематическое Изложеніе Логики Г. Карпова принадлежитъ къ числу рѣдкихъ явленій въ отечественной ученой литературѣ. Лучшія изъ существующихъ у насъ руководствъ по этой части или переведены съ нѣмецкаго или составлены по нѣмецкимъ же учебникамъ; но какъ тѣ, такъ и другія представляютъ собою не столько собственно систему логики, какъ науки въ строгомъ смыслѣ этого слова, сколько болѣе или менѣе полное, въ извѣстномъ порядкѣ расположенное собраніе правилъ мышленія, безъ той внутренней связи, которая составляетъ душу науки и сообщаетъ единство и жизнь сухимъ и раздробленнымъ замѣткамъ о мышленіи. Изучающій логику по этимъ руководствамъ напрасно старался бы дать себѣ ясный

отчетъ въ томъ, что такое мышленіе вообще, правила котораго такъ подробно излагаетъ наука, почему оно управляется этими именно законами, которые стоятъ во главѣ ея; сколько должно быть такихъ законовъ и почему не болѣе и не менѣе; какъ относятся къ нимъ формы мышленія и почему самыя формы, въ свою очередь, являются въ такихъ, а не другихъ видахъ и т. п. Иностранные писатели въ правѣ освобождать себя отъ рѣшенія такихъ вопросовъ въ самой логикѣ, ссылаясь на психологію, на критики познавательной способности или на гносеологию; — однакожь и изъ нихъ нѣкоторые, для проясненія природы мышленія, считаютъ необходимымъ въ самой логикѣ прибѣгать къ психологическимъ изслѣдованіямъ. У насъ же это двойнѣ необходимо, какъ потому, что логика обыкновенно преподается прежде психологію, такъ особенно потому, что ни одно изъ существующихъ, на отечественномъ языкѣ, руководство къ психологію не беретъ на себя рѣшать помянутые логическіе вопросы.

При такомъ состояніи науки логики въ нашемъ отечествѣ, трудъ г. Карпова заслуживаетъ вниманія. Уже одна попытка — синтетически вывести понятіе о природѣ мышленія, съ его законами и формами, изъ психологическихъ началъ — дѣлаетъ его замѣчательнымъ; но онъ еще замѣчательнѣе, какъ трудъ оригинальный и исполненный съ успѣхомъ.

Впрочемъ рецензентъ не безусловно одобряетъ логику г. Карпова, а находитъ въ ней также нѣкоторые недостатки, какъ относительно самой теоріи, такъ и внѣшней формы. Не входя здѣсь въ дальнѣйшее изложеніе этихъ недостатковъ, мы приведемъ лишь заключительный его приговоръ.

«Трудъ г. Карпова, какъ первое оригинальное и во многихъ отношеніяхъ превосходное произведеніе отечественнаго мыслителя по чести Логики, какъ плодъ многолѣтнихъ занятій автора философію, о которыхъ онъ неоднократно свидѣтельствовалъ предъ ученымъ міромъ и переводами и мно-

гими оригинальными сочиненіями, какъ свидѣтельство его основательнаго знакомства съ современнымъ состояніемъ философіи и желанія своимъ трудомъ содѣйствовать русскому юношеству на поприщѣ самостоятельнаго выполненія, вполне имѣть право на вниманіе и поощреніе со стороны ученыхъ соотечественниковъ.»

Основываясь на такомъ отзывѣ рецензента, Академія присудила поощрительную премію автору, который своими трудами по философіи, и особенно переводомъ твореній Платона, заслужилъ общее вниманіе.

За раздачею такимъ образомъ всѣхъ, бывшихъ въ распоряженіи Академіи на нынѣшній годъ, премій, — удостоены почетнаго отзыва слѣдующія пять сочиненій, оставшіяся не увѣнчанными лишь за неимѣніемъ достаточнаго количества премій.

- 1) Фонъ Гѣцъ, ALBERT SUERBEER, ERZBISCHOF VON PREUSSEN, LIVLAND UND ESTLAND. St. Petersburg. 1854 — по рецензіи К. И. Буссе.
- 2) Осокинъ, О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ его развитіи въ Россіи. 1856. Казань — по рецензіи Профессора Московскаго Университета Ив. Дм. Бѣлева.
- 3) Андреевъ, Живопись и живописцы главнѣйшихъ европейскихкихъ школъ. С. Петербургъ 1856 — по рецензіи Конференцъ-Секретаря Императорской Академіи Художествъ Вас. Ив. Григоровича.
- 4) Ловягинъ, Богослужебные каноны на греческомъ, славянскомъ и русскомъ языкахъ. Кн. 1 — 3 1856 — по рецензіи Преосвященнаго Макарія, Епископа Вишнянскаго.
- 5) Жолкевичъ, Краткая анатомія и физиологія человека и другихъ животныхъ. С. Петербургъ 1856 — по рецензіямъ Академиковъ Брандта и Бэра.

Съ изъявленіемъ своей признательности всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ Академіи въ трудѣ разбора доставленныхъ на нынѣшній конкурсъ сочиненій, Академія присудила медали слѣдующимъ изъ нихъ: большія золотыя: бывшему Профессору Московскаго Университета Члену Археографической Комисіи Ник. Вас. Калачову и Профессору Московскаго Университета Ив. Дм. Бѣляеву; малыя золотыя: Профессору Харьковскаго Университета Ал. Вас. Куницыну и Помощнику Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа Ѳ. Ѳ. Веселаго.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г. ТУРЧАНИНОВА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

FLORA BAICALENSI-DAHURICA

SEU

**DESCRIPTIO PLANTARUM IN REGIONIBUS CIS ET TRANSBAI-
CALENSIBUS ATQUE IN DAHURIA SPONTE NASCENTIUM,**

СОСТАВЛЕННЫЙ

АКАДЕМИКАМИ РУПРЕХТОМЪ И ЖЕЛЪЗНОВЫМЪ.

Одно изъ главныхъ пособій къ составленію полнаго понятія о свойствахъ различныхъ частей земной поверхности есть познаніе ихъ растительности, потому что въ ней вѣрно отражаются всѣ особенности климата, очертанія и свойства почвы, которыхъ точное изслѣдованіе сопряжено съ большими трудностями. Поэтому вѣрное изображеніе распространенія растений въ странахъ, ограниченныхъ болѣе или менѣе естественными предѣлами, или изданіе хорошихъ мѣстныхъ флоръ должно считать очень важнымъ пріобрѣтеніемъ не только для ботаники, но и для землевѣденія вообще.

Не многимъ изъ ботаниковъ, посвятившимъ себя такому изученію растительности отдѣльныхъ, по положенію и свойствамъ, странъ въ Россіи, удалось собрать и обработать матеріалы съ такимъ постоянствомъ и усиліемъ, какъ это сдѣлалъ г. Турчаниновъ. Онъ избралъ для изслѣдованія обширную и чрезвычайно замѣчательную во многихъ отношеніяхъ мѣстность: Нерчинскій округъ, составляющій собственно Даурію, и округи Верхнеудинскій и Иркутскій.

Первыми изслѣдователями Байкало-Даурской флоры были Мессершмидъ и Амманъ, а потомъ авторъ Сибирской флоры — Гмелицъ. Около сорока лѣтъ спустя, знаменитый Палласъ собралъ, въ окрестностяхъ Иркутска и въ Забайкальскомъ краѣ, значительное число новыхъ и рѣдкихъ растений. Сопутствовавшій ему студентъ Соколовъ посѣтилъ вы-

сочайшій изъ Даурскихъ гольцовъ Чокондо, но другіе голышы, сколько извѣстно, посѣщаемы не были. Вскорѣ послѣ Палласа занимались этою мѣстностію Георгъ, Сиверсъ и Патренъ; но указанія перваго часто сомнительны, ибо г. Турчаниновъ на означенныхъ мѣстностяхъ тщетно искалъ многихъ исчисленныхъ имъ растений. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Адамсъ посѣтилъ Иркутскъ и смежныя съ нимъ мѣста; но въ короткое время, проведенное имъ тамъ, онъ не могъ открыть много новаго. Гораздо болѣе находили разные собиратели, не-ботаники, и сообщали найденное покойному Ф. Б. Фишеру, который сдѣлалъ извѣстными многія растения. Основываясь на указаніяхъ русской флоры Ледебура, должно принять, что І. Г. Гмелинъ и его предшественники открыли въ этой странѣ болѣе 500 видовъ, Палласъ и другіе, собиравшіе послѣ него, до пріѣзда г. Турчанинова въ Иркутскъ, около 300 видовъ; г. Турчанинову съ его спутниками удалось открыть также болѣе 500 видовъ, въ томъ числѣ 170 породъ и 15 родовъ прежде не описанныхъ.

Г. Турчаниновъ началъ свои изысканія въ 1828 году съ окрестностей Иркутска и съ береговъ Байкала при истокахъ Ангары. Въ продолженіе 1829 и до 1836 г. онъ посѣщалъ, иногда по нѣскольку разъ, всѣ замѣчательныя мѣстности того края, проходилъ степи, особенно Косую, два раза былъ на озерѣ Косоголѣ, въ Китайской Монголіи, и въ другихъ мѣстахъ, обозрѣвалъ Китайскую границу, восходилъ на вершины многихъ горъ, трижды посѣщалъ голецъ Чокондо, спускался по рѣкамъ для изученія прибрежной растительности, обошелъ островъ Ольхонъ и пр. Особенно важно, какъ увидимъ послѣ, его путешествіе по верховью Амура до бывшей русской крѣпости Албазина. Такимъ образомъ г. Турчаниновъ основательно обозрѣлъ изучаемую имъ страну не только въ предѣлахъ политическихъ границъ, но переходилъ ихъ для опредѣленія границъ естественныхъ, въ которыхъ растительность сохраняетъ тотъ же характеръ; это придаетъ особенную цѣнность его сочиненію, какъ до-

казательство сознательности труда. Мы не будемъ слѣдить за сочинителемъ по всѣмъ пройденнымъ имъ путямъ, которые онъ описываетъ достаточно подробно для того, чтобъ дать возможность послѣдующимъ наблюдателямъ руководствоваться его указаніями и избирать для изслѣдованія особенно тѣ мѣстности, въ которыхъ нашъ знаменитый ботаникъ не имѣлъ случая быть.

По служебнымъ обстоятельствамъ, въ 1836 году, г. Турчаниновъ лишился возможности лично продолжать изысканія, по крайней мѣрѣ въ продолженіе лѣта, но на это время онъ предоставлялъ собраніе своимъ сотрудникамъ, молодому казаку, ревностному, но къ сожалѣнію скоро погибшему, ботанику Кузнецову, путешествовавшему въ Китаѣ съ русскою миссіею, также гг. Кирилову, Щукину и Баснину. При обработкѣ доставленныхъ ими растительныхъ богатствъ, сочинитель не упускаетъ случая говорить о ихъ заслугахъ. Г. Турчаниновъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ путешествовалъ на счетъ Кабинета, по ходатайству бывшаго Директора Ботаническаго Сада Ф. Б. Фишера, который, вмѣстѣ съ Академиками Мейеромъ и Триніусомъ, оказывалъ г. Турчанинову содѣйствіе совѣтами и присылкою сочиненій, въ которыхъ были описываемы открываемые въ Байкало-Даурской флорѣ новые виды. Должно замѣтить, что находимыя г. Турчаниновымъ новыя растенія, по мѣрѣ собранія, были разсылаемы многимъ ботаникамъ и ими описаны, такъ что на долю г. Турчанинова, когда онъ приступилъ къ обработкѣ своей флоры, осталось относительно не много. Не смотря на это, какъ мы выше замѣтили, собственно имъ описаны до 155 видовъ и 15 разновидностей, и установлено 15 новыхъ родовъ, именно: *Actinopzora*, *Tetrapoma*, *Holargidium*, *Krascheninnikowia*, *Lithosciadium*, *Phlojodicarpus*, *Physolophium*, *Gomphopetalum*, *Czernaëvia*, *Hansenia*, *Stenosolenium*, *Diarthron*, *Plecostigma*, *Ptilagrostis* *), *Leuco-*

*) Г. Турчаниновъ принялъ названіе, данное Гризобахомъ, но названіе *Lepanthele*, установленное девятью годами раньше подъ тѣми же признаками, въ видѣ подрода, должно-бы имѣть первенство.

роа. Изъ нихъ два послѣдніе названы Грizeбахомъ. Родъ *Phlojodicarpus* въ Даурской флорѣ, по совѣту Фишера и Мейера, соединенъ съ родомъ *Libanotis*, но въ послѣдствіи признанъ за самостоятельный Ледебуремъ и Эндлихеромъ, согласно съ первоначальнымъ и настоящимъ мнѣніемъ сочинителя. Родъ *Tetragona* извѣстенъ былъ Фишеру, но, вѣроятно по недостатку хорошихъ образцовъ, отнесенъ къ роду *Camelina*. *Stenozolenium* основанъ на *Anchusa saxatilis* Pall.

Самые замѣчательные изъ новыхъ родовъ — *Tetragona* и *Holargidium* изъ семейства крестоцвѣтныхъ, потому что у нихъ вмѣстѣ двухъ створокъ и одной продольной перегородки, какъ во всѣхъ прочихъ родахъ этого семейства, находятся по 4 створки и по 4 продольныхъ перегородки. Впрочемъ нѣчто подобное замѣчено было г. Турчаниновымъ въ одномъ изъ видовъ *Nasturtium*, именно *N. globosum*. Въ этомъ видѣ большая часть стручковъ числомъ створокъ и перегородокъ сходна съ прочими крестоцвѣтными, но другая хотя и меньшая часть снабжена 3 створками и 3 перегородками, какъ это замѣтно въ не нормальномъ образованіи *Lepidium sativum* и *Isatis*. Иакош не было бы перечислять всѣ новые виды, открытые г. Турчаниновымъ; достаточно сказать, что замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: *Eranthis uncinata*, потому что въ этомъ родѣ извѣстны были только два вида; *Stellaria umbellata*, отличающаяся отъ однородныхъ недостаткомъ лепестковъ; *Potentilla aspergima*, по очень жесткимъ волоскамъ, ее покрывающимъ; два вида *Chrysosplenium*: *C. peltatum* и *C. Sedakowii*, изъ которыхъ послѣдній составилъ особое отдѣленіе *Nephrophyloides*; три вида *Conioselinum*: *C. univittatum*, *C. longifolium* и *C. senolophoides*; прежде въ этомъ родѣ извѣстенъ былъ только одинъ видъ, *Echinopogon compressum*, признанный безъ основанія Ледебуремъ за новый родъ *Aporlocaryum*; одинъ видъ злаковъ изъ рода *Hydrogryum*, котораго другой видъ находится въ сѣверной Америкѣ; *Dracoscephalum fragile*, по его ломкости и бѣлымъ цвѣтамъ; другой видъ рода *Butomus*: *B. junceus*; *Sparganium longi-*

foliis, бросающіеся въ глаза чрезвычайно длинными плавающими листьями, и проч.

Кромѣ того г. Турчаниновъ раздѣлилъ родъ *Dontostemon* на два отдѣленія по устройству тычинокъ, родъ *Rhaca* на два отдѣленія, родъ *Braua* на три отдѣленія; а описаніе признаковъ отдѣленія почти равносильно установленію новаго рода; онъ показалъ отличіе *Polemonium pulchellum*, заключающееся въ сѣменахъ; ввелъ новое отдѣленіе *Edogoria* въ родъ *Myosotis*, перенесенное потомъ Аль. Декандолемъ въ родъ *Egitrichium*, которое вѣроятно въ послѣдствіи будетъ признано за новый родъ; описалъ плоды *Craniospermum*, бывшіе не совершенно извѣстными; показалъ отличіе *Hydrogoum latifolium* отъ Американскаго вида, неясное Гризебаху по ценнѣнцію у него удовлетворительныхъ образцовъ; описалъ нѣкоторые виды рода *Carex*, мало извѣстные и смѣшиваемые съ близкими видами; также одинъ видъ *Elyna filifolia*, найденный уже позже Сѣдаковымъ. Семейства зонтичныхъ и крестоцвѣтныхъ особенно обогащены имъ многими новыми родовыми признаками.

Наибольшее семейство этой флоры, такъ какъ и другихъ флоръ холоднаго и умѣреннаго поясовъ, — сложно-цвѣтные (*Compositae*). Оно состоитъ изъ 157 видовъ или вѣрнѣе 0,115, т. е. нѣсколько менше $\frac{1}{8}$ доли всѣхъ явнотрачныхъ растений. Потомъ слѣдуютъ мотыльковыя *Papilionaceae* 94, злаки *Gramineae* 87, лютиковыя *Ranunculaceae* 81, ситниковыя *Cyperaceae* 79, крестоцвѣтныя *Cruciferae* 78, розоцвѣтныя *Rosaceae*, включая сюда миндальныя *Amygdales* и яблочныя *Romaceae* 66, зонтичныя *Umbelliferae* 48, дичинкоцвѣтныя *Scrophulariaceae* 46, ивовыя *Salicinaceae* 39, *Alpineae* 37, губоцвѣтныя *Labiatae* 34. Замѣчательно, что число лютиковыхъ растений превышаетъ число крестоцвѣтныхъ, чему противное видно къ другихъ флорахъ; напримѣръ въ Русской флорѣ Ледебура показано лютиковыхъ 228, крестоцвѣтныхъ 393; въ Германской флорѣ считается первыхъ 110, послѣднихъ 190 видовъ.

Роды, замѣчательные по числу видовъ: *Carex* 56, *Salix* 37,

Artemisia 28, *Oxytropis* и *Pedicularis* по 26, *Potentilla* 24, *Astragalus* 22, *Saussurea* 20, *Ranunculus* и *Viola* по 19, *Polygonum* 17, *Gentiana* 16, *Draba*, *Stellaria* и *Saxifraga* по 15, *Allium* 14, *Thalictrum* и *Senecio* по 13, *Spiraea* 12, *Veronica* и *Juncus* по 11, *Cerastium* 10 видовъ. Замѣчательно, что число *Oxytropis* превосходить число *Astragalus*, тогда какъ въ русской флорѣ число послѣднихъ втрое болѣе противу числа первыхъ, а въ Германской слишкомъ въ 5 разъ; тамъ только 5 видовъ *Oxytropis*.

Приведеніемъ въ порядокъ, опредѣленіемъ и изданіемъ такого значительнаго запаса растений г. Турчаниновъ занимался до сихъ поръ. Онъ помѣщалъ описанія отдѣльныхъ семействъ въ запискахъ Московскаго Общества Испытателей Природы и съ 1842 по 1845 годъ составилъ первый томъ Байкало-Даурской флоры, заключающій 40 семействъ съ 176 родами и 565 видами. Въ продолженіе послѣднихъ 10 лѣтъ сочинитель не переставалъ трудиться надъ изданіемъ флоры: послѣднія четыре семейства: *Gramineae*, *Equisetaceae*, *Lycopodiaceae* и *Filices* появились въ 1 томѣ записокъ Московскаго Общества за 1856 годъ. Второй томъ Флоры содержитъ 51 семейство явнوبرачныхъ и 3 тайнобрачныхъ, которыми и заключается Байкало-Даурская флора. Такимъ образомъ въ ней описаны 448 родовъ и 1365 видовъ явнوبرачныхъ растений, распределенныхъ въ 92 семействахъ. Хвощи, плауны и папоротники размѣщены въ 14 родахъ и 37 видахъ.

Появляясь въ свѣтъ мало по малу, Байкало-Даурская флора сдѣлалась извѣстною ученому міру и доставила сочинителю славное имя. Основаніемъ этой извѣстности послужили: большая опытность или тактъ въ опредѣленіи растений, такъ что большая часть установленныхъ г. Турчаниновымъ видовъ и родовъ отличаются хорошими признаками и приняты другими ботаниками. Всѣ описанія вполне удовлетворяютъ требованіямъ систематической ботаники; синонимика обработана очень тщательно. Часто однимъ или двумя словами г. Турчаниновъ

умѣетъ обрисовывать отличительные признаки растений; при-мѣромъ можетъ служить *Spigaea flexuosa* и др.; а такія описанія лучше всего свидѣтельствуютъ о дарованіи и наблюдательности сочинителя. При описаніи новыхъ видовъ онъ не ограничивается указаніемъ только на признаки, но посредствомъ тщательнаго сравненія опредѣляетъ ихъ мѣсто между видами уже извѣстными.

Впрочемъ главная заслуга г. Турчанинова состоитъ не только въ вѣрности взгляда на признаки растений, въ тщательности обработки его труда, въ непоколебимомъ постоянствѣ въ собираніи, въ продолженіе котораго нѣсколько лѣтъ сряду онъ подвергался многимъ лишеніямъ. Оригинальность его труда заключается также въ остроумныхъ сближеніяхъ наблюдаемыхъ имъ явленій, посредствомъ которыхъ онъ обогатилъ Ботаническую Географію.

Окрестности Байкала и Даурію, какъ извѣстно, составляютъ рядъ высокихъ степей, разграниченныхъ западными отрогами Яблоноваго хребта, горами окружающими Байкалъ и дающими начало рѣкамъ Иркуту и Окѣ. Эти хребты не достигаютъ снѣжной линіи, но выставляются далеко за предѣлы лѣсной растительности. Альпійская флора, покрывающая эти возвышенности, подчиняется совершенно особннымъ законамъ. По мѣрѣ приближенія къ востоку, она становится болѣе и болѣе однообразною, такъ что въ Даурскихъ Альпахъ г. Турчаниновъ нашелъ лишь 4 или 5 видовъ (*Oxygraphis glacialis* Vge, *Saxifraga Dahurica* Pall., *Crepis polytricha* Turcz. и *Juncus biglumis* L, также *Swertia obtusa* Led. въ болотистыхъ лѣсахъ), которые не встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ.

Растительность горныхъ откосовъ, большею частью безлѣсныхъ, рѣзко отличается отъ степной растительности, но въ одинакихъ мѣстностяхъ она представляетъ большое однообразіе. Такимъ образомъ растенія, родящіяся въ окрестностяхъ Иркутска, попадаютъ и на лѣсистыхъ горахъ Забайкалья; то же самое замѣчается и въ степной флорѣ по ту и по сю сторону

озера. При всемъ томъ въ Байкало-Даурской флорѣ оказываются, при сравненіи ея съ растительностію другихъ странъ, весьма замѣчательныя особенности. Нѣкоторые виды: *Agavis ambigua* DC., *incarnata* Pahl., *Astragalus uiginosus* L., *Convolvulus pellitus* Led., *Lycopus australis* R. Br.), растутъ въ Дауріи и на берегахъ Ангары и вовсе не попадаются въ Забайкальскомъ краѣ между этими двумя мѣстностями. Еще замѣчательнѣе наблюденіе г. Турчанинова, что есть растенія общія Европѣ и Дауріи (*Thalictrum aquilegifolium*, *Corydalis bulbosa*, *Spiraea Aguncus*, *Lythrum Salicaria*, *Pimpinella Saxifraga*, *Xanthium Strumarium* и др.), не встрѣчающіяся въ Забайкальскомъ краѣ, а многія изъ нихъ даже во всей Сибири.

Авторъ насчитываетъ 89 видовъ растений, непереходящихъ за Байкаль, 162 вида Забайкальскихъ растений, не встрѣчающихся по сю сторону озера, за исключеніемъ Альпійскихъ; наконецъ 138 видовъ исключительно свойственныхъ Дауріи.

Сравненіе Байкало-Даурской флоры съ растительностію другихъ сѣверныхъ странъ, именно съ окрестностями Петербурга и съ Швеціею, привело г. Турчанинова къ поразительному выводу; 352 вида, т. е. около половины всѣхъ Петербургскихъ растений, не смотря на отсутствіе у насъ горъ и солончаковъ, растутъ въ Забайкальѣ и Дауріи, 452 вида изъ Шведской флоры Валенберга общи той части Сибири, которую изучилъ г. Турчаниновъ, 756 видовъ, или болѣе половины всей флоры, свойственны также Алтаю. На Алтай встрѣчаются 3 семейства: *Аросуеае*, *Frankeniaceae* и *Ranunculieae*, которыхъ представителей нѣтъ въ Дауріи; но за то семейство *Menispermeeae* не имѣетъ представителя на Алтай.

Большое сходство замѣчается также съ растительностію восточной Сибири, сѣвернаго Китая и даже Камчатки, а что всего замѣчательнѣе — съ сѣвальною Америкою. Роды *Menispermum*, *Zizania*, *Mitella*, извѣстные теперь изъ Дауріи, сперва найдены были только въ с. Америкѣ. Это важное замѣчаніе г. Турчанинова вполне оправдалось еще недавно при изученіи Амур-

скихъ растений, для которыхъ его флора составляетъ теперь самый драгоценный источникъ. Многія характеристическія для Амура растенія: *Quercus Mongolica*, *Corylus heterophylla*, *Lespedeza bicolor*, *Spiraea sericea* и другія уже встрѣчаются въ сочиненіи г. Турчанинова.

Все это показываетъ, что Байкало Даурская флора есть трудъ вполне самостоятельный, имѣющій достоинство не только по исчисленнымъ въ немъ растеніямъ, до сихъ поръ нигдѣ не описаннымъ, но заключающій общее обозрѣніе особенностей растительности, которое указываетъ на отличный характеръ той страны.

Основаніемъ для расположенія растений послужила система Декандоля. Поэтому признаки большихъ отдѣловъ заимствованы изъ сочиненія *Prodromus*. Во многихъ случаяхъ сочинитель слѣдовалъ Коху и другимъ ботаникамъ, у которыхъ находилъ вѣрныя описанія. Онъ не вѣнчалъ себя въ заслугу составлять новыя опредѣлительныя формулы или діагнозы и потому выписывалъ ихъ изъ другихъ сочиненій, указывая всегда на источникъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ замѣчалъ неточность въ описаніяхъ, всегда дѣлалъ дополненія и прирѣчанія, которыя составляютъ значительную часть сочиненія. Многія изъ его описаній перешли безъ измѣненія въ другія сочиненія.

Можно конечно замѣтить, что когда признаки растенія сходны съ описаніемъ его у другаго ботаника, то употребительнѣе дѣлать ссылку на сочиненіе, въ которомъ оно находится, и потому, если выпустить изъ Байкало-даурской флоры всѣ заимствованныя діагнозы, то объемъ сочиненія значительно уменьшится. Однако присутствіе ихъ нисколько не вредитъ его достоинству. Напротивъ, это можетъ быть полезно тѣмъ послѣдующимъ изслѣдователямъ Байкало-даурской флоры, которые не будутъ имѣть возможности возить съ собою, для сравненій, другія необходимыя сочиненія. Флора Ледебера, при всей полнотѣ своей, не можетъ замѣнить флоры г. Тур-

чанинова, во-первыхъ потому, что многія семейства послѣдней обработаны послѣ появленія Русской флоры и обработаны лучше, таковы на-примѣръ семейства *Grossulariaceae*, *Lonicereae*. Во-вторыхъ, у Ледебура не обозначены мѣстонахожденія и обитанія растений, также общіе выводы и сравненія, что составляетъ важный недостатокъ, какъ въ ботанико-географическомъ отношеніи, такъ въ особенности для путешествующихъ ботаниковъ.

Должно поставить на видъ, что особенно первая часть флоры г. Турчанинова, по давности появленія въ свѣтъ, по необходимости должна была нѣсколько устарѣть, потому что съ тѣхъ поръ многіе путешественники собирали растения въ той же странѣ и вышли новыя сочиненія. Но г. Турчаниновъ обработалъ, послѣ изданія своего труда, прибавленія къ Байкало-Даурской флорѣ, посланныя имъ давно уже въ Московское Общество для напечатанія и содержащія вѣроятно многія исправленія.

Впрочемъ и въ настоящемъ видѣ Байкало-Даурская флора имѣетъ столько достоинствъ, какъ плодъ постоянныхъ, 14-лѣтнихъ и добросовѣстныхъ усилій, что его нельзя не признать заслуживающимъ полной преміи. Такихъ сочиненій въ Россіи появилось не много и во всякомъ случаѣ чистая любовь къ наукѣ, руководившая сочинителемъ во все продолженіе его ученой дѣятельности, плодомъ которой былъ предстоящій трудъ, заслуживаетъ блистательной награды, тѣмъ болѣе, что Академія, которая уже въ 1830 г. признала неотъемлемыя достоинства автора, избравъ его въ свои члены-корреспонденты, еще не имѣла до сихъ поръ случая наградить знаменитаго автора Демидовскою премією.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г. ПАНДЕРА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

MONOGRAPHIE DER FOSSILEN FISCHE

DES

**SILURISCHEN SYSTEMS DER RUSSISCH-BALTISCHEN
GOUVERNEMENTS,**

СОСТАВЛЕННЫЙ

АКАДЕМИКОМЪ БРАНДТОМЪ.

Около конца прошедшаго года явился, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, трудъ, который не былъ представленъ къ состязанію на Демидовскія преміи, хотя онъ былъ уже оконченъ до истеченія назначеннаго для присылки состязательныхъ сочиненій срока. Но важное его содержаніе поставляетъ намъ въ обязанность присоединить его къ числу конкурсныхъ сочиненій, потому что онъ не уступаетъ въ достоинствѣ наилучшимъ изъ присланныхъ на состязаніе работъ. И такъ да будетъ намъ дозволено ближе объяснить это наше объ немъ мнѣніе.

До изданія въ свѣтъ лежащихъ розысканій г. Пандера никѣмъ не было подозрѣваемо существованіе остатковъ рыбъ въ силурійскихъ пластахъ окрестностей С. Петербурга и Эстляндской губерніи. Остроумный авторъ лежащей монографіи былъ первымъ, который въ этихъ пластахъ, а именно въ залегающемъ между известнякомъ и зеленымъ глинистымъ песчаникомъ нашей ниже-силурійской системы открылъ, кромѣ многихъ безпозвоночныхъ животныхъ, также въ большомъ множествѣ разные небольшіе зубчики. Послѣ многочисленныхъ микроскопическихъ изслѣдованій, которыя едва не лишили автора зрѣнія, ему наконецъ удалось распознать, что это зубки рыбъ. Но прежде достиженія этого блестящаго результата, который переноситъ существованіе рыбъ въ столь ранній періодъ, авторъ долженъ былъ произвести много тщательныхъ микроскопическихъ изслѣдованій для того, чтобы у жи-

*

выхъ рыбъ отыскать такія формы, которыя были бы способны полтвердить, что открытыя косточки дѣйствительно настоящіе рыбыя зубы.

Рыбы, которымъ принадлежали эти зубы, по видимому, не имѣли ни костянаго остова, ни костяныхъ щитиковъ на кожѣ, потому что подлѣ нихъ не было найдено никакихъ другихъ твердыхъ частицъ, — обстоятельство, которое еще болѣе должно было затруднить розысканія, потому что именно остатки скелетовъ служатъ, какъ извѣстно, надежнѣйшею опорой при подобныхъ розысканіяхъ.

Однакоже авторъ, при помощи давно испытаннаго своего дара наблюденія, счастливо побѣдилъ всѣ эти трудности и на основаніи открытыхъ имъ зубковъ установилъ новый отдѣлъ рыбъ подъ наименованіемъ *Copodontes*, о чемъ онъ сообщаетъ подробное разсужденіе, поясненное четырьмя превосходно выполненными чертежами, которые по большей части заключаютъ въ себѣ микроскопическіе предметы, приведенные въ ясность посредствомъ многотрудныхъ шлифовокъ. Этотъ отдѣлъ *Copodontes* авторъ, смотря по тому просты ли зубы или сложны, раздѣляетъ на двѣ главныя группы. *Copodontes* съ простыми зубами онъ по ихъ строенію дѣлитъ на 7 родовъ съ 38 видами, а группу *Copodontes* съ сложными зубами — на 7 родовъ съ 17-ю видами.

Вторую главу своего отличнаго труда авторъ посвящаетъ верхне-силурійскимъ остаткамъ рыбъ, а именно щитообразнымъ или чешуйчатымъ остаткамъ Цефаласпидовъ съ родомъ *Cephalaspis*, Ганоидовъ съ многочисленными новыми родами *Rhytidolepis*, *Schidiosteus*, *Coccolpeltus*, *Cyphomalepis*, *Stigmolepis* и пр., далѣе Целолепидовъ съ новыми родами *Coelolepis*, *Pachylepis* и *Nostolepis*, и наконецъ Ихтиодорулитовъ съ родами *Rhadacanthus*, *Prionocanthus* и *Onchus* (Agassiz). Въ заключеніе слѣдуетъ описаніе открытыхъ въ верхне-силурійскихъ слояхъ зубовъ рыбъ родовъ *Aulacodus*, *Strosipherus*, *Odontotodus*, *Coscinodus* и *Monopleurodus*. Всѣ щитки и чешуйки по-

слѣднихъ сихъ родовъ не только превосходно изображены на четырехъ чертежахъ, но еще помощью весьма тщательно отшлифованныхъ авторомъ пластиночекъ изслѣдованы относительно ихъ микроскопическаго строенія, которое также пояснено въ особыхъ изображеніяхъ. И такъ руководствуясь этою второю главою сочиненія Пандера, мы можемъ бросить новый взглядъ на рыбную форму верхне-силурійскихъ слоевъ земли и убѣждаемся въ томъ, что рыбы имѣли себѣ представителей въ несравненно отдаленнѣйшемъ періодѣ, чѣмъ принималось доселѣ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ важныхъ палеонтологическихъ открытій, авторъ еще сообщаетъ въ своемъ сочиненіи, при встрѣчающихся къ тому случаяхъ, также многія, весьма цѣнныя замѣтки по части общей палеонтологіи и геогнозіи, не мало служащія къ повѣркѣ прежнихъ нашихъ по этимъ отраслямъ науки познаній, особенно въ отношеніи окрестностей С. Петербурга, которыя г. Пандеръ, какъ извѣстно, уже болѣе 30-и лѣтъ тщательно изслѣдовалъ въ геогностическомъ и палеонтологическомъ отношеніяхъ.

Изъ всего вышеобъясненнаго видно, что г. Пандеръ подарилъ намъ въ этой монографіи трудомъ, основаннымъ на тщательнѣйшихъ десятилѣтнихъ микроскопическихъ изслѣдованіяхъ, трудомъ занимательнымъ для зоологіи, какъ и для палеонтологіи по важности неожиданныхъ своихъ результатовъ. Тотъ, кто занимался подобными разысканіями и знаетъ изъ собственнаго опыта, сколько потребно многотрудныхъ, тщательныхъ и продолжительныхъ изслѣдованій для достиженія основательнаго результата, способенъ вполне оцѣнить достоинство такой работы, какова подлежащая, и легко убѣдится въ томъ, что подобный трудъ, служа образцемъ, достойнымъ подражанія, пролагаетъ собою стезю будущимъ точнѣйшимъ разысканіямъ. Но подобный образецъ еще въ особенности важенъ на трудномъ поприщѣ палеонтологіи, потому что даже болѣе поверхностные воздѣлыватели по этой части будутъ отнынѣ

имѣть его передъ глазами и постараются, если не сравнятся съ нимъ, то по крайней мѣрѣ не отстать отъ него слишкомъ далеко. Онъ конечно не успѣетъ вовсе устранить суетное стремленіе иныхъ изслѣдователей обогащать науку во чтобы то ни стало новыми данными; однако во всякомъ случаѣ послужитъ къ вознагражденію слабостей подобныхъ произведеній и подастъ поводъ къ болѣе точнымъ и осмотрительнымъ разысканіямъ.

Можетъ быть возражать противъ такого присужденія, что подлежащій трудъ незначителенъ по объему. Но объемъ работы не можетъ служить масштабомъ ея цѣнности. Нѣсколько страницъ въ сжатой формѣ могутъ заключать въ себѣ болѣе истинно важнаго для науки, чѣмъ обширныя многотомныя сочиненія. На этомъ основаніи и другія Академіи не затруднялись награждать полными преміями подобнаго рода менѣе объемистыя сочиненія, слѣдуя поговоркѣ *non multa, sed multum*.

Изъ этого краткаго очерка монографіи г. Пандера можно судить, что это есть такой трудъ, который сооруженъ на основаніи кропотливыхъ, отчасти давнишнихъ микроскопическихъ наблюденій, и равно важенъ не только для зоологіи, но и для палеонтологіи, по множеству вовсе неожиданныхъ и весьма занимательныхъ своихъ результатовъ.

Если нельзя не радоваться, что такой отличный трудъ совершень у насъ въ Россіи, то Академія съ своей стороны не могла не присудить ему *полной* Демидовской преміи.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Б. ЧИЧЕРИНА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ОБЛАСТНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ РОССІИ ВЪ XVII ВѢКѢ,

СОСТАВЛЕННЫЯ

ЧЛЕНОМЪ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССИИ ВАЛАТОВЫМЪ.

Приступая къ разбору этого сочиненія, замѣчательнаго не только по даровитости автора, но и потому что оно есть результатъ долговременнаго и добросовѣстнаго изученія древнихъ памятниковъ нашего законодательства, — мы не можемъ однако не сознаться прежде всего, что внимательное, нѣсколько разъ и въ разное время повторенное чтеніе книги г. Чичерина оставило въ насъ грустное впечатлѣніе, которое мы невольно раздѣляемъ съ нѣкоторыми слишкомъ строгими ея рецензентами. Если не взять во вниманіе указанныя нами ниже обстоятельства, оправдывающія, по нашему мнѣнію, автора, то сдѣланные имъ изложеніе и разборъ нашихъ областныхъ учреждений въ XVII вѣкѣ можно столь же справедливо назвать сочиненіемъ, имѣющимъ своимъ предметомъ разсмотрѣніе недостатковъ не только этихъ учреждений, но и самого быта древней Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, встрѣчая на каждой почти страницѣ длинныя, подробныя выписки изъ актовъ въ подтвержденіе указываемыхъ авторомъ неопредѣленности или неясности началъ, господствовавшихъ въ нашемъ древнемъ правѣ, слабости надзора верховной власти надъ разными органами областного управленія или неумѣнья подчинять ихъ выставленнымъ ею самою требованіямъ, и наконецъ недостатковъ того или другаго изъ разсматриваемыхъ учреждений, мы не можемъ не сѣтовать на писателя, который, какъ бы забывая задачу и обязанность историка становиться современникомъ описываемаго

имъ общества и съ этой точки изучать и объяснять его учрежденія, — разоблачаетъ передъ нами преимущественно темныя стороны юридическаго быта нашего отечества до Петра Великаго. И какое оправданіе представляетъ онъ въ такомъ способѣ изслѣдованія учреждений древней Россіи, который во всякомъ случаѣ нельзя не признать одностороннимъ? Отчасти конечно потребности того же или позднѣйшаго времени, сѣтованія и явныя жалобы отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлыхъ сословій, терпѣвшихъ отъ злоупотребленій, порожденныхъ недостатками тѣхъ или другихъ учреждений, хотя иногда и вообще неизбѣжныхъ. Безъ сомнѣнія, однако, въ болѣе значительной степени руководствовали авторомъ при начертаніи разнаго рода указываемыхъ имъ недостатковъ теорія, научныя начала, выработанныя не историческимъ развитіемъ древней Россіи, а вѣковыми усиліями ученыхъ разныхъ націй, указанными не практическою опытностію нашихъ дьяковъ-юристовъ, а исторіей различныхъ государствъ древняго и новаго времени. Очевидно, что такой приѣмъ изслѣдователя можетъ по крайней мѣрѣ на первый взглядъ внушить читателю сомнѣніе касательно вѣрности его выводовъ.

Самъ г. Чичеринъ предугадалъ, кажется, впечатлѣніе, которое его книга должна сдѣлать на читателя. Вотъ почему, въ предисловіи къ ней, онъ старается оправдать себя въ лежавшей на немъ обязанности, для полноты труда, указать и на недостатки, обнаруживающіеся въ учрежденіяхъ и бытѣ древней Россіи. «Изложеніе, говоритъ онъ, этихъ недостатковъ погибшихъ учреждений нашего народа да не будетъ принято за упрекъ его исторіи. Только взглядъ на первоначальную точку отправленія, на темныя стороны предшествующихъ періодовъ можетъ показать намъ всю ширину пройденнаго пути и заставить насъ принести дань благодарности тѣмъ дѣятелямъ, которые, сознавая недостатки своего времени, твердою рукою брались за исправленіе учреждений и возводили исторію на высшую точку развитія. Такимъ образомъ, только изложе-

ніе системы кормленій, основанной на частномъ правѣ, откроетъ намъ значеніе великаго дѣла Московскихъ государей; только беспорядокъ, господствовавшій въ администраціи XVII вѣка, дастъ намъ смыслъ преобразованій Петра Великаго. Точно также и при изложеніи учреждений Петровскаго періода нужно было бы показать ихъ недостатки, чтобы постигнуть значеніе учреждений Екатерины II... При такомъ только взглядѣ на исторію, при сознаніи темныхъ предшествующихъ эпохъ мы увидимъ, что совершенныя преобразованія были не случайными распоряженіями, вызванными прихотью или временнымъ удобствомъ, но глубоко коренились въ жизни народа и основывались на ясномъ пониманіи нуждъ и потребностей времени.» Нельзя не согласиться вполне съ этими словами, и потому именно было бы желательно, чтобъ въ сочиненіи, относящемся къ Исторіи Русскаго Законодательства, слабыя или темныя стороны учреждений, имѣвшихъ мѣсто въ извѣстномъ ея періодѣ, не были отыскиваемы подъ вліяніемъ теоретическаго воззрѣнія на цѣль, значеніе, характеръ и составъ учреждений вообще, и слѣдовательно какъ бы преднамѣренно. Весьма естественно и основательно думать, что какъ дѣйствительныя, такъ еще менѣе мнимыя недостатки, находямыя съ этой точки вообще въ учрежденіяхъ древняго времени, никакъ не слѣдуетъ дѣлать предметомъ особой монографіи, хотя бы и связаннымъ съ изслѣдованіями другаго рода. Понятно вмѣстѣ съ тѣмъ, что недостатки тѣхъ или другихъ древнихъ учреждений должны напротивъ того обнаруживаться исторіей законодательства, выставяющей въ своемъ мѣстѣ причины, послужившія къ замѣненію ихъ новыми или къ ихъ исправленію, точно также какъ историческія изслѣдованія раскрываютъ лучше всего и тѣ основанія, которыя произвели ихъ въ свое время. Въ слѣдствіе такого историко-юридическаго анализа древнія учрежденія получаютъ съ одной стороны свое оправданіе, между тѣмъ какъ съ другой появленіе въ замѣнъ ихъ новыхъ или даже исправленіе и улучшеніе прежнихъ служатъ яснымъ до-

казательствомъ, что если законодательная и правительственная власть способствовала ихъ усовершенствованію, то и быть народный нисколько не представлялъ среду, недоступную для юридическаго развитія. Такимъ образомъ, слѣдуетъ заключить, самое изложеніе учрежденій въ ихъ исторической послѣдовательности раскрываетъ и недостатки ихъ или темныя стороны, и заслуги лицъ, содѣйствовавшихъ къ ихъ устраненію, и наконецъ значеніе и свойства народа, стремившагося стать на высшую точку въ исторіи. Ясно, однако, что такого рода изслѣдованія какихъ бы то ни было учрежденій не могутъ имѣть самостоятельнаго значенія: они входятъ лишь частями въ болѣе или менѣе полное сочиненіе, посвященное не одному, а нѣсколькимъ вмѣстѣ періодамъ исторіи законодательства; примѣняя же это замѣчаніе къ отечественному праву должно сознаться, что даже въ цѣлостномъ сочиненіи, имѣющимъ предметомъ какъ законодательную и правительственную дѣятельность верховной власти, такъ и юридическій бытъ народа до самыхъ временъ Петра Великаго, едва ли нашлось бы мѣсто для полнаго разбора съ указанной точки зрѣнія различныхъ учрежденій не только XVII вѣка, но даже предшествующихъ столѣтій. Всякому изслѣдователю нашего древняго до-петровскаго права хорошо извѣстно, что господствовавшія въ немъ начала, хотя болѣе или менѣе различныя по времени, но сходныя между собою вообще по своему основному характеру, составляютъ существенное его отличіе отъ права, дѣйствующаго у насъ со времени Петра Великаго подъ вліяніемъ другихъ, такъ называемыхъ новыхъ началъ, и что если древняя Русь и стремилась къ этимъ послѣднимъ, какъ къ высшимъ началамъ въ историческомъ развитіи каждаго государства и народа, то такое стремленіе не столько проявлялось положительнымъ ихъ усвоеніемъ, сколько выражалось въ видѣ протеста противъ прежнихъ уже устарѣлыхъ вѣрованій и убѣжденій. Извѣстно также, что безсиліе правительственной власти поддержать взаимную связь и сохранить равновѣсіе меж-

ду разнородными элементами, которые враждебно сталкивались и въ законахъ и въ жизни, могло наконецъ привести къ разложенію самого государственнаго тѣла. Петръ Великій отвратилъ эту опасность объявивъ во всеуслышаніе въ изданныхъ имъ уставахъ и подтвердивъ собственною жизнію, что имъ и въ теоріи и на практикѣ признаются новыя начала вмѣсто отжившихъ прежнихъ. Эти новыя начала, выставленные во имя общественной пользы, общественнаго блага, суть тѣ самыя, коимъ до сихъ поръ подчиняются юридическій бытъ и юридическое развитіе нашего отечества. Не смотря однако на то, что они уже призваны были къ жизни въ эпоху до-петровскихъ преобразованій, не только при немъ, но и при его преемникахъ они лишь постепенно утверждались и донынѣ еще не вполнѣ укоренились на нашей почвѣ; ясно выражаемые въ законодательствѣ, они еще не вполнѣ усвоены массою народа и борьба ихъ съ началами, давно осужденными въ исторіи, возникшая задолго до Петра Великаго, еще не окончена и въ наше время. Прибавимъ къ этому, останавливаясь на самихъ учрежденіяхъ, что въ исторіи не всегда довольно послѣдовательно старое замѣняется новымъ, что порою законодатели мѣняютъ свои мнѣнія и опять возвращаются къ прежнему порядку вещей и что наконецъ ими самими не всегда ясно выставляются руководствовавшія ихъ побужденія къ замѣненію однихъ учреждений другими или же только къ исправленію прежнихъ. Имѣя все это въ виду, мы должны сознаться, что въ настоящее время еще не можемъ даже въ полной Исторіи Русскаго Законодательства отчетливо уяснить недостатки существовавшихъ у насъ учреждений если для того захотимъ принимать въ основаніе самые источники, коими они отмѣнялись. Что же остается дѣлать писателю-юристу, котораго занимаютъ эти учрежденія не только потому, что онъ считаетъ поучительнымъ слѣдить за юридическимъ развитіемъ народовъ вообще, но еще болѣе потому, что знакомясь съ ними онъ въ тоже время узнаетъ короче и ближе самый бытъ древней Россіи, этотъ бытъ, уже во

многoмъ для насъ незнакомый, но тѣмъ не менѣе еще живущій въ различныхъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ народной массы? Слѣдуетъ ли ему ограничиться голымъ перечисленіемъ фактовъ, свидѣтельствующихъ что такія-то учрежденія упоминаются въ первый разъ тогда-то, что они состояли въ томъ-то, что измѣнялись такъ или иначе, и что наконецъ уничтожены или потеряли свое значеніе тогда-то? Но такіе перечни составляютъ лишь матеріалъ, болѣе или менѣе пригодный для исторіи законодательства; въ трудѣ же, который называется изслѣдованіемъ, факты получаютъ надлежащую оцѣнку лишь въ слѣдствіе критической ихъ разработки. Вотъ почему для полнаго по возможности уясненія древнихъ учреждений нашего отечества оказывается необходимымъ взять во вниманіе научныя положенія, отвоящіяся къ подобнымъ учрежденіямъ вообще. Замѣтимъ здѣсь кстатѣ, что критическая оцѣнка въ настоящемъ случаѣ должна привести къ тѣмъ же результатамъ, какъ и самая исторія законодательства, ибо, какъ замѣчено было выше, принимаемая у насъ нынѣ юридическія начала суть тѣ самыя, которыя признаются и разрабатываются наукой какъ основныя начала общественной жизни. И если правда, что подъ вліяніемъ теоретическаго возрѣнія на древнія учрежденія они освѣщаются свѣтомъ новаго времени, тѣмъ не менѣе въ распоряженіи историка-юриста остаются всѣ уцѣлѣвшіе до насъ матеріалы, съ помощію коихъ представляется возможнымъ раскрыть основанія, вызвавшія эти учрежденія къ жизни и давшія имъ извѣстную форму, а тѣмъ самымъ оправдать не только существованіе ихъ въ исторіи, но и самыя недостатки, съ какими они представляются съ научной точки зрѣнія. Такой оцѣнки учреждений подъ вліяніемъ древнихъ памятниковъ, которую можно назвать археологическою, наука также въ правѣ требовать отъ писателя, какъ требуетъ она для тѣхъ же учреждений критической оцѣнки теоретика-юриста.

Надо отдать справедливость г. Чичерину, что разбору недостатковъ древнихъ областныхъ учреждений Россіи подъ влія-

нѣмъ научнаго воззрѣнія онъ посвящалъ полное вниманіе, и потому задача эта исполнена имъ блистательнымъ образомъ, между тѣмъ какъ археологическое разъясненіе тѣхъ же учреждений не представляетъ въ его изслѣдованіи такой полноты, отчетливости и мѣстами даже вѣрности. Это самое, по моему мнѣнію, даетъ его книгѣ полемическій характеръ, направленный противъ нашихъ древнихъ учреждений, тѣмъ-болѣе, что дѣлаемый авторомъ разборъ недостатковъ читатель встрѣчаетъ относительно каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, чѣмъ самымъ безотрадное впечатлѣніе, производимое такой беспощадной оцѣнкой, въ значительной степени увеличивается. Но тотъ кто захочетъ произнести безпристрастный судъ и для этого внимательно пересмотритъ все, что говорится авторомъ о началѣ и устройствѣ каждаго изслѣдуемаго имъ учрежденія, тотъ конечно убѣдится, что онъ старался не упустить изъ виду всѣхъ относящихся сюда указаній древнихъ памятниковъ и если, къ сожалѣнію, не успѣлъ достаточно для полной и вѣрной картины усвоить себѣ древній бытъ нашего отечества, по крайней мѣрѣ искренно желалъ выставить въ истинномъ свѣтѣ правительственную дѣятельность верховной власти въ Россіи до Петра Великаго. Для лучшаго же достиженія этой цѣли г. Чичеринъ предлагаетъ въ своей книгѣ сравненіе нашихъ древнихъ учреждений съ современными имъ учрежденіями западныхъ государствъ. «Это сравненіе, говоритъ онъ, покажетъ намъ какъ общую связь Русской Исторіи съ исторіей человѣчества, такъ и особенность Россіи, въ которой многое учреждалось правительственными мѣрами, что на западѣ совершалось само-собою подѣ влияніемъ господствовавшаго въ немъ союзнаго духа». Намъ кажется, однако, опять, что какъ ни прекрасна мысль автора опредѣлять значеніе Русской исторіи въ исторіи человѣчества и ихъ взаимное отношеніе, но эта мысль въ своемъ осуществленіи, при недостаточной еще разработкѣ многихъ сторонъ общественнаго быта нашихъ предковъ, можетъ пока привести только къ нѣкоторымъ любопытнымъ замѣчаніямъ, сближеніямъ и предположеніямъ, но

никомъ образомъ къ какимъ-либо окончательнымъ выводамъ, отъ вѣрности коихъ зависитъ самая основательность требуемыхъ наукою заключеній. Что касается до другаго замѣчанія, что въ нашемъ отечествѣ многое учреждалось правительствомъ, что на западѣ совершалось самимъ народомъ подъ вліяніемъ господствовавшего въ немъ союзнаго духа, то хотя это явленіе, одинаково принимаемое въ нашей исторіи въ сравненіи съ западной писателями разныхъ направленій, дѣйствительно слѣдуетъ признать несомнѣннымъ, но, по нашему убѣжденію, только вообще; для того же, чтобы въ частности уяснить основу или причину появленія извѣстнаго учрежденія въ древней Россіи, весьма опасно руководствоваться такимъ основаніемъ, принимая его за точку отправленія въ изслѣдованіи объ этихъ учрежденіяхъ. Мы нисколько не убѣждены въ томъ, чтобъ г. Чичеринъ такъ именно поступалъ въ своихъ разысканіяхъ, но не можемъ не пожалѣть, что у него встрѣчаются нѣкоторыя положенія, совпадающія съ мнѣніемъ его о приведенномъ выше значеніи у насъ правительственнаго начала, между тѣмъ какъ эти положенія не достаточно подтверждены внимательнымъ изученіемъ источниковъ. Таковы наприм. доводы его о происхожденіи общинъ въ древней Россіи, объ участіи въ судахъ цѣловальниковъ и старость, и т. п. Точно также не можемъ мы одобрить нѣкоторыхъ, какъ кажется намъ, слишкомъ поспѣшно выведенныхъ заключеній о сходствѣ и различіи, замѣчаемыхъ въ тѣхъ явленіяхъ общественной жизни древней Россіи, которыя авторъ ставитъ параллельно съ болѣе или менѣе подходящими къ нимъ явленіями въ средневѣковыхъ государствахъ западнаго міра. Но вообще анализъ г. Чичерина отличается такимъ остроуміемъ и мѣстами поражаетъ, какъ кажется, столь убѣдительными доводами, что критикъ никакъ не можетъ себѣ позволить голословныхъ противъ него возраженій. Имѣя это въ виду, мы постараемся въ приличныхъ мѣстахъ нашей рецензіи указать въ особенности на тѣ данныя, которыя по нашему мнѣнію, противорѣчатъ выво-

дамъ разсматриваемой книги. Здѣсь же ограничимся однимъ общимъ замѣчаніемъ, что не во всемъ можно согласиться съ проведенною блестящимъ образомъ паралелю автора между древнимъ бытомъ Россіи и современными ей западными государствами.

За предисловіемъ въ книгѣ г. Чичерина слѣдуетъ введе- ніе, въ коемъ онъ дѣлаетъ историческое обзорѣніе развитія областныхъ учрежденій до XVII вѣка. Говоря вообще, обзорѣніе не есть изслѣдованіе, и потому было бы несправедливо требовать въ настоящемъ случаѣ обстоятельной разработки тѣхъ данныхъ, на которыхъ основывается авторъ. Но если въ обзорѣніи предлагаются выводы, несогласные съ положеніями, принятыми многими учеными, то мы въ правѣ предполагать здѣсь же критическаго разсмотрѣнія этихъ положеній. Къ сожалѣнію въ введеніи г. Чичерина факты встрѣчаются лишь на второмъ планѣ, именно въ подтвержденіе выводовъ, сдѣланныхъ подѣ влияніемъ общихъ воззрѣній или началъ, принимаемыхъ имъ на вѣру какъ начала, подлежащія сомнѣнію. Такимъ образомъ, для того чтобы произнести наше мнѣніе объ этой важной части сочиненія, мы обязаны прежде всего остановиться на выводахъ предлагаемаго обзорѣнія и разсмотрѣть на сколько они согласны съ источниками. Впрочемъ задача наша значительно облегчается самимъ авторомъ, который во многихъ мѣстахъ не только перечисляетъ дѣлаемые имъ выводы, но нѣсколько разъ повторяетъ и общее начало, служившее имъ, по его мнѣнію, исходной точкой. Это начало, говоритъ онъ, имѣя въ виду удѣльный періодъ, состоитъ *въ юспод- ствѣ частнаго права въ общественной жизни* и результатъ его есть особенный бытъ, на немъ основанный, который составляетъ одно изъ существенныхъ явленій вообще въ исторіи человѣчества, такъ что Россія раздѣляетъ этотъ бытъ со всѣми историческими народами новаго міра, потому что только чрезъ него можно было достигнуть высшаго духовнаго союза государственнаго. Вѣрный этой идеѣ, г. Чичеринъ находитъ

всюду въ источникахъ слѣды, отражающіе преобладаніе частнаго права и выражаетъ ихъ въ слѣдующихъ общихъ чертахъ, останавливаясь на двухъ различныхъ формахъ общественной жизни, которыя встрѣчаются въ средневѣковой Россіи, именно на княжескихъ владѣніяхъ и на вольныхъ общинахъ. Управление въ удѣльныхъ княжествахъ, за исключеніемъ дана побѣдителямъ (Татарамъ), имѣло, говоритъ онъ, своими единственными предметами доходы и повинности, составлявшіе собственность князя-вотчинника, и потому все распоряженія относительно управленія, дѣлаясь лишь съ этою цѣлью, носили частный характеръ. Такой характеръ имѣлъ между прочимъ и *судъ*, одна изъ самыхъ важныхъ отраслей управленія, который сверхъ того долженъ былъ составлять единственную общественную потребность того времени. Какъ правительственное учрежденіе въ этомъ смыслѣ *судъ* былъ дѣломъ второстепеннымъ; главнымъ былъ доходъ, который отъ него получался; слѣдоват. онъ составлялъ частную собственность и на этомъ основаніи, какъ доходная статья, дѣлился на участки, отдавался должностнымъ княжескимъ лицамъ въ кормленіе, отчуждался помимо ихъ жалованными грамотами частнымъ лицамъ и монастырямъ, отдавался даже на откупъ; самая подсудность разрешалась не видами общественнаго блага, а правомъ судьи на доходы съ суда надъ извѣстными лицами: отсюда *судъ* смѣстный или вопчій и отсюда же привилегіи, освобождавшія нѣкоторыя лица отъ подсудности областнымъ судьямъ: самый докладъ по суднымъ дѣламъ былъ лишь частнымъ способомъ разрешать затрудненія: если судья не могъ самъ рѣшить дѣло, то докладывалъ объ немъ кому *хотѣлъ*, но и докладывать онъ не былъ обязанъ; слѣдоват. объ инстанціяхъ, установленныхъ законами, не было еще понятія; наконецъ самыя преступленія были предметомъ суда лишь какъ право кормленщиковъ на извѣстныя пени. О другихъ отрасляхъ княжескаго управленія въ удѣльный періодъ авторъ не упоминаетъ вовсе, вѣроятно на томъ основаніи, что если даже *судъ* имѣлъ указанное имъ зна-

ченіе, то тѣмъ менѣе можно говорить обо всѣхъ прочихъ распоряженіяхъ князя-вотчинника съ общественной или государственной точки зрѣнія; лишь о полиціи онъ замѣчаетъ, что она можетъ существовать только при развитой общественной формѣ, въ которой преобладаетъ начало государственное и потому въ удѣльный періодъ на полицейскія учрежденія едва есть слабые намеки. Что касается до другой формы общественнаго быта въ древней Россіи, то въ областяхъ Новгородскихъ, составлявшихъ вотчину Великаго Новгорода, замѣчается тоже: здѣсь судъ отдавался также въ кормленіе, на откупъ, въ наследственное владѣніе. Но въ самой Новгородской общинѣ онъ имѣлъ значеніе общественной должности. Преступленія разсматривались и казнились какъ нарушенія общественнаго мира; въ судахъ гражданскихъ встрѣчаются докладчики: на судѣ посадника (съ княжескимъ намѣстникомъ) и тысяцкаго судили по два боярина да по два житыхъ мужа, избираемыхъ каждымъ тяжущимся; на судѣ княжескаго тиуна судили приставы, по одному отъ каждой тяжущейся стороны, да кромѣ того у доклада были выборные отъ всѣхъ пяти концевъ, по боярину и по житьему отъ каждаго конца (стр. 25). Къ сожалѣнію этимъ единственнымъ указаніемъ на характеръ суда въ вольныхъ общинахъ древней Россіи и ограничивается авторъ, забывая о Псковѣ, гдѣ также была вольная община, равно какъ о находящихся въ источникахъ указанія на судныя права вѣчей въ тѣхъ областяхъ, гдѣ уже не было вольныхъ общинъ, но гдѣ эти права и самыя вѣчи являются остатками общинныхъ началъ, издревле жившихъ въ народѣ.

Въ выписанныхъ нами буквально выводахъ есть значительная доля истины, почему понятно, что авторъ могъ подкрѣпить ихъ выписками изъ современныхъ памятниковъ; но намъ кажется, что онъ не разсмотрѣлъ довольно внимательно правительственную дѣятельность князей, какъ вотчинниковъ, въ ихъ отдѣльныхъ областяхъ, и самихъ вольныхъ общинъ. Мы здѣсь не станемъ распространяться о той роли, какую имѣютъ у

нась князя древней Россіи какъ лица, связывавшія подвластное имъ народонаселеніе водвореніемъ въ немъ христіанской вѣры, этимъ духовнымъ, нравственнымъ началомъ единенія; не будемъ говорить объ установленіи ими стольныхъ городовъ, какъ центровъ областного управленія и о раздѣленіи этого управленія на станы и волости; не будемъ наконецъ указывать на дѣлавшіяся ими распоряженія исключительно ради общей пользы цѣлыхъ княженій, ибо обо всемъ этомъ не упоминаетъ авторъ; но считаемъ долгомъ рассмотреть его мнѣніе о судахъ въ Удѣльной Россіи. Мы думаемъ, что, опредѣляя ихъ значеніе, онъ упустилъ одну сторону, которая въ нихъ столь же очевидна, какъ и значеніе суда въ смыслѣ статьи доходной. Дѣло судьи состояло не только въ томъ, чтобы съ какого либо спора или преступленія взять извѣстную пошлину или пеню, но и въ томъ, чтобы выслушивать тяжущихся, отбирать отъ нихъ показанія и документы, вообще приводить въ ясность ихъ спорныя отношенія и дѣлать приговоръ, или кому слѣдовало, а отнюдь не произвольно, докладъ о произведенномъ разборѣ тяжбы; а въ дѣлахъ уголовныхъ отъ него требовалось изслѣдованія самого преступленія, взятія поличнаго, отысканія вора, и проч., почему право суда было вмѣстѣ и обязанностію того лица, кому оно жаловалось¹⁾. Сверхъ того издревле основаніемъ суда и подсудности служило правило, приводимое и г. Чичеринымъ, что жители «*тлнутъ судомъ по земль и по водъ*», т. е. что судъ принадлежитъ тому кто владѣетъ землей и водой, а подсудны всѣ жители, живущіе на этой землѣ. На этомъ основаніи съ жалованіемъ вотчинъ монастырямъ и духовенству вообще, а свѣтскимъ лицамъ вотчинъ и помѣстьевъ имъ давалось и право гражданскаго суда надъ поселенными на жалованной землѣ не какъ исключеніе, а какъ правило, хотя въ жалованныхъ грамотахъ о правѣ суда часто упоминалось особо, для того чтобы уяснить какіе именно предметы суда вообще принадлежатъ привилегированнымъ лицамъ и какіе остаются за наѣстниками и волостелями²⁾. За

тѣмъ верховное право суда въ городахъ и селеніяхъ, не отданныхъ во владѣніе духовенству или частнымъ лицамъ, принадлежало самимъ князьямъ, которые передавали его или общимъ органамъ мѣстнаго управленія — намѣстникамъ, волостелямъ и ихъ тѣнамъ, или отдѣльнымъ чиновникамъ и даже частнымъ лицамъ, но не только какъ доходную статью, но и какъ обязанность. Какъ доходная статья *судъ* или *правда* предоставлялась въ видѣ жалованья кормленщикамъ въ дополненіе къ ихъ денежнымъ и помѣстнымъ окладамъ для того, чтобы они могли въ военное время явиться исправными на службу; но они были обязаны выставлять въ заведенныя для того книги сколько они отъ правды получили дохода или пошлинъ. Сообразно съ этими доходами судъ отдавался на откупъ, какъ и другія статьи, притомъ не только частнымъ лицамъ, но и самимъ жителямъ извѣстнаго мѣста, и въ этомъ случаѣ князья въ видѣ откупной суммы или оброка получали непосредственно въ свою казну вознагражденіе за уступленныя ими пошлины, которыя слѣдовали ихъ чиновнику, сверхъ пошлинъ за верховный судъ, который во всякомъ случаѣ оставался за ними³). Что касается до обязанности кормленщиковъ относительно суда, то изъ дошедшихъ до насъ судебныхъ дѣлъ изъ Удѣльнаго періода ясно видно, что они были обязаны по тяжбынмъ дѣламъ, а тѣмъ болѣе о преступленіяхъ, подлежащихъ разсмотрѣнію ихъ, дѣлать докладъ князю или *человѣку старѣйшему* (и именно такому, кто былъ для этого назначенъ самимъ княземъ) даже безъ представленія своего мнѣнія о томъ какъ слѣдуетъ рѣшить тяжбу или какое наказаніе и пеню положить за преступленіе. Докладъ состоялъ въ изложеніи обстоятельствъ дѣла, означеніи показаній и документовъ, которые были представлены тяжущимися, а въ концѣ изчислялись *судныя мужи*, находившіеся при такомъ разборѣ. Князь или *человѣкъ* старѣйшій послѣ сдѣланнаго ему доклада спрашивалъ тяжущихся: «былъ ли вамъ такой судъ», и если ему отвѣчали, «что судъ былъ, да не таковъ», то требовалъ отъ судебныхъ му-

жей оставшихся у них списковъ тому какъ производилось дѣло⁴). Понятно послѣ этого, что судъ и въ древней Россіи не былъ такимъ легкимъ и произвольнымъ предметомъ и далеко не столь доходною статьею, какъ полагаетъ г. Чичеринъ; почему мы находимъ въ такъ называемыхъ Боярскихъ книгахъ XVI вѣка указанія, что кормленщики часто отказывались отъ *правды*, тѣмъ болѣе что получавшіеся отъ нея доходы лишали ихъ другихъ пособій отъ Правительства⁵). И такъ значеніе суда какъ доходной статьи никакъ не должно скрывать отъ насъ значеніе его какъ общественной должности, лежавшей вмѣстѣ съ тѣмъ на кормленщикѣ, которая могла даже, въ случаѣ злоупотребленій, подвергать его наказанію со стороны князя, какъ говорить о томъ и г. Чичеринъ. Особенно же такое значеніе суда въ древней Россіи раскрывается въ отношеніи къ преступленіямъ. Князя обыкновенно не отдавали ихъ въ вѣдомство ни духовнымъ властямъ, ни частнымъ лицамъ, ни на откупъ, а поручали своимъ намѣстникамъ вмѣстѣ съ другими предметами управленія; отсюда ясно, что они отличали ихъ не какъ статьи особенно доходныя, а какъ дѣла особенной важности, которыя должны разсматриваться лицами, заслуживающими особаго довѣрія; этимъ довѣріемъ опредѣлялись и самыя исключенія, допускавшіяся иногда изъ общаго правила объ изъятіи дѣлъ уголовныхъ изъ вѣдомства лицъ, получавшихъ вмѣстѣ съ жалованными грамотами на землю и право суда въ отношеніи къ ея жителямъ.

Г. Чичеринъ не различаетъ право гражданскаго суда, принадлежавшее духовнымъ и свѣтскимъ владѣльцамъ, отъ того же права, принадлежавшаго съ одной стороны княжескимъ кормленщикамъ, а съ другой — городовымъ и сельскимъ общинамъ; но намъ кажется, что въ томъ и другомъ правѣ есть различіе, на которомъ изслѣдователь долженъ непременно остановиться. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ духовенство въ своихъ вотчинахъ, такъ и свѣтскія лица въ своихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ имѣли право не только произносить судныя рѣшенія, но и дѣлать

окончательные приговоры въ гражданскихъ тяжбныхъ дѣлахъ, возникавшихъ между жителями, поселенными на принадлежавшей имъ или на владѣемой ими землѣ; только въ случаѣ жалобъ на самого владѣльца, и конечно со стороны лицъ, отъ него независѣвшихъ, назначалось кому судить его — на мѣстнику, князю или духовной власти. Слѣдуетъ также замѣтить, что владѣльцы какъ судьи въ своихъ судахъ могли такъ называемыхъ судныхъ мужей имѣть и не имѣть. Напротивъ того многіе кормленщики не только не пользовались правомъ дѣлать окончательный приговоръ по тяжбному дѣлу, но даже не были судьями въ собственномъ смыслѣ, ибо были обязаны дѣлать докладъ старѣйшему лицу и только по произнесеніи этимъ послѣднимъ приговора приводили его въ исполненіе. Самый разборъ дѣла производился ими въ присутствіи судныхъ мужей⁶⁾. Что касается наконецъ до общинъ, откупавшихъ себя у князей право суда, то онѣ судились такъ называемыми *излюбленными людьми* — судейками или старостами и цѣловальниками, изъ числа коихъ одинъ былъ собственно судьей, а прочіе судными или сидячими мужаами, такъ что они могли не только произносить по судному дѣлу приговоръ, но и рѣшить дѣло окончательно, если не было повода къ жалобѣ на это рѣшеніе князю или челоуѣку старѣйшему; но въ такомъ случаѣ судейки представляли высшему судьѣ не докладъ, а рѣшенное ими дѣло⁷⁾.

Сдѣланныя нами указанія на значеніе суда въ Удѣльной Россіи даетъ намъ право вывести заключеніе, что если г. Чичеринъ и имѣетъ основаніе видѣть здѣсь слѣды господства частнаго права, коихъ дѣйствительно нельзя отрицать, ибо они слишкомъ очевидны, то тѣмъ не менѣе имъ оставлена безъ вниманія та сторона въ древнихъ судахъ, которая заставляетъ смотрѣть на нихъ и какъ на общественное учрежденіе, соединенное съ пользою самихъ лицъ, подчиненныхъ тѣмъ или другимъ судебнымъ органамъ. Мы думаемъ также, что отчасти этотъ взглядъ на нихъ (а не одни злоупотребленія кормленщиковъ, какъ полагаетъ, кажется, г. Чичеринъ) послужилъ поводомъ

къ признанію Іоанномъ Грознымъ судныхъ правъ за тѣми общинами, которыя прежде подчинены были волостелямъ и намѣстникамъ. Съ этой точки зрѣнія мы опять въ нѣкоторыхъ пунктахъ расходимся съ выводами автора относительно развитія общественнаго быта Россіи со временъ Іоанна III. Разсмотримъ эти выводы, дополняя ихъ нашими замѣчаніями.

Созданіе государственнаго единства, говоритъ г. Чичеринъ, превратило частное княжеское хозяйство въ государственное. Поэтому Московскіе государи прежде всего старались опредѣлить и ограничить власть намѣстниковъ и волостелей, передавали права ихъ другимъ органамъ управленія, и наконецъ совершенно уничтожили систему кормленій (стр. 37). Все это должно было избавить подсудныхъ жителей отъ произвольныхъ поборовъ и притѣсненій. Самая судебная власть кормленщиковъ была ограничена. Но важнѣйшимъ ограниченіемъ власти намѣстниковъ и волостелей было введеніе въ суды старость и цѣловальниковъ. Въ первый разъ въ Бѣлозерской грамотѣ 1488 года запрещено намѣстникамъ и ихъ тіунамъ судить безъ сотскихъ и безъ добрыхъ людей; въ Судебникѣ Іоанна III это подтверждается, а въ Судебникѣ Іоанна IV возводится въ общее правило, чтобы тамъ гдѣ до тѣхъ поръ не было старость и цѣловальниковъ они были вновь избраны. Такимъ образомъ, замѣчаетъ авторъ, хотя понятые (свидѣтели) при судѣ были и прежде, но лишь при Грозномъ, съ учрежденіемъ вмѣсто сотскихъ и добрыхъ людей старость и цѣловальниковъ, они превратились въ постоянную, выборную, присяжную должность; кромѣ принадлежавшаго имъ права сидѣть въ судѣ, какъ свидѣтелямъ, имъ поручены и другія обязанности: если люди намѣстниковъ и волостелей отдавали когонибудь на поруки и поручителей не было, то они не могли ихъ уводить къ себѣ и ковать въ желѣза, не явивъ въ городѣ городовому прикащику, дворскому, старостѣ и цѣловальникамъ, а въ волости старостѣ и цѣловальникамъ; иначе послѣдніе могли, по просьбѣ родственниковъ, освободить обвиненнаго и взять безчестіе на томъ, кто

его сковалъ (стр. 40). Къ этому преимуществу, данному общинамъ, присоединилась еще уголовная власть, полученная ими относительно воровъ и разбойниковъ. Такъ окончательно судебно-полицейская отрасль суда была отнята у намѣстниковъ и волостелей и поручена управленію выборныхъ. Наконецъ около 1555 г. отставлены были вовсе намѣстники, волостели и праветчики, а для суда и сбора доходовъ учреждены излюбленные старосты. Это было важнымъ шагомъ впередъ: судъ изъ частнаго владѣнія превратился въ общественную должность. Для огражденія тяжущихся и подсудимыхъ отъ обидъ и притѣсненій у излюбленныхъ старостъ также какъ и у кормленщиковъ должны были сидѣть на судѣ выборные лучшіе люди и цѣловальники. Съ другой стороны увеличена и отвѣтственность судей, а за безпорочное отправление должности обѣщаны льготы и награды (стр. 45). Кромѣ судебного и полицейскаго управленія выборнымъ людямъ дано обширное участіе въ финансовыхъ дѣлахъ. Ко всякимъ сборамъ выбирались головы и цѣловальники изъ посадскихъ и уѣздныхъ людей; какъ скоро являлась новая потребность, требовались новые цѣловальники. Это была служба тѣмъ болѣе тягостная, что съ нею соединялась вся отвѣтственность за сборы. Отсюда видно, что такая система не была управленіемъ общины собственными дѣлами, а выборомъ людей «къ государеву дѣлу» на царскую службу. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ авторъ выводитъ заключеніе, что общинное начало было созданиемъ *Московскихъ Государей*, хотя дѣятельность общинъ была вызвана не какъ право самостоятельнаго управленія внутренними дѣлами общины, а какъ обязательная повинность для удовлетворенія государственнымъ потребностямъ. Но для распоряженій со стороны государства излюбленные старосты и цѣловальники признаны недостаточными. Для этой цѣли назначены были правительствомъ дьяки и городовые прикащики. Такимъ образомъ въ эпоху Грознаго относительно управленія вообще и суда въ особенности въ одно и тоже время дѣйствовали различныя элементы областнаго

управленія — кормленники, общины и приказные люди, которые существовали рядомъ и находились другъ къ другу въ разныхъ отношеніяхъ. Но съ болышимъ развитіемъ государственнаго начала эти правительственные органы оказались недостаточными: явилась потребность такой власти, которая, вооруженная достаточными силами, сосредоточивая въ себѣ все высшее управленіе земскими дѣлами, была бы представительницею Правительства въ областяхъ. Такая власть была установлена въ воеводствахъ. Начало ихъ относится ко времени Грознаго; въ Смутный Періодъ они являются почти во всѣхъ городахъ, а со времени Михаила Федоровича составляютъ общее учрежденіе для всей Россіи. Установленіе воеводъ было усиленіемъ правительственнаго начала въ областномъ управленіи: съ этимъ вмѣстѣ другіе органы управленія должны были измѣниться. Въ самомъ дѣлѣ приказные люди превратились въ ихъ товарищей или подчиненныхъ, намѣстники исчезли; общинное начало стѣснено и судъ отъ выборныхъ общинъ перешелъ къ воеводамъ, такъ что послѣ 1613 г. цѣловальники были отменены и воеводы стали судить одни; но выборное начало продолжало существовать для тѣхъ дѣлъ, которыя возлагались на общины какъ повинность (стр. 46 — 55).

Во главѣ всѣхъ выписанныхъ нами данныхъ и выводовъ г. Чичеринъ ставитъ, какъ мы видѣли, общее начало, что со времени утвержденія въ Россіи государственнаго единства самое управленіе начинаетъ принимать государственный характеръ. Мы совершенно согласны въ томъ, что соединеніе въ однихъ рукахъ различныхъ областей древней Руси послужило исходною точкою для установленія единообразнаго или управленія; но не думаемъ, чтобы по этой причинѣ правительственная дѣятельность каждаго изъ удѣльныхъ князей въ его области и относительно другихъ княженій могла быть названа частною какъ князя-вотчинника, тѣмъ-болѣе, что въ мѣстныхъ распоряженіяхъ нѣкоторыхъ князей рѣшительно замѣчаются тѣ самыя формы управленія, которыя г. Чичеринъ со времени

Юлиана III самъ называетъ государственными. Такъ именно относительно общиннаго начала, которое онъ считаетъ созданиемъ Московскихъ Государей, есть несомнѣнные свидѣтельства въ памятникахъ не только рукописныхъ, но и печатныхъ, что общины съ тѣмъ же характеромъ, какой открываетъ въ нихъ авторъ при Юлианѣ Грозномъ, и съ тѣми самыми выборными лицами, коихъ учрежденіе приписывается этому послѣднему, существовали еще и въ такъ-называемый Удѣльный періодъ⁸⁾. Безспорно, что изъ эпохи Грознаго до насъ дошло болѣе уставныхъ грамотъ, данныхъ общинамъ, чѣмъ изъ предыдущаго времени; но самая выдача такихъ грамотъ свидѣлствуетъ, по нашему мнѣнію, что онѣ жаловались общинамъ какъ исключеніе и что если Царь и имѣлъ намѣреніе отменить всюду намѣстниковъ и волостелей, тѣмъ не менѣе это не было приведено въ исполненіе и на фактъ учрежденіе любимыхъ старость, какъ органовъ судопроизводства, и при немъ не было вовсе общинамъ для всей Россіи, съ чѣмъ согласенъ и самъ г. Чичеринъ. Но вопреки автору мы можемъ сказать еще болѣе: съ 1613 года право судной власти не только не перешло окончательно, какъ онъ полагаетъ, отъ земскихъ судеекъ къ воеводамъ, а напротивъ того множество чернососныхъ волостей и даже цѣлыхъ округовъ съ такими волостями, притомъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, но преимущественно въ такъ-называемыхъ поморскихъ городахъ и ихъ уѣздахъ, не только получили подтвержденіе на прежде выданныя имъ грамоты съ такимъ правомъ, но даже вновь изъяты изъ вѣдомства намѣстниковъ и воеводъ и пооброшены въ замѣнъ предоставленной имъ судной власти, въ слѣдствіе чего до насъ дошло множество актовъ начиная отъ двадцатыхъ годовъ XVII вѣка до самаго начала XVIII столѣтія, гдѣ выборное и судное начала общинъ являются во всемъ ихъ развитіи, такъ что изслѣдователямъ представляется полная возможность на основаніи ихъ изучить значеніе общинъ древней Россіи во всѣхъ подробностяхъ ихъ внутренняго быта. Въ этихъ актахъ, къ со-

жалѣнію еще неапечатанныхъ, особенно важны для настоящей цѣли выборы земскихъ судеекъ не только къ гражданскимъ, но и къ уголовнымъ дѣламъ, далѣе ихъ судебные приговоры в наконецъ указанія на отношеніе ихъ къ высшимъ органамъ судопроизводства⁹⁾. Отсюда мы заключаемъ, что во первыхъ общинное начало съ характеромъ, какой приписываетъ ему авторъ, какъ созданному Іоанномъ Грознымъ, существовало и притомъ проявлялось въ положительной дѣятельности самихъ общинъ еще въ Періодъ удѣловъ; что, во вторыхъ, Грозный могъ дѣйствительно дать ему болѣе обширный кругъ дѣйствія и болѣе сознательное значеніе; но что во второй половинѣ XVII вѣка общины получили на фактѣ еще болѣе развитіе. Но съ такой точки зрѣнія въ общинномъ началѣ нельзя видѣть особенно яркаго указанія на развитіе государственнаго быта въ противоположность вотчинному. Дѣло въ томъ, что со времени утвержденія въ Россіи единовластія мы замѣчаемъ не увеличеніе въ ней числа общинъ, а постоянное ихъ уменьшеніе въ слѣдствіе причинъ весьма естественныхъ и всѣмъ извѣстныхъ. Именно въ городахъ и уѣздахъ средней Россіи мы видимъ въ XVI и XVII вѣкѣ постоянно изъ году въ годъ продолжающееся сокращеніе такъ-называемыхъ *черныхъ волостей*, подъ коими и слѣдуетъ въ особенности разумѣть общины. Нѣкоторыя изъ нихъ отданы были духовенству, другія Іоанномъ III и его преемниками розданы служилымъ людямъ въ вотчины и помѣстья, нѣкоторыя запустѣли, а нѣкоторыя наконецъ обращены въ дворцовыя селенія, такъ что подъ конецъ XVIII вѣка по самому названію чернослошныя волости смѣшиваются съ дворцовыми, что указываетъ на отождествленіе и самаго ихъ управленія. Въ степныхъ областяхъ, присоединенныхъ вновь къ государству, казенныя селенія получили новое устройство, отличное отъ устройства черныхъ волостей. За тѣмъ значительное количество этихъ послѣднихъ осталось лишь въ такъ-называемыхъ Поморскихъ уѣздахъ и здѣсь то мы видимъ преобладаніе общиннаго начала въ томъ видѣ, въ какомъ авторъ

желалъ бы призвать его общимъ для всей Россіи при Іоаннѣ Грозномъ. Гораздо важнѣе для указанія на развитіе государственнаго начала со времени Іоанна III было бы, по нашему мнѣнію, выяснить служебную и другія повинности не однихъ сельскихъ черносотныхъ общинъ, но вообще жителей всѣхъ сословій, къ коимъ эти общины относятся лишь какъ часть весьма незначительная, и тѣ общія мѣры, какія стало вновь принимать правительство для управленія цѣлымъ государствомъ сообразно съ развивавшимися вновь потребностями. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ централизація, установленная учрежденіемъ сначала Четвертей, потомъ Приказовъ въ Москвѣ для завѣдыванія различными княжествами и царствами, слиявшимися въ одно цѣлое. Въ этомъ отношеніи авторъ справедливо указываетъ на значеніе воеводъ и ихъ власти; но намъ кажется излишнимъ выставленное имъ въ особенности значеніе дьяковъ и городовыхъ начальниковъ, какъ приказныхъ людей, въ противоположность кормленщикамъ и общинамъ. Такіе приказные люди существовали независимо отъ намѣстниковъ и до Іоанна III, а независимо отъ воеводъ встрѣчаются и въ XVII вѣкѣ.

Сдѣланныя нами возраженія противъ выводовъ г. Чичерина даютъ намъ возможность представить нѣсколько замѣчаний касательно сравненія его общественной жизни въ древней Россіи съ бытомъ средневѣковыхъ Европейскихъ государствъ на западѣ. Во первыхъ онъ сопоставляетъ Русскую вотчинную систему системѣ феодальной, но въ судебномъ устройствѣ удѣльныхъ княжествъ и феодальныхъ владѣній находитъ два важныхъ различія: 1) кормленіе, говоритъ онъ, было почти всегда временнымъ, ленное владѣніе напротивъ того потомственнымъ. Но право леннаго суда слѣдуетъ сравнивать не съ правомъ кормленщика, какъ временнаго лишь представителя верховной власти, а съ правомъ вотчинника или помѣщика, которымъ право суда принадлежало также потомственно вмѣстѣ съ правомъ на землю. 2) Преобладаніе союзнаго начала на западѣ произвело, по мнѣнію г. Чичерина, такое явленіе, котораго не было въ

вотчинной Россіи—участіе въ судѣ цѣловальниковъ. Изъ сказаннаго выше напротивъ того слѣдуетъ заключить, что и у насъ общинное начало, какъ оно существовало надревле до позднѣйшаго времени, предполагало всегда въ судахъ общинныхъ присутствіе *судныхъ* или *сидячихъ* мужей, подъ названіемъ старость, сотскихъ, цѣловальниковъ, и проч. Несправедливо далѣе положеніе автора, будто право вотчиннаго суда давалось у насъ вотчинникамъ какъ особенная милость, иначе же крестьяне подлежали суду княжескихъ кормленщиковъ, ибо это можетъ быть признано болѣе или менѣе справедливымъ только въ отношеніи къ дѣламъ между крестьянами двухъ разныхъ вотчинниковъ, но и въ отношеніи къ нимъ мы знаемъ, что они обыкновенно рѣшались смѣстнымъ или общимъ судомъ владѣльцевъ, коимъ принадлежали крестьяне. Дѣла же спорныя между крестьянами одного и того же вотчинника или помѣщика не только въ древней Россіи подлежали, какъ мы видѣли выше, суду этихъ послѣднихъ, но и въ настоящее время рѣшаются еще самими владѣльцами или ихъ прикащиками. Что касается наконецъ до выводовъ автора о Русской общинѣ сравнительно съ западными, то едвали слѣдуетъ, какъ онъ это дѣлаетъ, общины Удѣльнаго періода, называемыя имъ остатками патріархальнаго быта племень, противопоставлять, относительно основнаго ихъ начала, общинамъ Новгородской и Псковской, а съ другой стороны, имѣя въ виду одни акты, относящіяся къ Новгородскимъ и Поморскимъ областямъ, принимать за правило, что въ черносошныхъ волостяхъ каждый членъ общины владѣлъ участкомъ общественной земли какъ своею частною собственностію, независимо отъ другихъ, и во всякомъ случаѣ несправедливо мнѣніе, что въ Швейцарскихъ кантонахъ общины, въ противоположность Русскимъ, имѣли свои земли, принадлежавшія имъ въ собственность, свои дѣла, своихъ правителей, свой судъ: все это было принадлежностью и нашихъ общинъ съ тою только разницею, что онѣ подчинялись въ отношеніи ко всѣмъ этимъ правамъ власти высшаго правительства¹⁰⁾. Но вообще Русскія общины и сословія въ

періодъ до Петра Великаго не должно, думаемъ мы, рассматривать съ той же точки зрѣнія, какъ рассматриваются общины и сословія средневѣковыхъ западныхъ государствъ: здѣсь общины и сословія сливаются въ одно, между тѣмъ какъ у насъ они лишь случайно совпадаютъ въ общинахъ городскихъ и сельскихъ. Мы не можемъ также не замѣтить автору за чѣмъ онъ, сознавая ясно, что правительственная дѣятельность учредила у насъ то, что на западѣ образовалось въ слѣдетвіе господства союзнаго духа, и что начало прѣизвола, которое онъ называетъ началомъ личности, исчезло въ общественной жизни подъ вліяніемъ этого духа, тѣмъ не менѣе у насъ до самыхъ временъ Іоанна III оставляетъ безъ вниманія правительственную дѣятельность князей Удѣльнаго періода, между тѣмъ какъ, на основаніи означеннаго сознанія, за развитіемъ государственнаго начала съ древнѣйшихъ временъ Русскій историкъ обязанъ столько же слѣдить, сколько западные изслѣдователи занимались и продолжаютъ заниматься средневѣковыми городскими союзами.

За введеніемъ въ разбираемой нами книгѣ слѣдуетъ рассмотреть самихъ областныхъ учреждений въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Областное дѣленіе. 2) Воеводы и приказные люди: ихъ значеніе, предметы вѣдомства, степень власти и дѣлопроизводство. 3) Должностныя лица, подчиненныя воеводамъ: головы: письменные, осадные, засѣчные, стрѣleckіе, казачьи, пушкарскіе, объѣзжіе, житничные. и прикащики: городовые, засѣчные, ямскіе, становые, слободскіе, острожные, соляныхъ дѣлъ, городничіе и слободчики. 4) Должности: выборныя: таможенныя и кабацкіе головы и цѣловальники, губные старосты и цѣловальники, земскіе старосты и цѣловальники; ихъ выборы, взаимныя отношенія, предметы вѣдомства, дѣлопроизводство, отвѣтственность. Относительно всѣхъ этихъ отдѣловъ мы обязапы предварительно замѣтить вообще, что изслѣдованіями, сюда принадлежащими, г. Чичеринъ оказалъ чрезвычайно важную услугу всѣмъ занимающимся Исторіей Русскаго законодательства. Источники, принятыя имъ во вниманіе, раз-

смотрѣны не только съ величайшимъ трудолюбіемъ, но и съ примѣрною добросовѣстностью, такъ, что одни даже фактическія и хронологическія указанія, разсѣяныя въ настоящемъ сочиненіи, представляютъ самый богатый и притомъ самый надежный матеріалъ для всякаго изслѣдователя, который захотѣлъ бы заняться тѣмъ же предметомъ. До какой степени книга обильна фактическими свѣдѣніями и какъ подробно въ ней изчерпаны предметы, подлежащія изслѣдованіямъ автора, можно судить даже по ея объему, ибо, за исключеніемъ введенія, напечатаннаго на 57 страницахъ, она заключаетъ въ себѣ до 600 страницъ. Самыя ссылки на источники сдѣланы вездѣ такъ исправно, что при свѣркѣ большей части цитатовъ съ самими матеріалами мы встрѣтили только одинъ, приведенный невѣрно. Къ сожалѣнію изъ источниковъ, которые слѣдовало принять въ руководство, авторъ ограничился: Полнымъ собраніемъ законовъ, Актами, изданными Археографической Коммиссіей, Собраніемъ государственныхъ грамотъ и договоровъ, Актами города Шуи и Актами Воронежскими; почему кое-что сказанное въ настоящемъ сочиненіи можно бы дополнить на основаніи другихъ матеріаловъ. Также можно замѣтить, что напрасно авторъ не обратилъ никакого вниманія на прежнія сочиненія, относящіяся къ тѣмъ же предметамъ, которымъ онъ посвятилъ свои занятія, тѣмъ болѣе что ихъ немного и что здѣсь онъ нашелъ бы нѣкоторыя мысли и указанія, не совсѣмъ безпольныя для большей полноты изслѣдованія. Но самый важный недостатокъ второй половины книги, посвященной исключительно областнымъ учрежденіямъ, заключается въ упущеніи г. Чичеринымъ изъ виду тѣхъ Приказовъ, которые отнюдь не могутъ быть признаны центральными учрежденіями, какъковы напримѣръ: Приказы Устюжскій, Костромскій, Галичскій, Дмитровскій и вообще всѣ Приказы, завѣдывавшіе лишь одною или нѣсколькими областями, состоявшими часто изъ прежнихъ особыхъ княженій. Даже, по нашему мнѣнію, автору слѣдовало бы указать и на центральные приказы, въ коихъ завѣдывались

въ особенности нѣкоторые города съ ихъ уѣздами, какъ то: Приказъ Посольскій, Приказъ Новой Четверти, и пр. Притомъ хотя въ источникахъ и встрѣчаются указанія на перемѣщеніе нѣкоторыхъ городовъ изъ вѣдомства однихъ Приказовъ въ другіе, все же можно было бы съ бѣльшею или меньшею точностію изчислить какіе города съ ихъ уѣздами завѣдывались тѣмъ или другимъ Приказомъ, а это самое способствовало бы къ указанію раздѣленія Россіи на большія области, называвшіяся *землями*, которое также упушено г. Чичеринымъ, но которое имѣетъ свою важность, какъ увидимъ ниже. Кромѣ Приказовъ не замѣчены еще нѣкоторые другіе органы областнаго управленія, которые хотя имѣли гораздо меньшее значеніе, но все же, какъ встрѣчающіеся въ источникахъ, не должны быть исключаемы изъ сочиненія, посвященнаго специальному обозрѣнію областныхъ учрежденій вообще, каковы, на примѣръ, пяташники, уѣздные приставы и стряпчіе, вотчинные прикащики и старосты, поселскіе, и другіе. Наконецъ намъ сдается, что чрезвычайно тяжелый упрекъ въ неопредѣленности, запутанности и неясности, который дѣлаетъ авторъ нашимъ древнимъ учрежденіямъ относительно ихъ значенія, предметовъ вѣдомства и дѣлопроизводства, могъ бы быть отчасти смягченъ отысканіемъ нѣкоторыхъ менѣе общихъ основаній, чѣмъ тѣ, какія принимаетъ г. Чичеринъ для отдѣленія другъ отъ друга различныхъ органовъ управленія; тогда съ одной стороны множество исключеній, приводимыхъ имъ какъ слѣдствіе неясности правительственныхъ началъ, быть можетъ оказались бы не исключеніями, а съ другой стороны самое изложеніе его выиграло бы въ ясности и стройности. Такъ, на примѣръ, мы думаемъ, что еслибъ авторъ, остановившись на предметахъ вѣдомства воеводъ, постарался бы на основаніи воеводскихъ наказовъ опредѣлить тѣ изъ нихъ, какіе были постоянно въ ихъ рукахъ въ отличіе отъ тѣхъ занятій, которыя лишь временно поручались имъ особыми грамотами, то чрезъ это самое уяснились бы не только настоящія обязанности самихъ воеводъ, но

и отношенія ихъ къ другимъ органамъ, имѣвшимъ менѣе обширный кругъ дѣйствія. Такое же замѣчаніе можетъ быть сдѣлано въ примѣненіи къ губнымъ цѣловальникамъ, которымъ, какъ увидимъ ниже, авторъ даетъ слишкомъ обширное значеніе какъ цѣловальникамъ губныхъ старостъ цѣлыхъ уѣздовъ.

Разсмотримъ теперь въ отдѣльности приведенные выше предметы и названія, относящіеся до областныхъ учреждений; но при этомъ примемъ за правило указывать только на недостатки, замѣчаемые нами въ изслѣдованіяхъ автора.

Первая статья представляетъ областное дѣленіе древней Россіи, начало котораго самъ г. Чичеринъ отыскиваетъ въ Удѣльномъ періодѣ и даже отчасти въ патриархальномъ бытѣ самихъ общинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ руководствуясь для своей цѣли преимущественно источниками XVII вѣка. Прежде всего говорится о раздѣленіи Государства на уѣзды, причемъ мы встрѣчаемъ мнѣніе будто въ Вятскомъ уѣздѣ было пять городовъ, которые всѣ находились въ управленіи одного воеводы. Не знаемъ на какихъ источникахъ основывается въ настоящемъ случаѣ авторъ, но въ извѣстныхъ намъ актахъ XVII вѣка мы находимъ названіе Вятскаго уѣзда въ значеніи Вятской земли, которая въ нихъ же упоминается, при чемъ говорится и объ отдѣльныхъ уѣздахъ городовъ Вятскихъ, такъ что они всѣ вмѣстѣ и составляли Вятскую землю, раздѣленную на города, имѣвшіе каждый свое управленіе¹¹⁾). Настоящее замѣчаніе даетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ поводъ указать на опущенное г. Чичеринымъ древнѣйшее дѣленіе территоріи, вошедшей въ составъ древней Россіи, на такъ называемыя земли. На это дѣленіе весьма основательно было обращено вниманіе ученыхъ г. Тюринымъ въ его прекрасномъ изслѣдованіи подъ названіемъ: «Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси», и мы очень жалѣемъ, что указаніе г. Тюрина до сихъ поръ не получило еще ближайшаго примѣненія въ нашихъ изслѣдованіяхъ. Съ своей стороны мы замѣтимъ здѣсь, что встрѣчающіяся въ лѣтописяхъ названія: земля Кіевская, земля Новго-

родская, земля Псковская, Сѣверская, Полоцкая, и другія, и повторающіяся въ Удѣльный періодъ вмѣстѣ съ названіями: Княжество Кіевское, Черниговское, и другія, связываются тѣснѣйшимъ образомъ съ названіями *земель*, упоминаемыхъ въ официальныхъ источникахъ XVII вѣка. Кромѣ Вятской земли, въ нихъ встрѣчаются названія: 1) *Двинская земля*, состоявшая изъ пяти городовъ, къ коимъ сверхъ того присоединялись Кевроль и Межень. Объ этихъ послѣднихъ говорится, что они съ Двиною *земля одна изстари* и что при Грозномъ жители ихъ вмѣстѣ съ жителями другихъ пяти городовъ строили Архангельскъ. 2) *Важская земля*, которую составляли станы: Шенкурскій, Подвинскій, Ровдинскій, Вельскій, Верховажскій, Ледцкій, Паденга, Кокшенга, Слобода Великая¹²⁾. 3) *Псковская земля*, къ коей принадлежали пригороды: Выборскій, Дубковскій, Вышегородскій, Опочецкій, Велейскій, Воронежскій, Вревскій, Володимерскій, Гдовскій, Кобыльскій, Изборскій, Островскій. Всѣ эти пригороды имѣли свои уѣзды, которые издревле раздѣлялись на *цубы* — дѣленіе, уцѣлѣвшее и въ XVII вѣкѣ¹³⁾. 4) *Рязанская*, въ которой къ *Переяславу* были приписаны *Зарайскъ*, *Пронскъ* и *Михайловъ*¹⁴⁾. 5) *Солжамская*, какъ одна земля съ *Чердыню* и *Кайгородомъ*, считалась съ ними на всеуѣздныхъ сходкахъ въ всеуѣздной земской избѣ посадскихъ и земскихъ старостъ относительно ихъ общихъ расходовъ по отправленію разныхъ повинностей¹⁵⁾. Наконецъ 6) *Сольвычегодскъ* составлялъ такое же цѣлое съ *Вымью*, *Устьсысольскомъ*, *Еренскомъ* и *Ужгою* (Ужгинскою волостью)¹⁶⁾. Вѣроятно по этимъ примѣрамъ въ половинѣ XVII вѣка, при строеніи новыхъ городовъ на пограничныхъ мѣстахъ, ихъ приписывали къ главнымъ пунктамъ или городамъ, отъ которыхъ они и получали общія названія. Такъ Бѣлгородъ имѣлъ свои пригороды, такъ точно какъ такіе же пригороды причислены были къ Козлову, Казани, Симбирску. Эти пригороды назывались: Бѣлгородскіе, Козловскіе, Казанскіе, Симбирскіе¹⁷⁾. Самъ г. Чичеринъ помѣстилъ въ своей книгѣ любопытное извѣстіе, что въ 1692 г. къ Ярославлю были приписаны Переяславль и

Ростовъ. Съ указаніемъ остатковъ, уцѣлѣвшихъ въ XVII вѣкѣ отъ древняго дѣленія на земли и слѣдовъ его вліянія на соединеніе вновь въ одно цѣлое отдѣльныхъ городовъ, не бесполезно вспомнить и о дѣленіи Россіи при Іоаннахъ на Части, перешедшемъ въ новое болѣе дробное дѣленіе на основаніи вѣдомства Приказовъ. Замѣтимъ еще, что въ актахъ, относящихся къ Казанскому уѣзду, встрѣчается дѣленіе его на *дороги* — названіе, напоминающее о Татарскихъ чиновникахъ, носившихъ имя *дорогъ*, о которыхъ говорится въ ярлыкахъ, данныхъ Ханами Золотой Орды Русскому духовенству; а въ писцовыхъ книгахъ Нижегородскихъ и другихъ актахъ встрѣчаются *ключи* также въ значеніи поземельныхъ округовъ¹⁸⁾. Обо всѣхъ этихъ названіяхъ г. Чичеринъ не говоритъ ничего.

Въ отдѣлѣ подъ заглавіемъ «Воеводы главныхъ городовъ» слѣдующія неточности и невѣрности должны быть замѣчены. *Подписными* челобитными назывались вообще челобитныя, на оборотѣ коихъ записаны были рѣшенія, на нихъ сдѣланныя; въ отношеніи же къ лицамъ, просившимъ челобитными о мѣстѣ воеводы, очевидно, что подпись заключалась въ рѣшеніи Царя о томъ, чтобы дать челобитчику просимое мѣсто; слѣдовательно такая подпись не была свидѣтельствомъ, какъ думаетъ г. Чичеринъ, что проситель находился не у дѣла (стр. 83). Говоря о наказахъ, какіе давались воеводамъ при отправленіи ихъ къ должности, г. Чичеринъ замѣчаетъ, что не было общаго законодательства относительно управленія и что все ограничивалось частными правилами, которыя предписывались отдѣльнымъ лицамъ. Но стоитъ сличить между собою многочисленныя наказы, дошедшіе до насъ отъ XVII вѣка, чтобы видѣть буквальное сходство нѣкоторыхъ статей, которыя встрѣчаются не только въ разныхъ наказахъ, данныхъ въ различное время воеводамъ одного и того же города, но также въ наказахъ, относящихся и къ различнымъ городамъ. Кромѣ того наказы, вручавшіеся воеводамъ, вновь отправляемымъ на должность, обыкновенно списывались съ прежнихъ, данныхъ прежнимъ

воеводамъ того же города, за исключеніемъ тѣхъ статей, которыя отмѣнялись въ слѣдствіе какихъ либо вновь возникшихъ причинъ, почему новый наказъ служилъ лучшимъ руководствомъ тому, что изъ прежнихъ наказовъ слѣдовало исполнять и что напротивъ не должно было имѣть силы; но г. Чичеринъ тѣмъ не менѣе говоритъ, что воевода могъ руководствоваться наказами и грамотами, данными его предшественникамъ, по своему усмотрѣнію. Невѣрно права, дававшіяся иногда воеводамъ въ отношеніи къ лицамъ духовнаго званія и къ предметамъ, принадлежавшимъ монастырямъ и церквамъ, называть духовными дѣлами, какъ это дѣлаетъ авторъ на стр. 105 и др., ибо дѣла собственно духовныя никогда не отдавались въ завѣдываніе свѣтскимъ лицамъ. Несправедливо замѣчено, будто въ подтвердительныхъ грамотахъ выписывались учрежденія и права, которыя уже потеряли свое значеніе, ибо въ такомъ случаѣ было бы бесполезно переписывать грамоты на имя новыхъ Государей, чтò дѣлалось именно съ цѣлью новаго удостовѣренія въ принадлежности извѣстныхъ правъ лицамъ, получавшимъ переписанныя вновь грамоты; это мнѣніе наше подтверждается обычною формою приписокъ Царя Θεодора Алексѣевича на прежнихъ жалованныхъ грамотахъ, въ которой говорится, что онѣ утверждаются во всемъ за исключеніемъ тѣхъ правъ, которыя отмѣнены Уложеніемъ и новоуказными статьями¹⁹⁾. Между прочимъ относительно виры за душегубство, о которой авторъ полагаетъ, что она можетъ быть не платилась болѣе общинами, а писалась только въ грамотахъ по древнему обычаю, на основаніи дошедшихъ до насъ актовъ достовѣрно извѣстно, что еще въ 1693 году она была въ силѣ, называясь вѣрой за голову, и платилась не только общинами въ случаѣ неизвѣстности убійцы, но и самими лицами, совершившими неумышленное убійство²⁰⁾. На стр. 176 авторъ замѣчаетъ, что новыхъ жалованныхъ грамотъ, освобождавшихъ отъ суда воеводъ и приказныхъ людей, отдѣльнымъ общинамъ болѣе не давалось; но выше мы уже видѣли, что со времени Царя Михаила Θεодоровича многія

поморскія волости получили вновь право собственнаго суда. На стр. 272 встрѣчается ошибка будто на грамотѣ, присылаемой воеводѣ изъ Приказа, годъ, мѣсяць и число полученія, также имя подателя означались внизу, между тѣмъ какъ слѣдовало бы сказать: на оборотѣ столбца, сложеннаго въ пакетъ. На стр. 279 извѣтъ невѣрно названъ объявленіемъ о происшествіи, вовсе не касавшемся до лица извѣщающаго, ибо мы имѣемъ извѣты, поданные должностными и частными лицами въ огражденіе себя отъ какой либо отвѣтственности²¹⁾. Въ примѣненіи къ дѣлопроизводству замѣчено, что письменныя резолюціи на поступавшихъ бумагахъ (къ воеводѣ) встрѣчаются рѣдко; но слѣдуетъ, судя по дошедшимъ до насъ челобитнымъ, поданнымъ въ разныя присутственныя мѣста, сказать, что такіа резолюціи давались нерѣдко и, вопреки автору, не были словесныя, ибо обыкновенно актъ, по коему резолюція приводилась въ исполненіе, составлялся на основаніи челобитной, въ которой прописано было сдѣланное по ней рѣшеніе. Относительно самихъ воеводъ авторъ говоритъ, что введеніе ихъ совершенно измѣнило систему, установленную Грознымъ: правительственный элементъ получилъ въ областномъ управленіи такую силу, предъ которою земское начало и земскія власти должны были исчезнуть. Но и при Іоаннѣ Грозномъ земское начало не имѣло такого общаго значенія, чтобы оно совпадало съ правительственнымъ, а въ XVII вѣкѣ, не смотря на усиленіе правительственнаго элемента, не только продолжало существовать на фактѣ, но признавалось правительствомъ въ официальныхъ его источникахъ. Вотъ почему мы полагаемъ, что авторъ не совсѣмъ основательно противопоставляетъ земское начало правительственному, такъ какъ первое, въ томъ видѣ какъ оно признавалось въ древней Россіи, не исключало послѣдняго и наоборотъ. Самой характеристикѣ воеводскаго управленія, будто бы основаннаго на правительственномъ началѣ, съ исключеніемъ земскаго, приданъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ рѣзкой оттѣнокъ, ибо вмѣстѣ съ тѣмъ предполагается, что на-

мѣстниковъ въ древней Россіи не слѣдуетъ вовсе признавать органами общественнаго управленія.

Въ отдѣлѣ о губныхъ старостахъ и цѣловальникахъ, не смотря на то, что авторъ ясно сознаетъ различіе, существовавшее между тѣми изъ нихъ, которые выбирались отдѣльными городскими и волостными общинами и тѣми, которые выбирались цѣлымъ уѣздомъ, онъ тѣмъ не менѣе не пользуется этимъ различіемъ для уясненія значенія, правъ и предметовъ вѣдомства тѣхъ и другихъ въ отдѣльности; даже напротивъ того, смѣшивая ихъ между собою, говоритъ объ нихъ безразлично на основаніи относящихся къ нимъ вообще источниковъ. Такъ именно о губныхъ цѣловальникахъ онъ полагаетъ, что, судя по губнымъ грамотамъ эпохи Грознаго, слѣдуетъ заключить, что они судили и дѣлали всѣ дѣла вмѣстѣ съ губными старостами; впоследствии же, съ уничтоженіемъ судебной власти земскихъ старостъ, была уничтожена и ихъ судебная власть. Но какъ мы знаемъ, что судная власть гражданская и уголовная, дававшаяся отдѣльнымъ общинамъ какъ привиллегія, продолжалась и въ XVII вѣкѣ, то можно думать, что въ привилегированныхъ общинахъ, пользовавшихся правомъ уголовного суда и при воеводахъ, губные цѣловальники остались съ прежнимъ значеніемъ, и это дѣйствительно подтверждается источниками²²). Между тѣмъ справедливо также, что вообще губные цѣловальники въ XVII вѣкѣ должны были имѣть другое значеніе, именно значеніе тюремныхъ цѣловальниковъ и даже сторожей, а мѣстами можетъ быть даже вовсе не существовали, но это потому что учрежденіе губныхъ старостъ для цѣлыхъ уѣздовъ было учрежденіемъ совершенно особымъ отъ привилегій на судъ уголовныхъ дѣлъ, данныхъ общинамъ, ибо самые губные старосты избирались въ первомъ случаѣ не изъ среды посадскихъ и крестьянъ, а изъ дворянъ и кромѣ уголовныхъ дѣлъ имъ поручалось также много другихъ, которыя изчисляетъ самъ авторъ. Имѣя это въ виду было бы не излишнимъ въ отдѣлѣ, посвященномъ разсмотрѣнію губныхъ старостъ,

указать на древнѣйшіе слѣды ихъ еще въ XV вѣкѣ. Тогда, можетъ быть, открылось бы, что губное управленіе въ древней Россіи возникло не при Іоаннѣ Грозномъ, и что основаніе его лежало не въ исключительной потребности отыскивать и искоренять разбойниковъ, какъ говорить это авторъ на стр. 479.

Отъ губныхъ старостъ г. Чичеринъ переходитъ къ земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ; но въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ едва-ли не больше, чѣмъ во всемъ остальномъ сочиненіи встрѣчаются такія положенія, которыя должно принимать на вѣру, чтобы съ ними согласиться. Во-первыхъ надо замѣтить, что здѣсь говорится не о старостахъ и цѣловальникахъ сельскихъ вообще, а о тѣхъ, которые были въ городскихъ посадахъ и черносошныхъ волостяхъ. Но какъ черносошныя волости въ XVII вѣкѣ уцѣлѣли въ значительномъ количествѣ лишь въ поморскихъ уѣздахъ, то очевидно, что большая часть сказаннаго въ настоящемъ отдѣлѣ о земскихъ старостахъ и цѣловальникахъ вообще должна быть отнесена къ старостамъ и цѣловальникамъ привилегированныхъ общинъ, имѣвшихъ свой судъ. Къ сожалѣнію автору не были извѣстны дошедшіе до насъ богатые матеріалы, поясняющіе бытъ поморскихъ черносошныхъ волостей, а потому, пользуясь скудными данными, найденными имъ въ печатныхъ источникахъ, и предположеніемъ, что общины уже не имѣли никакой самостоятельности въ XVII вѣкѣ, за исключеніемъ лежавшихъ на нихъ финансовыхъ обязанностей, онъ далеко недостаточно опредѣляетъ значеніе, права, предметы вѣдомства и дѣлопроизводство какъ самихъ общинъ, такъ и земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, какъ органовъ этихъ общинъ. Такъ, напримѣръ, онъ самъ сознается, что для него неясно значеніе всеуѣздныхъ старостъ, такъ точно какъ неизвѣстно ему достаточно о земскихъ избахъ, о земскихъ дьякахъ, о мірскихъ лѣсахъ, и проч.; о всеуѣздныхъ избахъ даже вовсе имъ не упоминается. Но мы должны сверхъ того прибавить, что многое изъ того, что г. Чичеринъ предполагаетъ для себя яснымъ, требуетъ еще новыхъ и значитель-

ныхъ изслѣдованій. Въ подтвержденіе нашего мнѣнія сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній относительно различныхъ его положеній. На стр. 516 и 520 онъ говоритъ, что изъ членовъ общины каждый владѣль своимъ участкомъ какъ потомственной собственностью. Это несомнѣнно относительно отдѣльныхъ отъ общинной земли участковъ, коими владѣли крестьяне черносошныхъ волостей въ поморскихъ уѣздахъ и въ древнихъ Новгородскихъ земляхъ; но относительно посадовъ и волостей средней Россіи я полагаю, сколько мнѣ извѣстны источники, что не только нельзя этого утверждать, но даже слѣдуетъ прежде рѣшить вопросъ: имѣли ли члены такихъ общинъ при маломъ количествѣ земли, которою могли пользоваться по причинѣ довольно значительнаго уже народонаселенія въ этихъ мѣстахъ въ XVII вѣкѣ, и при дѣлавшейся постоянно раздачѣ земли помѣщикамъ, имѣли ли они, говорю я, еще отдѣльные участки сверхъ общественныхъ земель, состоявшихъ въ пашняхъ, лугахъ и выгонахъ, о коихъ мы знаемъ достовѣрно, какъ о существовавшихъ въ общемъ владѣніи, хотя г. Чичеринъ на стр. 522 голословно это отрицаетъ. Точно также не рѣшимся мы вмѣстѣ съ авторомъ утверждать будто бы несправедливо принятое у насъ многими изслѣдователями положеніе, что общинное владѣніе земель и ихъ передѣлъ суть древнія учрежденія, вытекающія изъ духа Славянскаго племени. Г. Чичеринъ считаетъ передѣлъ земель прямымъ послѣдствіемъ вотчиннаго права и подушной подати, и въ извѣстной степени это вѣрно; но между тѣмъ какъ быть съ источниками, которые представляютъ примѣры существовавшаго у насъ дѣлежа общественныхъ земель между всѣми членами городской и сельской общины, а съ другой стороны весьма обыкновеннаго раздѣла даже каждаго отдѣльнаго участка, который принадлежалъ нѣсколькимъ лицамъ вмѣстѣ? ²³⁾ — На стр. 524 авторъ говоритъ, что въ древней Россіи не дѣлалось строгаго различія между землями общинными, черными и казенными. Скажемъ откровенно, что мы не совсѣмъ понимаемъ мысль автора въ этихъ

словахъ, ибо тяглая земля, принадлежавшая посадамъ и чернососнымъ волостямъ, была въ одно и тоже время и черная и казенная и общинная. Исключеніе составляли только тѣ земли, которыя, приписываясь къ волостямъ, не состояли однако въ общинномъ владѣніи ея членомъ, и потому самому онѣ носили особенное названіе *оброчныхъ* и не считались ни черными, ни общественными. На стр. 528 г. Чичеринъ утверждаетъ, что въ числѣ общинныхъ дѣлъ въ древней Россіи не было ни мирскихъ приговоровъ объ отдачѣ земель, ни рѣшеній общинъ о принятіи новыхъ членомъ, ни даже различія между казенными и общинными землями. Что касается до мирскихъ приговоровъ, то именно приговоры объ отдачѣ земель и о принятіи въ общины новыхъ членомъ встрѣчаются въ числѣ другихъ источниковъ, относящихся къ поморскимъ уѣздамъ²⁴); о томъ же что казенная земля въ значеніи оброчной отличалась отъ общинной, уже сказано выше. На стр. 557 авторъ замѣчаетъ о земскихъ судейкахъ, что они вѣроятно составляли родъ добровольнаго третейскаго суда для распрій черныхъ крестьянъ между собою, но что всякій могъ всегда жаловаться на противника воеводѣ, который въ такомъ случаѣ судилъ тяжущихся въ первой инстанціи. Мы можемъ противъ этого возразить, имѣя въ виду нѣсколько судныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ земскими судейками, изъ коихъ видно, что даже жалобы, подававшіяся въ Приказы лицами, подчиненными судейкамъ, изъ Приказовъ были обращаемы къ нимъ для обсужденія ими, какъ первой инстанціей²⁵). На стр. 564 насъ поражаетъ слѣдующее вѣрное замѣчаніе, приведенное послѣ указанія на то, что въ средней Россіи въ XVII вѣкѣ черныя волости смѣшивались съ дворцовыми. «Уѣзды поморскихъ городовъ, говоритъ г. Чичеринъ, составляли особенное явленіе въ Московскомъ государствѣ, и общины ихъ, какъ свободныя, уравнивались въ учрежденіяхъ не съ прочими селами, а съ городами». Но если это такъ, то не слѣдовало особенноти, замѣчаемыя въ этихъ общинахъ относительно владѣнія членомъ участками въ потомственную собственность распростра-

нить на всѣ общины посадскія и волостныя въ древней Россіи вообще, а также судныя права, принадлежавшія по преимуществу поморскимъ жителямъ, возводить въ общее учрежденіе и приписывать его Іоанну Грозному, послѣ котораго оно будто бы потеряло свое государственное значеніе. Наконецъ мы замѣтимъ только вообще, что авторъ, какъ намъ кажется, приписываетъ слишкомъ важное значеніе указу 1681 года о введеніи новой стрѣлцкой подати, говоря сверхъ того, что въ замѣнъ ея владѣльческіе крестьяне были обложены ямскими и полонянничными деньгами: для того, чтобы сдѣлать такое рѣшительное заключеніе необходимо предварительно рассмотреть отношеніе сбора стрѣлцкаго хлѣба, который продолжался и послѣ означеннаго указа, къ сбору стрѣлцкихъ денегъ.

За изслѣдованіемъ объ областныхъ учрежденіяхъ г. Чичеринъ предлагаетъ въ своей книгѣ заключеніе, гдѣ въ общемъ живомъ очеркѣ выставляетъ различные выводы, сдѣланные имъ въ предыдущихъ разысканіяхъ. Но среди вѣрныхъ и остроумныхъ замѣчаній проглядываетъ всюду мрачный отгѣнокъ, приданный древнему быту Россіи совершеннымъ отрицаніемъ въ немъ юридическихъ понятій, которыми бы опредѣлялись и разграничивались права и обязанности лицъ, и рѣшительнымъ приговоромъ о полной неопредѣленности, представляемой нашей древней администраціей. Какъ ни утѣшительно знать и вѣрить вмѣстѣ съ авторомъ, что Петръ Великій, прививъ такъ сказать нашимъ предкамъ юридическія начала Европейскихъ государствъ, призвалъ ихъ къ новой общественной жизни, съ которою мы уже сроднились и которая предвѣщаетъ въ будущемъ еще болѣе обильныя послѣдствія; но тѣмъ не менѣе и по прочтеніи книги г. Чичерина мы остаемся въ искреннемъ убѣжденіи, что изъ огромной массы разсмотрѣнныхъ имъ фактовъ могли бы быть выведены по крайней мѣрѣ нѣкоторые положительные результаты, которые принесли бы у насъ свою пользу не только наукѣ, но и самой практикѣ.

Изъ предложеннаго нами разбора сочиненія г. Чичерина, представленнаго на Демидовскую премію, мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать слѣдующее заключеніе: Полной преміи не можетъ быть назначено по слѣдующимъ причинамъ: 1) Историческая часть, служащая введеніемъ, представляетъ лишь поверхностную разработку фактовъ, что, по моему мнѣнію, имѣло вліяніе на нѣкоторые недостатки, встрѣчающіеся въ догматической части изслѣдованія; 2) Богатые матеріалы, предлагаемые въ этой главной части сочиненія, связаны между собою слишкомъ общими началами, почему какъ областнымъ учрежденіямъ древней Россіи, такъ и вообще ея быту приписана слишкомъ значительная неопредѣленность; 3) Есть пропуски, которые бы слѣдовало включить въ сочиненіе для совершенной его полноты. *Преміи же второстепенной или поощрительной авторъ заслуживаетъ вполнѣ* 1) по ученымъ критическимъ пріемамъ, которыми отличается дѣлаемый имъ разборъ древнихъ учреждений Россіи, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что остроумные взгляды, сближенія нашихъ учреждений съ современными западными и наконецъ живое изложеніе придаютъ книгѣ интересъ, какой представляютъ лишь весьма немногія юридическія сочиненія; 2) по замѣчательному трудолюбію и добросовѣстности, съ какими рассмотрѣны источники, принятыя авторомъ въ основаніе его изслѣдованій, и наконецъ 3) по огромной пользѣ, принесенной имъ наукаѣ возбужденіемъ какъ этимъ изслѣдованіемъ, такъ и другими, уже изданными, многихъ вопросовъ и мыслей, относящихся къ Исторіи Русскаго законодательства, которые не только имѣютъ важность сами по себѣ, но и практическое значеніе. Въ этомъ отношеніи сочиненіе г. Чичерина заслужило всеобщее сочувствіе ученыхъ и публики и подало поводъ къ замѣчательнымъ на него рецензіямъ Кавелина, Соловьева, Бѣляева, Крылова и другихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что оно послужитъ еще поводомъ къ цѣлымъ отдѣльнымъ изслѣдованіямъ о предметахъ, на которые было *впервые* обращено вниманіе г. Чичеринимъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. — До насъ дошло весьма немного правыхъ грамотъ и судныхъ дѣлъ, которыя могутъ свидѣтельствовать о порядкѣ производства суда, существовавшего въ Удѣльный періодъ; но ими достаточно подтверждается сказанное нами касательно кормленщиковъ, какъ органовъ судебныхъ. Изъ принадлежащихъ сюда актовъ одни знакомятъ насъ съ формами суда, произведеннаго непосредственно отъ начала до конца самими князьями или верховнымъ правительствомъ: таковы три грамоты Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича (княжившаго здѣсь съ 1432 по 1485 г.), напечатанныя въ Архивѣ истор.-юрид. свѣдѣній о Россіи (кн. 2, полов. 1, отд. VI, стр. 130 и 131) и въ Актахъ юрид. подъ № 1; одна грамота, 1483 г., Псковскаго намѣстника, князя Ярослава Васильевича, съ Псковскими посадниками и сотскими (Акт. юрид. № 2) и одна самого В. Князя Іоанна Вас. III, относящаяся къ первому или второму году вступленія его на престолъ (Акты юрид. быта древн. Россіи т. I, № 52, I). Другіе суды произведены были непосредственно отъ начала до конца лицами, которымъ это особенно было поручено «по слову» или «по грамотѣ» В. Князя: образчикъ такого суда представляетъ судъ Ивана Харламова по жалобѣ о пахотныхъ земляхъ и пустошахъ Симонова монастыря (Акт. юрид. быта древн. Россіи т. I, № 52, II). Наконецъ большая часть судныхъ дѣлъ, сюда принадлежащихъ, состоятъ собственно изъ двухъ производствъ — предварительнаго или собранія данныхъ для суда, и самого суда или рѣшенія, изъ коихъ послѣднее произведено на основаніи перваго, представленнаго высшему суду въ видѣ доклада: таковы на прим. двѣ правыя грамоты, относящіяся къ княженію въ Костромѣ Іоанна Іоанновича, сына Іоанна III, и

судное дѣло по тяжбѣ о пустоши Бортеневской (Акт. юрид. № 4 и Акты юрид. быта древн. Росс. № 52, III и 103). Последнее дѣло представляетъ любопытный примѣръ избранія, сдѣланнаго судьями тяжущихся сторонъ — дворецкимъ митрополичьимъ и судьей Князя Андрея Васильевича — третейскимъ судьей В. Князя Иоанна Васильевича; за тѣмъ они довольствуются однимъ разбирательствомъ дѣла, а судъ и приговоръ дѣлаетъ В. Князь. До насъ дошли также докладные или судные списки частію въ правыхъ грамотахъ, частію отдѣльно, какъ акты самостоятельныя: таковъ наприм. одинъ XV вѣка, напечатанный въ Архивѣ истор.-юрид. (кн. 2, полов. 1, отд. VI, стр. 129). — Сравнивая порядокъ и основанія какъ разбирательства тяжбныхъ дѣлъ, такъ доклада и приговора, какіе находимъ въ этихъ актахъ, съ тѣмъ, что представляютъ намъ правыя грамоты и судныя дѣла позднѣйшаго времени, мы приходимъ къ заключенію, что юридическія начала и формы судопроизводства въ тѣхъ и другихъ одни и тѣже. Но какъ они согласны съ постановленіями о томъ же обонхъ Судебниковъ, то отсюда слѣдуетъ, что сказанное еще въ первомъ Судебникѣ (1497 года) о докладахъ по суднымъ дѣламъ не есть нововведеніе, а только подтвержденіе того, что прежде имѣло силу на практикѣ. А въ этомъ памятникѣ, въ отношеніи къ суду, кормленщики — бояре и дѣти боярскіе — раздѣляются на два разряда: одни изъ нихъ суть намѣстники и волостели *съ судомъ боярскимъ*; другіе же намѣстники и волостели «которые держатъ кормленіе безъ боярскаго суда.» Первымъ принадлежитъ судъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. съ правомъ приговора какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ; отъ нихъ же исключительно зависитъ выдача грамотъ правыхъ, бѣглыхъ и отпускныхъ, и наказаніе преступниковъ. Вторые напротивъ того, равно какъ и тѣны тѣхъ намѣстниковъ и волостелей, которые пользовались правомъ боярскаго суда, не могли *безъ доклада* высшему судѣ или безъ его приказанія ни выдавать кому либо грамотъ правыхъ, бѣглыхъ и отпускныхъ, ни освобождать или наказывать подсудимыхъ по дѣламъ уголовнымъ. Слѣдоват. за ними оставалось право первоначальнаго производства или разбора дѣла. На представленномъ имъ судномъ спискѣ или докладѣ (какъ сказано въ Судебникѣ 1497 г.) дьякъ боярина или другаго лица, который произносилъ приговоръ, подписывалъ этотъ послѣдній, а самъ бояринъ прикладывалъ къ нему свою печать и приказывалъ написать правую грамоту. Хотя въ Су-

дебникѣ и не упоминается о томъ, чтобы кормленщикамъ съ боярскимъ судомъ извѣстнаго города или волости были подчинены кормленщики безъ боярскаго суда того же присуда или округа, такъ точно какъ имъ были подчинены ихъ тѣны; но это можно предполагать, основываясь на томъ, что истцы и отвѣтчики одного города или волости, по Судебнику же, должны были судиться намѣстникомъ того же города или волостелемъ той же волости. Кромѣ того, имѣя въ виду съ одной стороны начало мѣстничества, которымъ были проникнуты всѣ отношенія въ древней Руси, а съ другой поземельную связь, соединявшую у насъ издревле города и селенія извѣстной мѣстности въ одно цѣлое, должно съ достовѣрностью заключить, что намѣстникамъ и волостелямъ съ боярскимъ судомъ были подчинены именно тѣ кормленщики (безъ боярскаго суда), которые завѣдывали городами и селеніями въ предѣлахъ округа, гдѣ городъ или волость, порученные намѣстнику или волостелю съ означеннымъ судомъ, были главнымъ центромъ мѣстнаго управленія. Подтверженіемъ такому заключенію служатъ также, по нашему мнѣнію, грамоты, напечатанныя подъ годами 1425, 1426, 1499, 1511—33, 1555 и 1584 г. въ Акт. Истор. т. I № 110, въ Доп. къ акт. истор. т. I № 215, и въ Акт. юрид. № 161. Въ нихъ говорится о намѣстникахъ и волостеляхъ, имѣвшихъ кормленіе, одни съ *правдою*, другіе безъ *правды*, изъ коихъ притомъ одни состояли *подъ* другими такими же намѣстниками и волостелями; въ нихъ же встрѣчаемъ указаніе тому, что и намѣстникъ или волостель «съ правдой» могъ находиться *подъ* другимъ. Что означаетъ здѣсь правда? Очевидно не судъ вообще, ибо изъ приведенныхъ грамотъ видно, что онъ предоставлялся и тому, кто получалъ кормленіе безъ правды. Слѣдоват. она значитъ судебный приговоръ или же только право кормленщика брать въ свою пользу судебныя пошлины — указаніе во всякомъ случаѣ важное. Съ своей стороны кормленщики съ боярскимъ судомъ, завися отъ Князя, поручившаго имъ судъ, могли дѣлать ему докладъ какъ въ томъ случаѣ, если почему либо не рѣшались сами произнести приговоръ, или если имъ было поручено Княземъ (словесно или грамотой) сдѣлать по извѣстной тяжбѣ докладъ ему самому, такъ и въ томъ, когда подавалась ему на нихъ жалоба по дѣлу, ими разсмотрѣнному. Касательно докладнаго списка, представлявшагося В. Князю и его дѣтямъ, есть особая статья въ обихъ Судебникахъ; примѣровъ же перехода судебныхъ дѣлъ чрезъ

вторую инстанцію на рѣшеніе верховной власти мы имѣемъ довольно: древнѣйшіе изъ извѣстныхъ намъ суть правая грамота 1485—1505, напечатанная въ Акт. юрид. подъ № 3, и два судебныхъ списка 1501 года, помѣщенные въ Историч. Сборникъ Московск. Общ. Ист. и древн. т. V стр. 11—18. Два послѣдніе акта представляютъ ту особенность, что тяжбы, разсмотрѣнныя въ первой инстанціи тиунами Галичскихъ намѣстниковъ, были представлены къ докладу доводчиками этихъ тиуновъ не самимъ намѣстникамъ, отъ коихъ послѣдніе зависѣли, а человѣку старѣйшему— боярину Дмитрію Васильевичу, который самъ сдѣлалъ опять докладъ В. Князю. Основаніемъ рѣшенія этихъ дѣлъ помимо Галичскихъ намѣстниковъ, служили, какъ кажется, жалованныя грамоты, предъявленныя тяжущимися, въ которыхъ сказано, что владѣльцы спорной земли подлежатъ лишь суду В. Князя или боярина введеннаго. Все это доказываетъ, что докладъ не только не дѣлался произвольно, а напротивъ того въ большей части случаевъ былъ обязанностію судей низшей инстанціи, которые притомъ очень хорошо знали кому имъ слѣдовало дѣлать такой докладъ.

2.— Предоставленіе съ древнѣйшаго времени права гражданскаго суда монастырскимъ властямъ и вообще духовенству надъ лицами, поселенными на его землѣ, доказывается такимъ множествомъ актовъ, что нельзя не признать этого права за правило и напротивъ того за исключеніе тѣ немногія указанія, какія встрѣчаются въ памятникахъ Удѣльнаго періода о запрещеніи духовенству судить въ своихъ вотчинахъ гражданскія дѣла. Изъ актовъ послѣдняго рода можно даже заключить, что такое запрещеніе основывалось на какихъ либо особенныхъ обстоятельствахъ. Такъ наприм. въ грамотахъ Василія Вас. (1455—1462), напечатанныхъ въ Акт. Ист. т. I № 58 и въ Акт. юрид. быта древн. Рос. т. I № 31, XIII, сказано, что В. Князь «велелъ было намѣстникамъ и волостелямъ Галичскимъ и волостелю Радонежскому судить въ селахъ и деревняхъ Троицкаго монастыря, но опять возвращаетъ духовенству право суда, и приказываетъ игумну *судить своимъ людей по старымъ своимъ грамотамъ.*» Но и въ отношеніи къ лицамъ свѣтскаго званія слѣдуетъ признать тоже самое правило, ибо во всѣхъ дошедшихъ до насъ грамотахъ XV и XVI вѣка, жалованныхъ свѣтскимъ владѣльцамъ на вотчинныя, помѣстныя и даже оброчныя земли, имъ предоставляется право гражданскаго, а иногда и уголовного суда надъ поселенными на ихъ землѣ. Таковы:

именно грамоты, напечатанныя въ разныхъ изданіяхъ подъ годами: 1362 — 1389, 1446, 1449, 1450, 1455, 1462 — 72, 1481, 1486, 1487, 1488, 1505, 1509, 1516, 1517, 1524, 1544, 1546, 1547, 1556 (см. Акт. Экспед. т. I №№ 44, 46, 120, 141, 149, 163, 215, 245, 371, 374, 379, 385, Акт. Истор. т. I, №№ 115, 180, Доп. къ акт. истор. т. I №№ 9, 36, Акт. юрид. быта Рос. т. I №№ 30, III, 31, XX, 44, I, Истор. Сборн. Моск. Общ. Ист. и др. т. V стр. 10—11 и 15—16). Даже духовенство раздавало своимъ подчиненнымъ и другимъ лицамъ помѣстья и иныя земли съ правомъ въ нихъ гражданскаго суда, какъ видно изъ документовъ, помѣщенныхъ въ Акт. Ист. т. I №№ 183, 186, 190, 196, и въ Акт. юрид. быта Рос. т. I № 44, II и III. Что наконецъ вообще это право разумѣлось само собою и въ отношеніи къ духовенству и въ отношеніи къ свѣтскимъ владѣльцамъ несомнѣнно изъ того, что въ дошедшихъ до насъ послушныхъ или ввозныхъ грамотахъ крестьянамъ обыкновенно не упоминается о томъ, что они должны подлежать суду своихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ; между тѣмъ, на основаніи актовъ же, мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, извѣстныхъ намъ изъ такихъ ввозныхъ грамотъ, владѣльцы, духовные и свѣтскіе, именно пользовались надъ жителями правомъ гражданскаго суда. См. Акты Эксп. т. I № 45 и Акт. Ист. т. I №№ 180, I и II, и 182.

3. — Въ подтвержденіе того, что доходы кормленщиковъ съ разныхъ статей, которыя отдавались въ ихъ завѣдываніе, въ томъ числѣ и доходы съ суда, служили имъ замѣною или пополненіемъ жалованья, помѣстнаго и денежнаго, и что притомъ эти доходы не были вовсе неограниченны, а напротивъ записывались въ заведенныя для того книги, я прежде всего обращаю вниманіе читателей на такъ называемую: «Боярскую книгу, 1556 года», хранящуюся въ Моск. Главн. Архивѣ Минист. Ин. Д. подъ № 1. Не смотря на то, что находящіяся здѣсь данныя относятся къ XVI вѣку, я думаю, что они могутъ свидѣтельствовать о такомъ же значеніи кормленій, извѣстныхъ изъ памятниковъ XIII — XV вѣка, тѣмъ болѣе, что соединенные съ нѣкоторыми изъ нихъ доходы служивыхъ людей изчислены довольно опредѣлительно и въ этихъ послѣднихъ. На основаніи Боярской книги всѣ бояре и боярскіе дѣти дѣлились на статьи, изъ коихъ впрочемъ извѣстій о первыхъ десяти въ рукописи недостаетъ, а послѣдняя есть 25-я. Соразиѣрно статьѣ, въ которой былъ кто либо записанъ, денежный

окладъ жалованья былъ различный, начиная отъ 50 рублей (по 11-й статьѣ) до 6 рублей (по 25 статьѣ). За дослѣхи, въ которыхъ бояре представляли своихъ людей, назначавшихся съ каждаго по количеству его земли, помѣстной и вотчинной, имъ выдавалось также жалованье; за недоставленіе же какихъ либо изъ дослѣховъ, изъ жалованья вычиталось по расчету. Но самое важное для нашей цѣли въ разсматриваемой рукописи — это изчисленіе различныхъ кормленій, упоминаемыхъ какъ дополненіе къ денежнымъ и поземельнымъ окладамъ и указаніе на денежные пособія, какія, сверхъ жалованья, получали тѣ, которые почему либо въ теченіи извѣстнаго времени не пользовались кормленіями. Встрѣчающіеся въ рукописи виды кормленій суть: *наместничество* и *волостальство*, *тѣмство*, *мѣль* (Тверской, Костромской, Коломенскій, Дмитровскій, Калужскій), *иссчал* (пошлина), *полазочное*, *поворотное*, *мытъ*, *мостовое*, *права*, *чашничъ пути*, *столица пути*, *пятно*, *исельничее*, *бразское*, *бобровое*. При многихъ изъ этихъ кормленій упомянуто сколько они кормленщикамъ приносили дохода. Напримѣръ: «Курдюкъ Федоровъ сынъ Сумина ималъ съ Балахны по 26 рублей на годъ»; «Недобъ Тимоѣевъ сынъ Зачесломского наѣхалъ былъ на Кусь и на Немду на ... 63 (годъ), и Кусь и Немда того же году съ Бааговѣцъ дни отдана въ откупъ, а откупу съ той волости того году Петровского сроку дано ему 72 рубл. съ полтиною, а впередъ ему откуну давати не велѣно»; «Постынкъ Семенъ сынъ Соловцовъ ималъ съ чашнича пути по 18 руб.»; «Чюдинъ Лобановъ сынъ Пелепелицынъ — по списку къ кормленному верстанью данъ былъ ему Кодегорской станъ...»; «Григорей Ивановъ сынъ Заболотцкаго Древаннъ ималъ съ села съ Высокого по 18 руб. и по 30 алт. на годъ»; «Русинъ Доронинъ сынъ Кочуровъ наѣхалъ былъ на половину Нерехты на Николинъ день вешней 63 (году), и съ Семена дни 64 Нерехта дана въ откупъ, а пошлины съ Нерехты и кормовые дехи съ бѣлыхъ сохъ взялъ на весь годъ,» и проч. Укажемъ и на примѣры неимѣвшихъ кормленья и получившихъ за то *подмогу* для службы. О Никитѣ Семеновѣ Вельяминовѣ сказано, что *кормленъ за нимъ не сыскано*, но что въ 64 году ему дано на *подмогу* для Казанской службы 16 рубл. 22 алт. съ денгою; другому — Ивану Назарьеву Хлопову «по докладу бояръ Ивана Вас. Шереметева съ товарищи по памяти съ приписью дьяка Богдана Логинова велѣно давати за кормленъ по 15 рубл.; Борисъ Ивановъ Ша-

стинскаго— дано было ему на Костромѣ полавочное, и онъ не бралъ, а 64-го году *данъ ему на подмозу для Казанской службы* 11 руб. 22 алт. съ денгою. Наконецъ любопытно, что многія статьи кормленья отдаваемы были *на откупъ*, почему онѣ поручались въ заведываніе кормленщику когда не были въ откупномъ содержаніи; иногда же и откупная сумма отдавалась самимъ кормленщикамъ. Все это показываетъ, что доходъ по каждой статьѣ кормленья былъ хорошо извѣстенъ и Правительству и мѣстнымъ жителямъ. Подтверженіемъ тому, что эта опредѣлительность имѣла мѣсто и въ древнѣйшее время могутъ служить, кромѣ Русской Правды и уставныхъ грамотъ, гдѣ изчисляются судныя пошлины, слѣдующія мѣста въ разныхъ актахъ. Въ посланіи къ Можайскому Князю Андрею Дмитріевичу, 1408 — 1409 (Акт. истор. I, № 16) Бѣлозерскій игуменъ Кириллъ совѣтуетъ ему смотрѣть, чтобы *судьи посуловъ не имали, довольны бы были уроки своимъ*. Въ послушныхъ грамотахъ жителямъ волости Лузы и городовъ Елатмы и Кадомы, отданныхъ въ кормленіе; 1425 — 26 г., Ивану Протасьеву и сыну его (Акт. юрид. № 161, I) говорится: «И вы всѣ люди... чтите ихъ и слушайте, а они васъ вѣдаютъ и судити и ходити велятъ^у васъ тиномъ своимъ, а дохода имать по наказному стику.» Въ откупной грамотѣ на Обонѣжскій суздъ, первой половины XV вѣка (Акт. Эксп. I, № 27) откупщики обязываются *«судъ судити и пошлины имати по старинѣ»*. Въ жалован. грамотѣ на Владимірѣ пану Судямонту, данной около 1499 г., ему вѣняется въ обязанность *судити по старой пошлинѣ, какъ было пржеж сего*. Въ Судебникѣ Іоанна Грознаго уже ясно говорится о *книгахъ, заведенныхъ для записки доходовъ съ кормленья* (ст. 26). Въ грамотѣ 1555 авг. 4, по случаю назначенія Федору Крюкову въ кормленіе *вселыничью* въ Новгородѣ, ему предписывается дать *доходной списокъ съ князь, почему ему кормъ и вслкіе пошлины собирать*, также какъ получали прежніе вселыничіе. Тоже самое сказано въ грамотѣ 1566 г. о ямской пошлинѣ въ Новгородѣ, данной въ кормленіе Матвѣю Хлуденеву (Доп. къ акт. ист. т. I № № 53 и 105). Для образца такихъ грамотъ я приведу здѣсь въ подлинникѣ одну, сообщенную мнѣ Курмышскимъ помѣщикомъ В. В. Бобоѣдовымъ, 1850 г. дек. 26: «Се язъ Царь и В. Князь Иванъ Вас. всеа Русіи пожаловалъ есми Якуша Онтонова сына Бобоѣдова да Гаврилка Яковлева сына Бобоѣдова *полавочнымъ* въ Дмитровѣ. А брати имъ то полавочное лѣто 7000 пятде-

сать седмой годъ да пятьдесятъ осмой годъ потомужь, какъ то полавочное брали прежніе пошлинники. Писанъ на Москвѣ, гѣта 7050 девятого декабря 26 день.» — На счетъ отдачи суда въ откупъ или оброчное содержаніе какъ постороннимъ лицамъ, такъ и самимъ жителямъ извѣстнаго мѣста мы имѣемъ много указаній въ источникахъ, изъ коихъ приведемъ здѣсь наиболѣе ясныя и опредѣленныя. Въ грамотѣ 1434—1447 г. Кн. Дмитрій Юрьевичъ приказываетъ жителямъ Угличскихъ селъ и деревень Троицкаго Сергіева монастыря, въ замѣнъ разныхъ доходовъ княжескихъ, платить ему *оброкъ* «на всяко годъ на Рожество Христово по три рубли (Акт. юрид. быта древн. Рос. I, № 31, IV).» Въ грамотахъ В. К. Василія Вас., 1455—62 г., приведенныхъ выше въ примѣч. 2, въ замѣнъ суда, предоставленнаго Троицкому игумену, въ пользу намѣстниковъ и волостелей, лишенныхъ этого суда, назначены опредѣленные *кормы* отъ жителей. Въ жалован. грамотѣ, 1468 февр. 5, Бѣлозерскаго Князя Михаила Андреев. мы находимъ любопытное указаніе на значеніе *слободъ*, какъ мѣстъ, освобожденныхъ за *оброкъ*, платившійся Князю, отъ данн и другихъ княжескихъ доходовъ въ пользу лицъ, коими слободы были созданы, устроены и управлялись. На этомъ основаніи извѣстны были не только слободы монастырскія и вообще принадлежавшія духовенству, и помѣщичьи или вотчинныхъ владѣльцевъ, но и *княжескія*, въ которыхъ *слободчикъ*, обыкновенно избираемый самими жителями изъ своей среды, въ отношеніи суда заступалъ мѣсто намѣстника или волостеля, съ участіемъ однако на судѣ выборныхъ людей изъ среды же слободскихъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о слободахъ съ ихъ слободчиками можно найти въ уставныхъ грамотахъ 1530, 1540, 1546, и пр. (см. Акт. Ист. I, № 295, Доп. къ акт. ист. I, 26, 201 и 210, Акт. Эксп. I № 196 (II), 210, 324, 350). Въ 1552 г. марта 21 отставленъ былъ Важскій намѣстникъ съ его тіуномъ и пошлинными людьми, а жителямъ, освобожденнымъ отъ ихъ суда, «за намѣстничъ и за тіуновъ кормы и за *присудъ*, и за корчмы, и за пятно, и за праветчиковъ и за доводчиковъ поборъ...» велѣно давать въ казну «полторы тысячи рублевъ на годъ.» Въ 1555 г. авг. 15 Переславскіе рыболовы получили привиллегію платить въ казну *оброкъ* «за волостелинны доходы столнича пути, и за *присудъ*, и за всѣхъ волостелинныхъ пошлинныхъ людей пошлинны, овричь мыта сухаго, денгами по 27 руб. и по 20 алт. и по 5 денегъ да пошлинъ съ того оброку

съ рубля по два алтына.» Въ 1556 г. въ сент. Двинскимъ на-мѣстникамъ и ихъ тиунамъ запрещено было Двинянь судить и брать съ нихъ кормы и другіе доходы; въ замѣнъ того послѣдніе были пооброочены: имъ велѣно давать «съ сохи по 20 руб. въ Московское число да пошлинъ по два алт. съ рубля, oprичъ ямскихъ денегъ,» и проч. (Акт. Эксп. т. I. №№ 234, 242, 250). Въ смѣт-номъ отчетѣ Новгородскимъ доходамъ (ркпсь въ Моск. Гл. Архивѣ М. И. Д. Новгородскихъ книгъ № 13) 1621 года означено, что съ рядковъ Мшаги и Ужина въ числѣ оброчныхъ денегъ взяты были деньги и *за присудъ*. Въ грамотѣ 1624 г. апр. 30, впоследствии подтвержденной Царемъ Ѳеодоромъ Алекс., данной Муромскимъ взовщикамъ Дубровскаго стана въ деревняхъ Трофимовѣ, Евановѣ и Велетѣ, по примѣру прежнихъ грамотъ, имъ представлено право собственнаго суда, а «за дань и за ямскіе денги и за пососную службу...» они должны были *сидѣть* на Царскихъ вѣзахъ на рѣкахъ Окѣ и Ушнѣ и участвовать въ рыбной ловлѣ на Царскій обиходъ. Въ выписи, 1678 г. мая, съ писцовыхъ и межевыхъ книгъ 1675 и 76 годовъ «Переславскаго уѣзда старой Александровой дворцовой слободы», выданной старостѣ съ крестьянами этой слободы, съ нихъ положено денежныхъ доходовъ «за пососной кормъ 7 алт. съ полуденгою, за мелкой доходъ 3 руб. 5 алт. полчетверты денги... за постелничъ доходъ рубль 30 алт. да пошлинъ дворецкого и дьячыхъ 10 алт. 4 де., за прикащиковъ доходъ 2 руб. 3 алт. полпяты ден.,» и проч. (см. ркпси Архива Московской Дворцовой Конторы подъ №№ 113 и 118). Въ принадлежащей имъ выписи изъ писцовой книги Устюжскаго уѣзда, 1686 г. генв. 12, говорится, что въ Митрополичьемъ Устюжскомъ стану получается «Государева *оброку* съ вытей и за *на-мѣсничъ* доходъ 55 руб. 4 алт. 5 денегъ... да пошлинъ съ того оброку съ рубля по 2 алт.» Но ни въ одномъ изъ извѣстныхъ актовъ не упоминается, чтобы кто либо вносомъ оброка освобождался отъ пошлинъ за судъ самого В. Князя или Царя, опредѣленныхъ съ точностію въ обонхъ Судебникахъ и взямавшихся въ XVII вѣкѣ въ Приказахъ.

4.—На доклады судныхъ дѣлъ Князьямъ и высшимъ сановникамъ въ Удѣльный Періодъ указано выше въ примѣч. 1. Въ актахъ, приведенныхъ въ этомъ примѣчаніи, можно также видѣть какъ формы, которыя соблюдались при такихъ докладахъ, такъ и вообще порядокъ производства судныхъ дѣлъ въ высшихъ ин-

станціяхъ. Здѣсь же мы постараемся подтвердить тѣсную связь, существующую, по нашему мнѣнію, между докладами и участіемъ въ судахъ такъ называемыхъ *судныхъ мужей*. Обычный вопросъ, дѣлаемый при докладахъ тяжущимся со стороны Князя или высшаго судьи, который мы находимъ во всѣхъ правыхъ грамотахъ и судныхъ дѣлахъ, начиная съ древнѣйшихъ: «быль ли вамъ таковъ судъ, какъ писано въ семъ опискѣ», предполагаетъ, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, возможность повѣрки. Такая повѣрка производилась чрезъ допросъ судныхъ мужей и разсмотрѣніе списковъ, которые оставались въ ихъ рукахъ. Вотъ почему судные мужи записывались всегда поименно въ судныхъ спискахъ. Указанія на нихъ какъ на *правду* встрѣчаются не только въ Судебникахъ, но и въ дѣлахъ судныхъ. Такъ въ одномъ изъ дѣлъ 1501 г., напечатанныхъ въ Сборникѣ Моск. Общ. исторіи и древн. 1842 г., кн. V, мы читаемъ, что отвѣтчикъ сказалъ: «судъ былъ не таковъ,» и *послался съ судьями по списку на судные мужи*, и впоследствии это обстоятельство послужило къ его обвиненію, такъ какъ онъ списокъ *оболожился*. Замѣтимъ еще двѣ уставныя грамоты, одну 1530 г. (Доп. къ акт. ист. I № 26), другую 1544 (Акт. Эксп. I № 201), въ которыхъ говорится, что судные списки къ докладу слѣдуетъ посылать по нѣскольку вмѣстѣ, на судъ же должны быть старосты и лутчіе люди. Точно такъ и въ Судебникѣ 1550 г. (ст. 69) эти послѣдніе называются *судными мужами* и имѣютъ тоже значеніе, какъ и въ предыдущихъ актахъ.

5. — Выищемъ, для примѣра, нѣсколько мѣстъ изъ боярской книги, упомянутой въ примѣч. 3: «Князь Петръ князь Борисовъ сынъ Пожарсково — дана была ему Соль большая, и онъ не *наважисалъ*»; «Князь Данило князь Федоровъ сынъ Засѣкинъ Сандыревского — дана была ему половина Нерехты, и онъ не *наважисалъ*»; «Тулупъ Левонтьевъ сынъ Лаптевъ — дана была ему Виладъ ождати, и онъ не *наважисалъ*»; «Ондрію Губину данъ былъ Орловъ на Вяткѣ, а *наѣхати* было ему 62-го (года), и онъ о *наваздѣ* не былъ *челомъ*.» Тоже самое случалось съ другими статьями кормленій: кормленщики отказывались отъ *мѣха, полавочинаго, бражнаго*, и проч.

6. — На присутствіе судныхъ мужей въ судахъ кормленщиковъ, обязанныхъ докладывать разсмотрѣнное и подготовленное ими къ рѣшенію дѣло, мы имѣемъ ясныя указанія не только въ правыхъ грамотахъ и судныхъ дѣлахъ XV и XVI вѣка, но и въ

уставныхъ грамотахъ начала XVI вѣка, изданныхъ Великими и Удѣльными Князьями (см. для примѣра жалов. грам. въ Акт. Эксп. I № 201. Ср. тамъ же № № 142, 143 и 150). Сопоставляя эти данныя съ сказаннымъ нами о судныхъ мужахъ въ примѣч. 4, мы полагаемъ, что постановленное о нихъ въ Бѣлозерской грамотѣ и Судебникахъ есть только утверженіе того, что по существовавшему прежде порядку должно было вездѣ соблюдаться, но часто не соблюдалось въ слѣдствіе злоупотребленій намѣстниковъ, волостелей и другихъ кормленщиковъ. Ср. Акт. Эксп. I № 196, II.

7. — Мы не знаемъ акты ранѣе XVI вѣка, которыми я могъ бы подтвердить это положеніе; но думаю, что если оно несомнѣнно для общинъ, имѣвшихъ право собственнаго суда какъ въ XVI, такъ и въ XVII вѣкѣ, то должно быть принято и для древнѣйшаго времени, особенно въ примѣненіи къ такъ называемымъ Княжескимъ слободамъ. См. выше примѣч. 3. Изъ актовъ XVI вѣка сюда относятся на прим. уставныя грамоты В. Князей Василія Іоаннов., Іоанна IV и Удѣльнаго Князя Владимира Андр. (напечатаны въ Дополн. къ акт. вст. I № 26 и въ Акт. Эксп. I № № 234, 242, 243, 250, 257). Что касается до матеріаловъ XVII вѣка, то изъ нихъ я приведу здѣсь одно судное дѣло 1635 г., окончательное рѣшенное земскимъ судьейкою Ужгинской волости, и одинъ приговоръ 1671 г., сдѣланный земскимъ судьейкою Лосемской волости, на основаніи котораго хотя и опредѣлено было послать судное дѣло къ докладу въ высшій судъ, но съ означеніемъ причины, почему оно не могло быть рѣшено самимъ судьейкою съ его товарищами. Первое состоитъ въ слѣдующемъ: Ужгинецъ Семіонъ Родіоновъ жаловался на Корнила Семенова, что онъ выкосилъ и потравилъ скотомъ часть его пожни, не смотря на то, что обязался мировою записью потравы не дѣлать. При допросѣ на очной ставкѣ судьейкою Поспѣломъ Васильевымъ, Корниль отвѣчалъ, что онъ косилъ то, что ему принадлежитъ. Тогда истецъ предъявилъ купчую на покошенное мѣсто, соглашался дать присягу, ссылаясь на то, что онъ о потравѣ заявилъ цѣловальнику и что у нихъ уже прежде было судное дѣло о потравѣ, которое окончено мировой. Противъ купчей отвѣтчикъ возразилъ, что она писана не на Ужгѣ. Судейка и цѣловальникъ положили сдѣлать судъ на мѣстѣ; но какъ время было уже зимнее (Юрьевъ день осенній), то съ общаго согласія рѣшили вершить судъ «когда .

свѣтъ съ полъ ровстаетъ»—въ Николинъ день весенній. Къ этому дню судейка *прибрала себѣ съ мужикъ людей добрыхъ*: Демида Тихонова, Луку Иванова, Бѣляя Иванова, и спросилъ отвѣтчика *любь ли ему тѣ люди съ застыдчикъ съ приговоры*. Корнилъ *илъ полюбилъ*. За тѣмъ 9 мая «у Оеонасыя великого съ *трапезы*» судейка стала звать Корнила на судъ; но Корнилъ при новомъ цѣловальникѣ отказался идти и не далъ по себѣ поруки. Тѣмъ не менѣе дѣло было рѣшено противъ него, такъ какъ и прежде онъ былъ признавъ виновнымъ *по жеребью* и на томъ основаніи, что онъ отказался *идти съ образомъ по межамъ*. Судное дѣло записано церковнымъ дьячкомъ и въ спискѣ, кромѣ судьи, означены земскіе цѣловальники (прежній и новыи) и *мужикъ приговорные*, которые *сидѣли и такали* у суднаго дѣла. Этотъ замѣчательный актъ хранится въ Археографич. Коммиссіи. Приговоръ же, сдѣланный по судному дѣлу судейкою Лоемской волости, слѣдующій: «Декабря въ 14 день выборы» земской судейки прошлаго 179 году Григорей Самеоновъ Василевыхъ съ товарищи сего суднаго дѣла слушали, а выслушавъ приговорили сіе судное дѣло и за дѣломъ обоихъ, исца Логинка Васильева да отвѣтчика Федку Никифорова, за поруками, послати въ докладъ къ великому государю къ Москвѣ на указной срокъ на Стрѣтеніе Господня нынѣшняго 180 году, и на Москвѣ то судное дѣло подать и исцу и отвѣтчику велѣли явится въ Приказъ Устюжской Четверти думному дворянину Ивану большому Савастьяновичю Хитрово да дьяку Аврамью Кошчеву для совершенія сего суднаго дѣла; *а здѣсь того дѣла земляною большаго приговорить и совершить не можно и не возможно*. У приговору съ судейкою выборные же прошлые цѣловальники Прокопей Трофимовъ Заполскихъ да Микита Остафьевъ Чертковыхъ да мужи посаженные Бажень Ивановъ сынъ Кормановыхъ да Василей Макѣевыхъ Жебовыхъ. Приговоръ писалъ, по судейкину Григорья Самсонова съ товарищи по ихъ велѣнью, Луской Перлицы Лоемской волости прошлой же земской и судецкой дьячекъ Ортюшка... Деревенской.» На оборотѣ, по склейкѣ, листковъ: «Къ сему приговору вмѣсто земского судьи и цѣловальниковъ съ товарищы, кои въ семъ приговорѣ на лицѣ имена ихъ писаны, по ихъ велѣнью, Успенской Лоемской попъ Игнатей Дмитріевъ руку приложилъ.» (См. судное дѣло, хранящееся въ Москов. Главн. Архивѣ Мин. Ин. Д. въ числѣ приказныхъ дѣлъ старыхъ лѣтъ, связка 455).

8. — Мы особенно наставляемъ на этомъ положеніи не только ииѣа въ виду акты, относящіеся до древняго судопроизводства въ Новгородѣ и Псковѣ и Вѣлозерскую грамоту 1488 г., но основываясь также на свидѣтельствѣ другихъ памятниковъ XIV, XV и начала XVI вѣка, гдѣ упоминаются слободы и волости княжескія съ особенными привилегіями на судъ, а съ другой стороны рядомъ съ названіями слобожанъ и земскихъ людей встрѣчаются *дворскіе, старосты, сотскіе, цѣловальники*, также *судные мужи и добрые или лучшие люди* въ качествѣ *сидящихъ мужей* на судахъ у волостей, поселскихъ, ловчихъ, слободчиковъ и другихъ судей, какъ кормленщиковъ, такъ и избираемыхъ самими жителями. См. Акты юрид. № № 3 — 9, 11, 14, 19, 20, Акт. юрид. быта древн. Россіи I № № 53, I, 52, III, 103, I, II, Акт. Эксп. I № № 94, 143, 144, 147, 150, 201, Доп. къ акт. ист. I № 26. Въ этомъ отношеніи можно сказать рѣшительно, что Судебникъ Іоанна IV и его уставныя грамоты, предоставляющія самымъ жителямъ съ одной стороны участіе въ судѣ кормленщиковъ, а съ другой право собственнаго суда въ дѣлахъ гражданскихъ не заключаютъ въ себѣ ничего новаго.

9. — Изъ числа извѣстныхъ мнѣ выборовъ XVII вѣка въ земскіе судейки и цѣловальники къ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ я приведу здѣсь въ извлеченіи одинъ наиболѣе замѣчательный актъ этого рода, 1666 года, хранящійся въ Моск. Гл. Архивѣ Мин. Ин. Д., въ числѣ приказн. дѣлъ старыхъ лѣтъ, св. 367, подъ заглавіемъ: «Выборъ Дмитріевской волости въ земскіе судьи Ивана Ефремова (и) къ мірскимъ сборнымъ деньгамъ.» «Се азъ староста церковной Дмитревскіе волости Деонисъ Климентіевъ Ипатовъ, да прошлой земской судья Титъ Евтефіевъ Казаковъ... да прошлой земской цѣловальникъ Данило Нефедовъ Паршина... (всего 20 человекъ) и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Дмитревскіе волости, опроче Васка Романова Тверитинова миропродавца, *выбрали есми и полюбили* въ Дмитревской волости ко государеву цареву и в. князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, дѣлу въ Дмитревской волости въ *выборные земскіе судьи* Ивана Ефремова Кошелева, да Дмитр. же волости выбрали и полюбили *въ выборные земскіе цѣловальники* Ивана Ниѣантіева Аврамова къ нему судѣ, да въ земскіе соцкіе выбрали и полюбили къ нему судѣ Родіона Харитинова Рокотого съ нынѣшнего 174 году Стрѣтенъева дни Господня зимнаго февраля

со 2-го числа до 175 году до Стрѣтеньева жъ дни февраля до 2-го же числа. А судити ему судья на стану въ Дмитревской волости насъ крестьянъ по челобитнымъ и по кабаламъ и по духовнымъ, по всякимъ писаннымъ крепостямъ, укрыва мезь насъ крестьянъ чинитъ, по государеву цареву и в. князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, пресному цѣлованью, въ государевыхъ дѣлахъ и въ земскихъ по государеву указу по соборному Уложению и по государевымъ уставнымъ жаловальнымъ грамотамъ, каковы государевы уставные жаловальные грамоты даны въ Устьянскіе волости есмь крестьянамъ, и по сему нашему мірскому выбору, и по государевымъ грамотамъ, каковы отъ государя съ Москвы наказы придуть... а въ татинныхъ и разбойныхъ и душегубныхъ дѣлахъ ему судья Ивану съ товарищи по государеву указу и по соб. Уложению... про татинные и разбойные и про душегубные дѣла сыскивать, судить во всемъ у Дмитрея святаго на стану по государеву указу и по соборному Уложению... А дѣловалнику и содѣму у земскихъ у всякихъ дѣлъ и у поимки воровъ, татей и разбойниковъ и душегубцовъ съ выборнымъ судьей съ Иваномъ у роспросу и у поимки быть за одинъ человекъ. А намъ крестьяномъ съ нимъ судьей за ворами, за разбойниками и за всякими воровскими людьми ходить въ погоню и воровъ и разбойниковъ... съ нимъ судьей имать вмѣстѣ, и приводить на станъ къ Дмитрею св. А случитца въ Дмитр. волости душегубство, и государевы поголовные денги править ему судья Ивану съ товарищи по 4 рубля по 4 алт. по полутора денги на душегубца и отсылать тѣ... денги ко государю къ Москвѣ, да 1000 руб. съ прикащиковъ доходъ съ Московскими посылщани, кого изъ міру выберуть... Судить во всемъ у Дмитрея св. на стану крестьянъ и указъ имъ чинить безволокитно, и отъ того ему судья Ивану съ товарищи во всякихъ земскихъ дѣлахъ посуловъ и поминковъ не имать... судить въ правду по государеву пресному цѣлованью, другу въ судѣ не дружить, а недругу не мстить... А какъ онѣ выборной... съ товарищи государеву службу отслужать до Стрѣт. дни впредь до 175 году и которые дѣла не вершать... въ государевыхъ и земскихъ дѣлахъ и въ татинныхъ и въ разбойныхъ и душегубныхъ дѣлахъ и сыскахъ конхъ дѣлъ будетъ въ ихъ году сѣдѣлицы, тати и разбойники и душегубцы, и конхъ выборныхъ людей выберуть въ службу... ко 176 году, и тому выборному судья съ нимъ судьей

съ Иваномъ съ товарищи въ государ. и земскихъ дѣлахъ росписатца и сѣдѣльцовъ у него... взять и указъ чинить по... Уложенью. И дати намъ крестьяномъ земскому судьямъ съ товарищи для ради сѣдѣльцовъ тюрьма и тюремные крѣпости и цѣловальника къ тюрьмѣ и сторожевъ съ опащики колко человекъ пригоже. А кон тати и разбойники... доведутся до пытки, и ихъ пытать; а намъ крестьяномъ миромъ дати мастера кому... пытать. А будетъ гдѣ объявятца тати и разб... и всякіе лихіе люди, и сотникомъ и полусотникомъ и десятникомъ и всѣмъ крестьяномъ земского судью Ивана съ товарищи во всемъ слушать и на бой противъ воровскихъ людей итти со всякимъ ратнымъ боемъ, съ копьями и съ луками и съ пищальми, и выборнаго земского судью Ивана съ товарищи разбойникомъ не подати и въ погоню за ворами, за разб. ходить. А будетъ въ Дмитр. волости у сотника или у пятидесятника. или у десятниковъ, у крестьянъ объявятца тати или разбойники и душегубцы и всякіе воровскіе люди, и сотнику и полусотнику и десятникомъ и крестьяномъ тѣхъ воровъ, татей и разбойниковъ и душегубцовъ имать и приводить предъ выборнаго земского судью Ивана съ товарищи къ спросу. *А пристава ему судья выбрали въ Дмитр. же волости Тимофея Борисова Драчева, кому у него судья насъ крестьянъ на поруки дати и на судъ ставити.* Въ томъ мы крестьяне Дмитр. волости и выборъ дали. А выборъ писалъ у Дмитрея св. на стану Дмитревской церковной діачекъ, по ихъ крестьянъ велѣнью, Петрушка Матеѣвъ, лѣта 7174 году февр. въ... день.» — О судьныхъ приговорахъ земскихъ судеевъ и отношеніи ихъ къ высшимъ органамъ судопроизводства см. примѣчанія 7 и 25 къ этой статьѣ.

10. — Сдѣланный нами въ настоящемъ случаѣ выводъ есть результатъ соображеній, основанныхъ на извѣстныхъ намъ рукописныхъ матеріалахъ, изъ коихъ нѣкоторые, подтверждающіе ту же мысль, мы привели въ примѣчаніяхъ 7, 9, 23, 24, 25.

11. — См. въ Моск. Главн. Архивѣ Мин. Ин. Д. приказн. дѣлъ стар. лѣтъ, связки 367, дѣло 1666—67 по 16 мая «Росписи Слободскихъ земскихъ цѣловальниковъ о мирскихъ денежныхъ издержкахъ.» Тамъ же связки 458 дѣло «О высылкѣ въ Новгородской Приказъ кирпичнаго дѣла мастеровъ.» Здѣсь перечисляются слѣдующіе города *Вятской земли*: Хлыновъ, Слободской, Орловъ, Котельничъ, Шестаковъ. Сверхъ того о намѣстникѣ Слободскомъ

см. Акт. Эксп. I № 210, а о воеводѣ Хлыновскомъ въ Архивѣ св. 456; о намѣстникѣ Орловскомъ упомянуто выше, въ примѣч. 5.

12. — О Двинской землѣ см. Московск. Гл. Архива М. И. Д. приказн. дѣл стар. лѣтъ связк. 72 № 4, грам. Двинскимъ воеводамъ 1614 ноября 24: «Были намъ челомъ *Двинскіе земли* за казной цѣловальникъ Якимко Лентіевъ да посадкой сотцкой Дружинка Барсивъ и во всѣхъ Двинскихъ людей мѣсто *Двинскіе охъ земли Кевола и Мезенского стану* на старость и на цѣловальниковъ и на всѣхъ крестіанъ, а сказали: въ прошломъ де во 121 году, по нашему указу и по грамотѣ, велѣно на Двинѣ воеводѣ Никитѣ Пушкину да дьяку Путилу Григорьеву у Архангелскаго города выгорѣлую стѣну сдѣлати *всею Двинскою землею*, и воевода и дьякъ, для поспѣшенья къ карабелной пристани, къ тому Архангелскому городу къ горѣлому мѣсту доправили плотниковъ и посошныхъ людей и на городовое дѣло лѣсъ на нихъ на однихъ опрочъ Кеволацъ и Мезенцовъ; а въ Кеволу де и на Мезень воевода и дьякъ посылали для того городского дѣла сотника стрѣлетцкаго Дениса Золотарева съ стрѣльцами, и Кеволацы де и Мезенцы учинились сильни и отъ сотника стрѣлетцкаго отбилися и городовое дѣло своею четвертою долею не дѣлали; *а прежде де сею тотъ Архангелской городъ ставленъ блаженныи памяти при В. Государь Царь и В. Князь Иоанъ Вас. всея Руси плтью города, и Кевола и Мезенью, потому что та Кевола и Мезень одна съ нами*, и какъ Архангелской городъ сталъ и послѣ того городовое дѣло дѣлали и обрубъ обрубали и землю обсыпали и городъ главною назвали тѣ Кеволацы и Мезенцы съ нимижъ вмѣстѣ безъ выдачи четвертою жъ долею... и впредь бы есте Кеволацамъ и Мезенцамъ городовые и острожные подѣлки и рвы дѣлати и въ Колу подъ стрѣлетцкой хлѣбъ въ лодейные и въ казачья наймы Кеволацамъ и Мезенцамъ помогати Двиняномъ велѣли по прежнему по сошному розводу.» Въ другой Царской грамотѣ, 1636 г. февр. 7 (см. тамъ же) говорится, что Кеволацы и Мезенцы считались съ Двинянами *по сохамъ изстари, потому что Кевола и Мезень съ Двиною одна земля.* — Касательно Важской земли и ея становъ см. Акты Эксп. т. I № 233 и 234.

13.—Свѣдѣніе о пригородахъ Псковскихъ, ихъ уѣздахъ и раздѣленіи этихъ послѣднихъ на *зубы* взято мною изъ рукописнаго юридическаго сборника XVII вѣка, который былъ сообщенъ мнѣ М. П. Погодинымъ изъ его древлехранища. См. помѣщенный

здѣсь наказъ 1683 г. іюня 27 Петру Протопопову о сыскѣ въ уѣздахъ Псковскихъ пригородовъ бѣглыхъ людей разныхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ.

14. — Въ сборникѣ Рязанскихъ актовъ, хранящемся въ I-мъ Отдѣленіи библиотеки С. Петерб. Академіи Наукъ, подъ 1650 и 1651 годами встрѣчается извѣстіе, что въ Переяславлѣ Рязанскомъ «городъ и острогъ и башни со всякими городовыми и острожными крѣвостями» строитъ «*Рязанскою уязду сошными людьми разныхъ становъ, которые приписаны къ Переславлю и къ Зарайску и къ Пронску и къ Михайлову по платежнымъ книгамъ съ живущихъ четья, а денегъ на то городовое дѣло съ уѣздныхъ людей собрано было 9710 рубл. 18 алт. 2 денги.*»

15. — См. дѣло Моск. Гл. Архива М. И. Д., приведенное выше въ примѣч. 12. Въ грамотѣ 1636 февр. 7 Царь приводитъ между прочимъ слова Двинявъ, что «въ иныхъ городехъ въ отпускахъ (царскихъ) городъ городу помогаютъ: *Соли Камской посадскими и уяздными людьми помогаютъ Чердынцы да Кайгородцы, да къ Соли же Камской даютъ на ямъ въ подмогу Вятчане по 500 рублевъ на годъ; а Соли Вычегоцкой посадскими же и уяздными людьми помогаютъ Вымичи и Сысолцы и во всемъ межъ себя считаютца.*» Подробности о счетѣ въ расходахъ Соли Камской съ Чердынью и Кайгородомъ заимствованы мною также изъ указаній рукописныхъ источниковъ.

16. — См. предыдущее примѣч. Въ писцовыхъ книгахъ, хранящихся въ Архивѣ Никольскаго (Вологодск. губ.) Уязднаго Суда, читаемъ: «А по Государевѣ Царевѣ и В. Князя Василья Ивановича всеа Русіи жалованной грамотѣ 116 году велѣно *Вычегоцкіе и Вымскіе земли со крестьянъ оброку имати за соболи и за бѣлку... и за всякіе угоды со двора по полуполтнѣ.*» Такъ же о жителяхъ Плесовской волости сказано: «А въ службѣ и въ подводахъ и во всякихъ розметахъ *считатися имъ съ Вымичи и съ Ссолци и съ Ужюю.*» На основаніи одной поручной записи, хранящейся въ Археографической Комиссіи, 1698 г. сент. 9, по ямскомъ охотникѣ Степанѣ Тюринѣ, читаемъ, что онъ «*нанялся считатися большимъ посылнымъ счетомъ съ Усолцы и съ Бренчаны и съ Ссылцами емствѣ.*»

17. — Въ наказѣ, упомянутомъ выше въ примѣчаніи 13, читаемъ, что помѣщики жаловались Царю на то, что во время ихъ службы «въ Чигиринскихъ походахъ и въ Кіевѣ съ крестьянъ

ихъ иманы полтинные денги, да тѣ же де ихъ крестьяне подымаючи ихъ на тѣ далніе службы и платя великихъ государей всякіе подати отъ нихъ многіе разбѣжались до переписныхъ книгъ и послѣ переписныхъ книгъ, видя себѣ великіе нужды, въ Сесвекскъ и въ Камарецкіе волости, на Орелъ, и въ Кромы, и въ Рылескскъ, и въ Суржу, и въ Бѣгородъ, и въ Курескскъ, и на Коротоякскъ, и въ Землянескскъ, и въ Острогужской и *есть Бѣлогороцкіе пригородки* по той чертѣ и за черту, и въ Потаповъ, и на Елецъ, и на Воронежъ, и въ Донковъ, и на Лебедень, и въ Раской, и въ Тамбовъ, и въ Козловъ и *есть Козловскіе пригородки*, и въ понизовые города, и въ Казань, и въ Нижней, и въ Сибирскскъ, и въ Саратовъ, и въ Саранскскъ, и въ Орзамасъ, и на Олатырь, и на Пензу, и въ Ламовъ, и въ Керенскскъ и *есть Казанскіе пригородки* въ государевы села и въ деревни и за помѣщиковъ и за вотчинниковъ тамошнихъ украинныхъ городовъ.» Въ Московск. Главн. Архивѣ Минист. Ин. Дѣлъ въ приказн. дѣлахъ старыхъ лѣтъ встрѣчаются «Росписи, кто въ понизовыхъ городѣхъ бояръ и воеводъ и всякихъ приказныхъ людей, которые города вѣдомы въ Приказѣ Казанскаго Дворца.» Въ этихъ росписяхъ упоминаются слѣдующіе *пригороды Казанскіе*: Тетюши, Ланшевъ, Оса, Арскъ, Олати, Малмыжъ, Старый Шошминскъ, Мензелинскъ, Шошминскъ, Кичюскъ, Ерыклинскъ, Тіунскъ, Бѣлой-Яръ, Буларское городище, Старой Ахтачинскъ, Завискскъ. Тамъ же «*Сибирской черты пригороды*»: Уренскъ, Юшаскскъ, Тагаевъ, Саранскъ.

18. — Въ одной выводной 1674 гевн. 7, хранящейся въ С. Петерб. Публичной библиотекѣ, читаемъ: «Се азъ Василей Ивановъ сынъ Протопоповъ... отпустилъ изъ помѣстья своего Казанскаго уѣзду *Зюрейской дором* изъ села Большой Шаховды крестьянскую дочь дѣвку Манку Григорьеву дочь Казанца Андрѣя Ѳедоров. Люткина въ помѣстье его Казанскаго уѣзду *Ногайской дором* въ деревню Погашеву....» Въ другой выводной, того же 1674 гевн. 18, хранящейся тамъ же: «Се азъ Ѳедоръ Семеновичъ Черниковъ Онучинъ Казанецъ далъ есми сію выводную отпись въ Казани Казанца жъ Андрѣя Ѳедор. Люткина крестьянину его *Ногайской дором* села Кулаева Савѣ Сидорову въ томъ.... сговорилъ онъ Савка женитца помѣстной моей деревни *Зюрейской дором* Шигалеевского починка на крестьянской дочери на дѣвкѣ Палашкѣ Трофимовѣ.» Въ одной наемной записи 1699 авг. 11, на-

ходящейся въ записныхъ книгакъ 1700 и 1702 г. Архива Кортусскаго Уѣзднаго Суда подъ № 1 и 2, упоминается также *дорога Навайская*. О значеніи же *дороги*, какъ чиновниковъ у Татаръ, см. въ статьѣ И. Д. Бѣлаева «О Монгольскихъ чиновникахъ на Руси, упоминаемыхъ въ Ханскихъ ярлыкахъ», помѣщенной въ Архивѣ истор. юрид. свѣдѣній, кн. I, отд. I, ст. IV, стр. 102. — О *ключахъ*, какъ округахъ, приведемъ для примѣра указанія Болгарской книги, упомянутой выше въ примѣч. 3 и сборника XVI вѣка, хранящагося въ Московской Синодальной библиотекѣ подъ № 173. Въ первой встрѣчаются слѣдующія данныя: «Петръ Ондарѣвъ сынъ Окинѣова съѣхалъ съ *Вяземскою ключа* на середокрестье 63 (года);» передъ нимъ былъ Иванъ Ондар. Окинѣовъ, который съѣхалъ съ *Вяземскою же ключа* на середокрестье 62 года; «Степанъ Степанъ сынъ Извожского съѣхалъ съ *ключа съ Рязанскою* на Рождество Христово 64-го; «Иванъ Наумовъ смельть откупъ съ *ключа съ трети Рязанским* на большомъ Дворцѣ.» Во второй рукописи на л. 278 находится извлеченіе изъ писцовыхъ книгъ подъ заглавіемъ: «Списокъ съ книгъ лѣта 900 книги *ключя Новгородца Нижняго* писма Федора Киселева.» Сюда же можетъ быть отнесено слѣдующее мѣсто въ уставной грамотѣ, напечатанной въ Акт. Эксп. I, № 357: «А доводчикомъ, въ *изъ ключахъ*, въѣзжего и осевшего давати потомужъ (какъ въ прикащикамъ).» Читателю эти выписки конечно придутъ на умъ *ключи* Олегова договора. Впрочемъ объ этихъ послѣднихъ уже было говорено прежде.

19. — См. въ Акт. Эксп. I № 242 уставную грамоту Череславскимъ рыболовамъ, данную имъ 1555 авг. 15, которая была подтверждена Борисомъ Федоровъ, Михаиломъ Федоровичемъ и Федоромъ Алексѣевичемъ, послѣднимъ въ слѣдующихъ словахъ: «... велѣли имъ сию жалованную грамоту подивсати на наше... *имя и о семъ чинить какъ съ сей жалованной грамоты написано, опречь тѣхъ статей, которые по указу отца нашего... и по соборному Уложенью и по уставнымъ грамотамъ и же болгарскимъ приговорамъ отменились.*» Ср. напечатанную тамъ же, подъ № 324, уставную грам. крестьянамъ Борисоглѣбской слободы. Хотя эта грамота не была подтверждена послѣ Михаила Федоровича, но замѣчательна тѣмъ, что находящаяся въ ней постановленія касательно волостелей, «*коли та Борисоглѣбская слобода будетъ за кормленщици съ кормлень*», встрѣчаются въ нѣсколькихъ жалованныхъ грамотахъ, выданныхъ вновь рыболовнымъ слободамъ, крестьянамъ ловецкихъ селъ и

между прочимъ селу Дѣдинову Царями Михаиломъ Федоровичемъ и Алексѣемъ Михайловичемъ, отъ того только разницею, что вмѣсто волостеля въ нихъ упоминается прикащикъ или стряпчій Сыгнаго Дворца. См. наприм. рукописи, хранящіяся въ Архивѣ Московск. Дворцовой Конторы подъ № 108 и 113. Въ этихъ грамотахъ встрѣчается и подтвержденіе царя Федора Алексѣевича съ обычной его оговоркой.

20. — См. въ примѣч. 9 указаніе на поголовныя деньги, взыскиваемыя съ *душегубцевъ*. Еще яснѣе о платѣ поголовныхъ денегъ жителями мѣста, гдѣ найдено мертвое тѣло, постановлено въ дѣлѣ о убійствѣ, напечатанномъ въ Акт. юрид. быта древн. Россіи I № 102, 1693 г. «А въ указѣ великихъ государей въ новыхъ статьяхъ, въ 124 ст., написано по убивственнымъ дѣламъ: «На чьей земли убитыхъ людей тѣла подняты будутъ, поголовныхъ денегъ имать съ убивства по 4 рубли по 4 алж. по полторь деньгъ.» На этомъ основаніи велѣно было за убійство крестьянина Ивана Потапова помѣщика Сатина поголовныя деньги доправить съ крестьянъ тѣхъ помѣщиковъ, на земли коихъ «мертвое тѣло объявилось.» Очевидно, что это та же «вѣра за голову», о которой, на основаніи древнѣйшихъ источниковъ, говорится и въ жалованныхъ грамотахъ XVII вѣка.

21. — См. въ Акт. юрид. быта древн. Россіи I № 124 и въ Отечеств. Записк. 1855 г. (Августъ) челобитныя XVII-го вѣка, сообщенныя г. Купріяновымъ.

22. — О правахъ, которыми пользовались и въ XVII вѣкѣ по дѣламъ уголовнымъ излюбленные (выборные) *судьи и цѣловальники* привилегированныхъ общинъ можно заключить изъ акта, приведеннаго выше въ примѣч. 9. Это тѣ же права, которыя предоставлены были нѣкоторымъ сельскимъ общинамъ Іоанномъ Грознымъ, какъ наприм. въ грамотахъ, напечатанныхъ въ Акт. Эвсп. I № 242 и 243.

23. — Чтобы не ссылаться на Шуйскіе акты, приведенные уже г. Соловьевымъ, въ подтвержденіе того, что общины городскія имѣли обычай дѣлить общественную землю на участки по тягламъ (см. Русск. Вѣстника 1856 г. № 22 въ статьѣ «Споръ о Сельской Общинѣ»), мы выпишемъ здѣсь, изъ рукописныхъ источниковъ, одно мѣсто, указывающее и на пользованіе землею въ раздѣлъ между крестьянами въ селеніяхъ. Въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича путному ключнику Федору Ракову, управлявшему

дворцовыми селами въ Шацкомъ уѣздѣ, читаемъ: «Билъ намъ челомъ Шацкого уѣзду нашего дворцового села Шаморги Бого-явленской попъ Иванъ Васильевъ, а въ челобитной его написано: въ прошлыхъ де годѣхъ блаженные памяти при государѣ царѣ и велик. князѣ Федорѣ Ивановичѣ всеа Русіи дано къ церкви Бого-явленія Господня дѣду его попу Григорью десять десятинъ въ полѣ, а въ дву потомужъ, села Шаморги со крестьяны *черезъ между*, а сѣнные де покосы отцу его и дѣду отдѣлены подъ Медвѣжьимъ кремъ и у рѣчки Азы, и *села Шаморги крестьяне про-межъ себя пашню дѣлятъ по часту*, а ему де попу Ивану дають пашню худую на толокахъ, которая имъ не годна и въ мѣрѣ менши; а сѣнные де покосы у Азы рѣчки лужокъ затолочили стадами, лѣтъ съ 30 и болши не ставитца на единые копны, и *(в)предь церковной пашнѣ съ крестьяны черезъ между и на рѣчкѣ Азѣ сѣнному покосу быть не мочно; и намъ бы его пожаловати велѣти церковную пашню села Шаморги отъ крестьянъ отдѣлти во всѣхъ трехъ поляхъ...*» (см. Сборникъ Рязанск. акт. въ 1-мъ Отдѣл. библіотеки С. Петерб. Академіи Наукъ). О владѣніи помѣ-щиками общемою землею, до раздѣла ея на постоянные участки, *черезъ между и черезъ заионъ* см. между прочимъ въ договорной записи 1632 марта 18 въ Акт. юрид. быта древн. Россіи, № 112, IV.

24. — Вотъ одинъ изъ числа нѣсколькихъ извѣстныхъ мнѣ актовъ этого рода: «Се азъ земской судья... да судецкой староста... да земской цѣловалникъ... да Никита Лаврентьевъ (всего болѣе 10 именъ) да и всѣ крестьяне Килченскіе волости дали есмя даваю грамоту Петру Гаврилову сыну Контіеву *на пустой жеребей* на четверть деревни Архиповскіе на Тимофѣевъ жеребей Никитина, на землю и на сѣнныя покосы и на хоромы и на всѣ угодыя, что къ тому жеребью истари потягло кругомъ по старымъ межамъ, чѣмъ Тимофѣй владѣлъ. А дали есми тотъ жеребей деревни на лготу отъ лѣта 7134 году марта съ 30 числа да до лѣта 7135 году до Ильина дни. И Петру тѣмъ жеребьемъ деревнею Архиповсков. *владѣти*, пашни пахать, изгорода поставить и хоромы приставлявати, а въ пустѣ не покинуть. А подати государевы Петру до срока до Ильина дни 135 году съ того жеребью деревни никакихъ не платити во всякіе въ мірскіе расходы; а впредь съ Ильина дни 135 году Петру съ того жеребья *потянути всякіе государевы подати съ міромъ амѣсть, въ чѣмъ міръ обложатъ въ колодѣ въ бѣлошной*. А дали есмя безъ старыхъ всякихъ потуговъ

тотъ жеребей деревни до вотчица; а вотчиць буде вышцетса, ино Петру взати у вотчица на распашку и на изгороды четыре рубли денегъ oprичъ хоромъ, а что хоромъ приставить, ино за хоромы дати денгами, чѣмъ люди оцѣнятъ, Петру же. *А дали есмь ослъ мѣромъ тотъ жеребей деревни Петру.* А на то послуши: Василей Ѳедотовъ сынъ Максимова да Юрья Ивановъ Килченскіе волости. А данную писалъ у Троици на стану земской дьячекъ Гурейко Еустафьевъ Поповъ, лѣта 7134 г. марта въ 1 день» (см. Московск. Главн. Архива Мин. Ин. Дѣлъ приказн. дѣлъ старыхъ лѣтъ связк. 264).

25. — Для подтвержденія этого положенія я считаю здѣсь достаточнымъ привести одну грамоту, 1654 февраля 28, сообщенную мнѣ С. А. Раевскимъ. Она адресована на имя Вязскаго земскаго судейки изъ Приказа Большаго Прихода, какъ это подтверждается приложенною къ ней печатью: «Отъ царя и В. К. Алексѣя Михайловича всеа Русіи на Вагу земскому судейкѣ Алешкѣ Третьякову, или кто на его мѣсто иной судейка избранъ будетъ. Билъ намъ челомъ Важенинъ Подвинскіе чети Устьявенскіе волости Ивашко Мих. Поповъ тоежъ Уств. волости на Кирюшку Данилова да на Ивашку Макарова съ складники Меншіе Игнатовскіе деревни да на Пятунку Терентьева да на Гришку Евтиѣева съ складники Болшіе Игнатовскіе деревни; а въ челобитной его написано: въ прошломъ де во 144 году дано наше жалованье отцу его Ивашкову, попу Михайлу, на распашъ, Голцовъ островъ, чернолѣсье, да Онфимковъ, и новая нарейка обжа безъ трети, въ тягло, и съ тѣхъ де острововъ отецъ его Ивашковъ, попъ Михайло, въ нашу казну данныя и оброчныя денги и стрѣлецкіе кормы и всякіе мірскіе расходы платилъ по 158 годъ, а послѣ отца своего попа Михайла онъ Ивашко въ нашу казну съ тѣхъ острововъ данныя и оброчныя денги и стрѣлецкіе кормы и всякіе мірскіе расходы платитъ противъ прежнего нашего указа по нынѣшней 162 годъ; и та де его Ивашкова пашня, Голцовъ островъ чернолѣсье да Онфимковъ и новая нарейка смежна Устьявенскіе волости съ крестьянскими ихъ съ ораными, съ луговыми землями и съ сѣнными покосы; и тѣ де крестьяне Кирюшка да Ивашко да Пятунка да Гришка съ складниками послѣ отца его Ивашкова попа Михайла той своей земли не городятъ, и ему Ивашку чинятъ изгону болшую, земли цахати не дадутъ и скотины ему выгонятъ негдѣ; и онъ де Ивашко отъ ихъ изгони въ конецъ погибъ и

пашню запустошилъ, и въ той ихъ изгонѣ ему Ивашку учинилось всякихъ убытковъ 35 рублей съ полтиною.—И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ Устьявенскіе волости промежъ крестьяны: Ивашкомъ Поповымъ да Кирюшкою Даниловымъ да Ивашкомъ Макаровымъ да Пятункою Терентьевымъ да Гришкою Евтифьевымъ съ складники спорную подѣлилъ огородную землю, съ попы и съ старосты и съ крестьяны розвелъ въ правду по нашему указу, никому не норовя, и огородъ велѣлъ городить по крѣпостямъ и по тяглу, а *отъ убытковъ далъ имъ судъ и сыскъ, а по суду и по сыску межъ ими росправу учинилъ безволокитно отъ правду по нашему указу, чего доведетца.* Писанъ на Москвѣ, лѣта 7162 февраля въ 28 день.» Въ рукахъ у меня находится и судебное рѣшеніе, сдѣланное на основаніи этой грамоты земскимъ четвертымъ судьей — Алексѣемъ Самойловымъ.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г. ГОФМАНА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

СЪВЕРНЫЙ УРАЛЪ И БЕРЕГОВОЙ ХРЕБЕТЪ ПАЙ-ХОЙ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

Г. Ш. ГЕЛЬМЕРСЕНОМЪ.

Предлежащее сочиненіе нашего столь достохвально извѣстнаго геолога-путешественника, изданное также въ Русскомъ переводѣ, по своему значенію и содержанію принадлежитъ къ важнѣйшимъ явленіямъ, вышедшимъ какъ въ прежнее, такъ и въ новѣйшее время о геологіи и географіи Россійской Имперіи и весьма естественнымъ образомъ примыкаетъ къ двумъ другимъ сочиненіямъ, которыя разсуждаютъ о томъ же самомъ краѣ Россіи и оба удостоены нашею Академіею Демидовскихъ премій, а именно: Alexander Schrenk's Reise 1834 durch die Tundren der Samojeden zum arktischen Uralgebirge и: Des Grafen Keiserling und Paul Krusenstern's Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschoraland im Jahre 1843.

Точное наше познаніе Уральскаго хребта издавна ограничивалось среднею его частью, потому что рудокопство почти исключительно производится только въ этой части. Лежашія къ сѣверу и югу отъ горныхъ округовъ части Урала, хотя и были отъ времени до времени случайно посѣщаемы, но никогда не дѣлались предметомъ обширнаго изслѣдованія. По этой то причинѣ южный Уралъ начиная отъ рѣки того же имени до южнаго отрога хребта, находящагося верстахъ во сто отъ Аральскаго моря, еще понынѣ остается весьма мало извѣстнымъ; о сѣверномъ же Уралѣ, а именно отъ Петропавловскаго завода до Ледовитаго моря мы знали бы еще менѣе того, если бы онъ не былъ изслѣдованъ Гофманномъ и его

сопутниками. Три лѣта были употреблены на обзорѣніе этой столь мало доступной страны глубокаго сѣвера. Это были многотрудныя, весьма опасныя странствованія, которыя подвижники мужественно и настойчиво совершили среди всякаго рода лишеній и которыя принесли наукѣ обильную и разнообразную добычу, потому что это были въ полномъ смыслѣ путешествія для открытій.

Все, что до времени Гофманнова путешествія было извѣстно о сѣверномъ Уралѣ, ограничивается слѣдующими странами:

Зуевъ, спутникъ Палласа правда дошелъ до Обдорска, а оттуда до береговъ Карской Губы, но онъ доноситъ только весьма скудно о самомъ сѣверномъ концѣ хребта, о которомъ только говорится, что онъ еще въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря сворачиваетъ къ западу.

Эрманъ зимою 1828 года посѣтилъ изъ Обдорска нѣкоторыя изъ видимыхъ отсюда горъ, но, какъ изъ этого самого явствуетъ, не могъ донести ничего точнаго о связи ихъ съ главнымъ краемъ хребта и о продолженіи его къ сѣверу.

Высланныя въ разныя времена изъ Богословска поисковыя экспедиціи въ 1834 и 1835 годахъ достигли подъ начальствомъ капитана Стражевскаго 64° сѣв. широты и мы обязаны имъ многими важными свѣдѣніями объ этой части хребта.

Въ 1837 году д-ръ Александръ Шренкъ посѣтилъ хребетъ между проливомъ Вайгачскимъ *) и рѣкою Карою и впервые сообщилъ намъ болѣе точное объ немъ свѣдѣніе. Онъ проникъ и къ самому Уралу; но описаніе его путешествія вышло въ свѣтъ не прежде какъ уже по возвращеніи изъ той страны самого Гофманна, который былъ снабженъ гораздо большими пособіями для производства геодезическихъ измѣреній.

Въ 1843 году графъ Кейзерлингъ коснулся сѣвернаго Урала въ двухъ пунктахъ, а именно у истоковъ Печоры подъ

*) Т. е. хребетъ Пай-Хой.

62° сѣв. широты и въ горѣ Сабля подъ 65° сѣв. широты, но посвятилъ обонимъ пунктамъ только не много времени, потому что поле превосходныхъ его наблюдений лежало собственно къ западу отъ хребта въ Печорской землѣ.

Экспедиція для изслѣдованія сѣвернаго Урала результаты которой нынѣ подлежатъ намъ, была рѣшена осенью 1846 года совѣтомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, коего Вице-предсѣдателемъ былъ въ то время Адмиралъ Литке и по вызову Совѣта Полковникъ (нынѣ Генералъ-Маіоръ) Гофманъ принялъ на себя управленіе ею, а сверхъ того также производство геологическихъ и минералогическихъ наблюдений. Ему въ помощники приданъ былъ маіоръ Горныхъ Инженеровъ Стражевскій. Астрономическія, геодезическія и магнитныя наблюденія были поручены Магистру Ковальскому, а составленіе ботаническихъ и зоологическихъ коллекцій принялъ на себя Королевско-Датской службы лейтенантъ Брантъ, сопутникъ Г. Миддендорфа въ Сибирскомъ его путешествіи. Въ распоряженіе экспедиціи предоставлены были двое военныхъ топографовъ для изготвленія карты, одинъ штейгеръ и четверо мастеровыхъ для могущихъ встрѣтяться горныхъ развѣдокъ. Наконецъ личный составъ экспедиціи былъ еще дополненъ искуснымъ рисовальщикомъ, г-мъ Бермелѣвымъ.

При такомъ снаряженіи и подъ руководствомъ столь опытнаго и мужественнаго вождя и ученаго, каковъ Генералъ Гофманъ можно было по всей справедливости ожидать отъ этой экспедиціи значительныхъ результатовъ и это ожиданіе сбылось въ полной мѣрѣ.

Предлежащее сочиненіе составляетъ собою томъ въ 476 страницъ большаго ин-кварти, весьма обильно снабженный литографированными чертежами и очень хорошими вставленными въ самый текстъ полиטיפажами. Первые изъ нихъ изображаютъ виды сѣвернаго Урала и портреты Самоѣдовъ, Остяковъ и Зырянъ, послѣднія объясняютъ разные приборы, упо

требительные у этихъ племенъ при рыбной ловлѣ, охотѣ на птицъ и пушныхъ звѣрей или знакомить читателя съ жизнью обитателей Урала, а иные изъ политичажей очерчиваютъ геологическое строеніе хребта и особенные, необыкновенные виды горъ. Весьма важную придачу къ книгѣ составляетъ основанная на астрономическомъ опредѣленіи мѣстъ и на съемкахъ военныхъ топографовъ карта сѣвернаго Урала отъ 61° с. ш. до береговъ Ледовитаго моря: она вмѣстѣ съ тѣмъ обнимаетъ также теченіе Печоры отъ ея истоковъ до самаго устья и между прочимъ ясно показываетъ одно изъ важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ открытій Гофманновой экспедиціи, а именно, что Уральскій хребтъ не достигаетъ Карской губы, а напротивъ верстахъ въ 50 къ югу отъ нея внезапно вмѣстѣ съ горою Константиновымъ камнемъ уклоняется къ тундрѣ и что простирающійся къ одному берегу Карской губы низкій хребтъ Пай-Хой совершенно отдѣленъ отъ Урала широкою низью и вовсе отличается отъ него какъ своимъ направленіемъ, такъ и самымъ видомъ.

То было 6 Августа 1848 года, и такъ во-второе путешествіе, когда открыта была эта гора. Съ ея вершины возвышающейся на 1491 футъ Гофманнъ и его спутники узрѣли Ледовитое море. Цѣль труднаго странствованія была достигнута. Всѣ недостатки, всѣ опасности, съ которыми долженъ былъ бороться смѣлый путешественникъ, были забыты, и въ этомъ то возвышенномъ настроеніи духа они наименовали эту самую сѣверную порубежную твердыню двухъ частей свѣта, коихъ большая часть подвластна Россіи, въ честь августѣйшаго предсѣдателя нашего Географическаго Общества Константиновымъ камнемъ. Оттуда Гофманнъ проникъ еще до самаго моря и потомъ обратился къ рѣкѣ Карѣ съ тѣмъ, чтобы достигнуть Вайгачскаго пролива, что и удалось ему: посѣщеніе же самаго Вайгача было оставлено имъ и онъ отправился вдоль хребта Пай-Хоя до юго-восточнаго его конца, горы Юденей, а оттуда 2 Сентября предпринялъ обратный путь свой въ юж-

номъ направленіи. Когда Гофманнъ достигъ 14 Сентября рѣки Усы, то получилъ здѣсь первое извѣстіе о неудачѣ тѣхъ розыскавій, которыя долженъ былъ въ этомъ же году выполнить капитанъ Стражевскій. А именно имѣлось въ виду на этотъ разъ изслѣдовать хребетъ съ востока, а не съ запада, какъ въ предъидущемъ 1847 году, когда исходною точкою избранъ былъ городъ Чердынь и удалось проникнуть въ горы до параллели Оранца. Начиная отъ Березова шествіе въ 1848 году простиралось до рѣки Вайкара, и тутъ раздѣлилось на двѣ отрасли. Стражевскій долженъ былъ оттуда идти вдоль хребта къ югу и возвратиться чрезъ Богословскъ; а Гофманнъ намѣревался слѣдовать къ сѣверу до Ледовитаго моря. Вскорѣ по разлученіи ихъ, въ Уральскомъ краю обнаружилась зараза, лишившая Стражевскаго всѣхъ оленей, на которыхъ онъ перевозилъ свою поклажу. Послѣ наитруднѣйшаго похода, онъ, измученный голодомъ и вовсе изнуренный, прибылъ въ Березовъ, утративъ смертью изъ своихъ сопутниковъ одного мастерового и одного Остяка. И полковникъ Гофманнъ подвергся той же самой опасности, но, получивъ еще заблаговременно помощь, избѣгнулъ вѣроятной гибели. Происшедшій отъ неудачи экспедиціи Стражевскаго пробѣлъ Гофманнъ выполнилъ третьею своею экспедиціею въ 1850 году, которая такимъ образомъ довершила все предпріятіе. Что касается до хода путешествія и сдѣланныхъ въ продолженіе его наблюденій мы должны сослаться на самое его описаніе или на извлеченія изъ него, уже сообщенныя журналами. Матеріалъ такъ разнообразенъ, и притомъ обработанъ столь привлекательно и поучительно, и столько содержитъ въ себѣ новаго и любопытнаго, что и сравнительно очень сжатое извлеченіе уже далеко превышало бы границы нашего отчета, а по этому мы должны ограничиться только однимъ главнымъ содержаніемъ книги, чтобы уяснить такимъ образомъ результаты экспедиціи.

Первая половина книги послѣ краткаго предисловія и вве-

денія заключаетъ въ себѣ отчетъ о самомъ путешествіи. Авторъ сперва изображаетъ случившіяся съ нимъ событія свойственнымъ ему, уже хорошо извѣстнымъ намъ образомъ, столь привлекательно и живо, что всякій конечно съ истиннымъ удовольствіемъ прочтетъ это донесеніе. Но сверхъ того въ немъ содержится много географическихъ и естественно-историческихъ замѣтокъ и наблюденій, столько вѣрныхъ и живыхъ описаній страны и ея обитателей, что читатель дѣйствительно совершенно какъ бы переносится въ эти края и, такъ сказать, сродняется съ ними. Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ узнаетъ также, что путешествіе по тамошнимъ пустынямъ сопряжено со многими трудностями и опасностями и мѣстами онъ призадумается, читая напримѣръ на стр. 185 изображеніе очевидной смертной опасности, которой были подвержены полковникъ Гофманнъ и его сопутники, когда плоть, на которомъ они спускались по рѣкѣ Харутѣ въ одной стремнинѣ набѣжалъ на утесъ и до того повредился, что путешественники въ первое мгновеніе считали себя погибшими. Какъ бы нѣкіимъ чудомъ они избѣгли явной гибели. Слѣдующій за тѣмъ отдѣлъ отъ стр. 207 до 281 посвященъ геогностическимъ наблюденіямъ и состоитъ изъ нѣсколькихъ частей. Сначала опредѣленіе собранныхъ Уральскою экспедиціею окаменѣлостей, и выражаемыхъ ими формаций, графа Кейзерлинга. Изъ этого краткаго, но весьма поучительнаго разсужденія явствуетъ, что окаменѣлости содержащія горныя породы сѣвернаго Урала принадлежатъ горному известняку, девонской почвѣ, верхне- и нижнесилурийскимъ системамъ. Существованіе нижнесилурийской системы чрезвычайно любопытно, потому что напластованія этого возраста только еще попадаетъ въ Оренбургскомъ Уралѣ и вообще доселѣ на Уралѣ дознаны были лишь въ двухъ мѣстахъ.

За тѣмъ съ стр. 216 по 277 слѣдуетъ отдѣлъ, излагающій составленное полковникомъ Гофманномъ геогностическое описаніе сѣвернаго Урала, это важный во всѣхъ отношеніяхъ

трудъ потому что эта часть Урала едва была затронута геологами и слѣдовательно все здѣсь ново и въ высокой степени любопытно. Опредѣленія горнокаменныхъ породъ исполнено съ особеннымъ тщаніемъ. Нѣкоторое число мелкозернистыхъ кристаллическихъ породъ, которыя особенно было трудно опредѣлить, или которыя представляли собою особенную занимательность, Гофманнъ переслалъ къ Густаву Розе въ Берлинъ съ просьбою изслѣдовать ихъ. Весьма поучительныя результаты этого изслѣдованія сообщены въ видѣ особаго приложенія стр. 278. Геогностическому описанію приданы два чертежа съ изображеніемъ горныхъ профилей.

Далѣе съ стр. 285 слѣдуетъ отдѣлъ, въ которомъ собраны выѣстъ произведенныя на сѣверномъ Уралѣ опредѣленія высотъ и наблюденія относительно температуры ключей. Къ опредѣленію высотъ служили хорошо сличенные между собою барометры, которые во время путешествія были наблюдаемы какъ самымъ главою экспедиціи, такъ и Г-ми Стражевскимъ, Ковальскимъ и Брантомъ. Эти опредѣленія были сравнены съ одновременными наблюденіями высоты барометровъ въ Чердыни, Богословскѣ и Березовѣ, коихъ абсолютная высота известна изъ болѣе долговременныхъ наблюденій. Послѣдняя работа выполнена Г. Академикомъ Ленцомъ. Всего опредѣлена была абсолютная высота свыше 300 пунктовъ, а выѣстъ съ тѣмъ относительная высота многихъ пунктовъ поверхъ Березова, Богословска и Чердыни. Высота многихъ горъ опредѣлена была астрономомъ Ковальскимъ посредствомъ геодезическихъ операций. Изъ числа этихъ опредѣленій полковникъ Гофманнъ включилъ главнѣйшіе въ свой списокъ опредѣлений высотъ и уже съ помощью одного этого весьма цѣннаго матеріала можно составить себѣ довольно полное понятіе о рельефѣ сѣвернаго Урала.

Въ слѣдъ за спискомъ вычисленныхъ высотъ помѣщено указаніе служившихъ этимъ выводамъ основаніемъ барометрическихъ наблюденій, производившихся какъ на открытомъ полѣ,

такъ и на постоянныхъ барометрахъ безъ присовокупленія надлежащихъ поправокъ. Этимъ самымъ дана возможность поѣрки и упрочивается довѣріе къ точности добытыхъ результатовъ.

Окончаніе сочиненія составляютъ два обширныхъ разсужденія, одно Г. Академика Брандта подъ заглавіемъ: *Замѣтки о позвоночныхъ животныхъ сѣверо-Европейской Россіи*, а въ особенности сѣвернаго Урала, другое Г. Академика Рупрехта подъ титуломъ *Flofa Boreale-Uralensis*.

Въ введеніи къ своей статьѣ Г. Брандтъ говоритъ, что собранная Уральскою экспедиціею и переданная Г-мъ Гофманномъ въ академическій Музеумъ коллекція по части зоологій очевидно значительнѣе всѣхъ когда либо полученныхъ изъ сѣверо-Уральскаго края.

Въ числѣ приведенныхъ экспедиціею и поступившихъ въ Академическій Музей растений собранныхъ въ путешествіе Гофманна и описанныхъ Г. Академикомъ Рупрехтомъ оказалось нѣсколько новыхъ видовъ, изображеніе которыхъ Г. Рупрехтъ сообщаетъ на трехъ таблицахъ.

Считаемъ нужнымъ напомнить здѣсь, что труды астронома экспедиціи, Г-на Ковальскаго, уже за нѣсколько времени передъ симъ отпечатаны въ особомъ томѣ, составляющимъ первую часть всего сочиненія.

Такимъ образомъ сѣверный Уралъ, доселѣ бывшій по большей части неизвѣстною странною, благодаря усерднымъ и настойчивымъ усиліямъ Генералъ-Маіора Гофманна нынѣ уже введенъ въ кругъ хорошо изслѣдованныхъ странъ Русскаго сѣвера. Опредѣлено точное географическое его положеніе, его исходъ къ Ледовитому морю, его внѣшній видъ, геологическое свойство и гидрографическія отношенія, ближе изучены его климатъ, его флора и фауна и мы получили объ немъ ясное и полное понятіе. Такіе результаты, добытые многотрудными и опасными странствованіями въ одной изъ самыхъ нелюдимыхъ частей глубокаго сѣвера обязываютъ насъ благо-

дарною признательностью къ тѣмъ мужамъ, которые посвятили себя на совершеніе этого подвига изъ чистѣйшей любви къ отечеству и наукѣ. Это признаніе уже нынѣ въ полной мѣрѣ выражается какъ въ самой Россіи, такъ и въ чужихъ краяхъ. Труды Генераль-Маіора Гофманна по искреннему нашему убѣжденію заслуживаютъ полной Демидовской преміи, потому что во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствуютъ тѣмъ условіямъ, которыя опредѣлены для достиженія полной преміи. Мы питаемъ твердую надежду, что Академія не откажетъ въ своемъ согласіи нашему предложенію.

ОТЗЫВЪ

АКАДЕМИКА АБИХА

О ТОМЪ ЖЕ САМОМЪ СОЧИНЕНІИ.

Я вполне соглашаюсь съ тѣмъ мнѣніемъ, которое сочленъ мой Г. Гельмерсенъ высказалъ относительно сочиненія Генерала Гофманна о сѣверномъ Уралѣ и считаю также съ своей стороны этотъ трудъ во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяющимъ тѣмъ условіямъ, которыя даютъ соствителю право на полученіе полной Демидовской преміи.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНИЯ А. СОКОЛОВА

ПОДЪ ЗАГЛАВИЕМЪ:

Л Ъ Т О И Н С Ъ

КРУШЕНІЙ И ПОЖАРОВЪ СУДОВЪ РУССКАГО ФЛОТА,

ОТЪ НАЧАЛА ЕГО ПО 1854 ГОДЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

Ф. ВЕСЕЛАГО.

Лѣтопись, составленная г. Соколовымъ, заключаетъ въ себѣ описаніе, въ хронологическомъ порядкѣ, 289-ти случаевъ крушеній и пожаровъ военныхъ и транспортныхъ судовъ Русскаго флота, съ 1713 по 1853 годъ включительно. Для строгаго ограниченія предѣловъ сочиненія, авторъ внесъ въ него только описаніе бѣдствій тѣхъ судовъ, которыя были оставлены ихъ командами, хотя бы самыя суда, въ послѣдствіи, и были спасены. Изъ этого правила допущено только одно исключеніе, а именно — относительно стоявшаго на мели парохода Геркулесъ — этотъ случай авторъ почелъ полезнымъ помѣстить по рѣдкости у насъ пароходныхъ крушеній. Въ Лѣтопись не включены крушенія судовъ Россійской Американской Компаніи, разнаго рода вольнонаемныхъ и всѣхъ судовъ гребнаго флота, ниже фрегатскаго ранга.

Очертивъ такимъ образомъ съ точностію предѣлы своего труда, г. Соколовъ составилъ возможно полное описаніе всѣхъ случаевъ гибели и пожара судовъ Русскаго флота, со времени перваго выхода его въ открытое море въ 1713 году, по 1853 годъ включительно.

Приложенія къ Лѣтописи заключаютъ въ себѣ: полныя выписки статей законовъ, по которымъ производились приговоры надъ лицами, участвовавшими въ крушеніи; списки судовъ и командировъ, претерпѣвшихъ бѣдствія; именной списокъ погибшихъ офицеровъ и число нижнихъ чиновъ, и наконецъ, къ

книгъ приложены, для соображенія при чтеніи, отчетливо сдѣланныя карты: I. Балтійскаго моря съ Ботническимъ заливомъ; II. Финскаго залива; III. Чернаго моря; IV. Азовскаго; V. Бѣлаго; VI. Каспійскаго; VII. Нѣмецкаго моря и Скагеррака, VIII. Категата и IX. Охотскаго и Берингова морей. Однимъ словомъ, въ книгѣ находятся карты всѣхъ морей, на которыхъ происходили описанныя крушенія, то есть, карты всѣхъ морей, окружающихъ Россію.

Общая форма описаній крушеній есть слѣдующая: годъ гибели судна, рангъ его и число орудій, названіе судна, имя командира, море, на которомъ случилось несчастіе, и наконецъ описаніе самаго событія.

Объемъ и степень подробностей, сохраненныхъ въ каждомъ описаніи, зависѣли какъ отъ количества и рода матеріаловъ, такъ и отъ важности и назидательности, для моряка, подробностей самого крушенія.

Относительно вѣныхъ старинныхъ крушеній сохранились въ дѣлахъ только свѣдѣнія о названіи судна, да о годѣ и мѣстѣ его гибели, безъ всякихъ подробностей; а для новѣйшихъ, служили пособіемъ не только всѣ официальные документы, но и словесные рассказы очевидцевъ. Поэтому о нѣкоторыхъ крушеніяхъ въ Лѣтописи помѣщены двѣ, три строки; а описанія другихъ доходятъ до 19 страницъ.

При достаточныхъ матеріалахъ для описанія крушенія, въ Лѣтописи, кромѣ разсказа техническаго морскаго, находится болѣе или менѣе подробный историческій разсказъ о всѣхъ замѣчательныхъ эпизодахъ событія.

Не входя въ разборъ cadaго изъ крушеній, укажемъ на болѣе подробныя ихъ описанія и, въ тоже время, на замѣчательные случаи. Къ числу ихъ принадлежатъ: 1) крушеніе корабля *Ингерманландъ*, погибшаго осенью 1842 года у береговъ Норвегіи, на пути изъ Архангельска въ Кронштадтъ. Здѣсь утонуло, убито и погубло отъ холода и изнуренія 389 человекъ. Оставшіеся въ живыхъ спасены послѣ страшныхъ страданій. Въ

числѣ пассажировъ корабля было нѣсколько женщинъ и дѣтей, увеличивавшихъ еще болѣе ужасъ сценъ, и безъ того ужасныхъ.

2) Крушеніе транспорта *Ньманъ*, погибшаго въ Категатѣ, у береговъ Норвегіи, осенью 1853 года, замѣчательно по отличной распорядительности командира, капитанъ-лейтенанта Шкота, который, при весьма трудныхъ обстоятельствахъ, спасъ всю команду и самъ сошелъ на берегъ послѣднимъ, буквально за *нѣсколько секундъ* до погруженія транспорта на дно моря.

3) Крушеніе цѣлаго отряда военныхъ судовъ, погибшихъ въ январѣ 1848 года, въ Черномъ морѣ, у Новороссійска, событіе замѣчательное по страшной жестокости бури, при морозѣ, доходившемъ до -16° . Чтобы показать каково было положеніе моряковъ при этой битвѣ чловѣка со стихіями, приведемъ нѣсколько строкъ изъ Лѣтописи. «Буря усиливалась, «брызги отъ волненія, замерзая кругомъ и внутри судна, «звывали вездѣ слой толстаго льда; снасти, паруса, шхивы «въ блокахъ, словомъ все оледенѣло; люди, раздѣленные на че- «тыре смѣны, безпрестанно обрубали ледъ, гдѣ и какъ было «только можно. Они переменялись черезъ каждыя *пять ми- «нутъ*; но и въ этотъ краткій промежутокъ, отъ жестокаго мо- «роза, лопаты и топоры падали у нихъ изъ рукъ; ихъ смѣняли «другими, которые успѣвали отогрѣваться и, выходя снова на «ужасную борьбу, изнурялись этою превозмогающею силы че- «ловѣческія работою» (Лѣтоп. стр. 218). Изъ семи судовъ, потерпѣвшихъ при этомъ крушеніе, одно — тендеръ *Струя* — погрузилось на дно со всѣмъ экипажемъ.

4) Крушеніе корабля *Фершампенуазъ*, сгорѣвшаго на Кронштадтскомъ рейдѣ, въ 1831 году. Событіе замѣчательное неосторожностію, которая была причиною пожара, и также самоотверженіемъ и энергическими дѣйствіями лейтенанта (нынѣ вице-адмирала) И. И. фонъ-Шанца.

5) Крушеніе транспорта *Змья*, потонувшаго въ 1828 году въ Черномъ морѣ, у неприятельскаго, Турецкаго, берега; экипажъ

транспорта былъ спасенъ катеромъ *Ласточка*, случайно попавшимъ на мѣсто гибели. Въ продолженіе пятидневнаго пребыванія экипажа транспорта на маленькомъ катерѣ, длиною въ 50 футовъ, тѣснота была такъ велика, что на пространствѣ не болѣе 250 квадратныхъ аршинъ, помѣщалось 25 офицеровъ и до 300 нижнихъ чиновъ, получая весьма скудную порцію провизіи, а воды по полустакана въ сутки на человѣка.

6) Крушеніе брига *Фалкъ*, ставшаго на мель, осенью 1818 года, вблизи Кронштадта, у Толбухина маяка. Весь экипажъ этого брига, исключая двухъ человѣкъ, замерзъ въ продолженіе ночи.

7) Крушеніе брига *Фениксъ*, разбившагося осенью 1831 года, на сѣверномъ берегу Финскаго залива, у острова Юсари, замѣчательно по строгому сохраненію дисциплины и нѣкоторымъ интереснымъ подробностямъ.

8 и 9) Бѣдствія париходовъ: *Архимедъ* и *Геркулесъ*, изъ которыхъ первый потерпѣлъ крушеніе осенью 1850 года, у острова Борнгольма, а второй сталъ на мель у острова Вульфа, близъ Ревеля.

Изъ старинныхъ крушеній подробнѣе другихъ описаны: 1) гибель фрегата *Наталя*, разбившагося осенью 1779 года въ Нѣмецкомъ морѣ, у острова Шкеленга. Командиромъ фрегата былъ извѣстный въ послѣдствіи несчастнымъ сраженіемъ у Балтійскаго порта, Адмиралъ Ханыковъ, дѣйствовавшій при крушеніи фрегата, какъ отличный во всѣхъ отношеніяхъ морской офицеръ.

2) Крушеніе фрегата *Минерва*, погибшаго осенью 1774 года, у сѣвернаго берега Финскаго залива.

Изъ общаго обзора крушеній на разныхъ моряхъ и въ разное время, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ о качествахъ морей, окружающихъ наше отечество, и о состояніи флота. На Балтійскомъ морѣ (особенно въ предѣлахъ Финскаго залива), въ Нѣмецкомъ морѣ, Категатѣ, Скагерракѣ и Зундѣ крушенія судовъ происходили наиболѣе отъ неизвѣстныхъ теченій, которыя имѣютъ пагубное вліяніе въ этихъ тѣсныхъ и

усѣянныхъ мелями и камнями водахъ. На Черномъ морѣ болѣе обыкновенною причиною крушеній была жестокость бурь; на Охотскомъ — недостаточность прочной постройки и хорошаго снабженія и управленія судовъ. Большая часть старинныхъ крушеній происходила главнѣйше отъ недостатковъ, какъ въ постройкѣ, вооруженіи и снабженіи корабля, такъ и въ способахъ кораблевожденія. Но вообще число судовъ, потерпѣвшихъ бѣдствія, весьма не велико, если принять въ расчетъ продолжительность времени, обнимаемаго Лѣтописью, дѣятельность плаваній и общее число всѣхъ судовъ, выходившихъ въ море.

Г. Соколовъ, съ самой строгой акуратностію, исчерпалъ всѣ источники избраннаго имъ предмета. Во время многолѣтней своей работы, онъ внимательно и съ полной опытностію къ подобному занятію пересмотрѣлъ дѣла Главнаго Морскаго Архива въ С. Петербургѣ, портовыхъ архивовъ въ Ревелѣ, Кронштадтѣ, Севастополѣ и Николаевѣ; а свѣдѣнія о крушеніяхъ судовъ въ Охотскомъ и Беринговомъ моряхъ получилъ отъ работывавшаго тамошніе мѣстные архивы доктора Полонскаго.

Работа по первѣмъ источникамъ составляетъ вообще трудъ не легкій; въ настоящемъ же случаѣ она представляла особенную трудность еще потому, что автору необходимо было самому посѣтить упомянутые архивы и заниматься разборкою дѣлъ, хранящихся не всегда въ удобномъ для работъ помѣщеніи и въ такомъ порядкѣ, чтобы можно было при выборѣ дѣлъ вполне положиться на архивныя описи.

Рѣдкое дѣло о крушеніи не заключаетъ въ себѣ огромной массы исписанной бумаги; но авторъ Лѣтописи, пересмотрѣвъ все дѣло, какъ-бы ни было оно огромно, нерѣдко могъ заимствовать изъ него только нѣсколько строкъ. Для примѣра укажемъ на дѣло (Главнаго Морскаго Архива) о крушеніи корабля *Варахамъ*, опрокинувшагося въ Архангельскѣ на Двинскомъ барѣ. Оно составляетъ книгу, листоваго формата, фута въ два толщину; а рассказъ о немъ у г. Соколова занимаетъ одну страницу. Слѣдственное дѣло о пожарѣ парохода *Аракъ* напи-

сано на 1600 листахъ ; а въ Лѣтописи помѣщается на двухъ страницахъ, заключающихъ сущность дѣла и самыя характеристическія его подробности. Подобные примѣры представляютъ многія другія крушенія, вошедшія въ книгу г. Соколова.

Большей части нашихъ моряковъ хорошо извѣстны трудолюбіе и неукоризненная добросовѣстность г. Соколова, который, неограничиваясь архивами, отыскивалъ, гдѣ только могъ, малѣйшіе признаки свѣдѣній, имѣющихъ отношеніе къ избранному имъ предмету, отыскивалъ частныя записки и умѣлъ заставлять рассказывать участниковъ крушенія, иногда весьма неохотно вспоминающихъ о такомъ событіи, какъ гибель судна, на которомъ они служили. Онъ не довольствовался внимательнымъ прочтеніемъ слѣдственныхъ и военносудныхъ дѣлъ о каждомъ крушеніи, для историческаго изложенія событія; но если были какія нибудь постороннія свѣдѣтельства, то критически взвѣшивалъ степень достовѣрности показаній каждаго изъ участниковъ крушенія, смотря по его личности и извѣстнымъ частнымъ обстоятельствамъ. Если сохранился шканечный журналъ разбившагбся судна, то всѣ его курсы, предшествовавшіе крушенію, были проложены авторомъ Лѣтописи на современной, а потомъ и на новѣйшей вѣрной картѣ, взяты въ соображеніе употреблявшіяся тогда средства кораблевожденія, свѣдѣнія о теченіяхъ морскихъ и т. п. и обращено вниманіе на тѣже предметы, уясненные при нынѣшнемъ состояніи науки мореплаванія. Изъ этихъ соображеній выводилъ онъ рассказъ о событіи, совершенно безпристрастно и возможно правдиво.

Смѣло можно сказать, что о крушеніяхъ и пожарахъ судовъ за промежутокъ времени, обнимаемый Лѣтописью, едвали можетъ найтись какое нибудь новое свѣдѣніе, не вошедшее въ книгу г. Соколова.

Лѣтопись крушеній имѣетъ въ морской литературѣ двойное, весьма важное значеніе; во-первыхъ, какъ историческое сочиненіе, исполненное самымъ добросовѣстнымъ образомъ; во-вто-

рыхъ, какъ необходимая для моряка практическая и, могу сказать, назидательная книга.

До сихъ поръ мы не имѣемъ еще не только полной исторіи Русскаго флота, но едва начинаемъ готовить необходимые для нея матеріалы. Въ настоящее время писатель, желающій обработать какой нибудь отдѣльный эпизодъ морской исторіи, если не хочетъ ограничиться слабою компиляціею изъ печатныхъ источниковъ, долженъ самъ для себя изъ архивовъ извлекать всѣ матеріалы. Подготовительныя работы, которыми морская литература обязана Шишкову, Берху, Висковатову, Бестужеву, Крашенинникову, А. Зеленому, Скаловскому и нѣкоторымъ другимъ, весьма малочисленны, по обширности такого предмета, какъ исторія флота. Поэтому такіе труды, какъ Лѣтопись крушеній, составляя фундаментальный матеріалъ для исторіи флота, имѣютъ высокую цѣну. Здѣсь каждая цифра, каждое событіе, служебный порядокъ, современное строеніе, вооруженіе и снабженіе корабля всѣмъ необходимымъ для плаванія, представляютъ для писателя драгоцѣнные готовые матеріалы, а для всякаго любознательнаго моряка любопытныя свѣдѣнія. — Нигдѣ такъ не выказываются достоинства и недостатки всѣхъ отраслей морскаго дѣла и самаго моряка, какъ при гибели судна, когда употребляется вся энергія, всѣ свѣдѣнія, какія только даетъ наука, и испытываются всѣ средства, какія внушаетъ необходимость.

Каждое изъ описаній крушеній и пожаровъ, если позволяли матеріалы, составлено такъ, что морской офицеръ можетъ получить изъ него полное понятіе о событіи и иногда критически оцѣнить какъ образъ дѣйствій лицъ, въ немъ участвовавшихъ, такъ и степень вѣрности взгляда особъ, разбиравшихъ и судившихъ дѣло.

Большая часть рассказовъ Лѣтописи представляетъ читателю особые практическіе приемы или особенное, исключительно свойственное подобному случаю, положеніе моряка и объясняетъ употребленныя при этомъ средства спасенія. Рядъ по-

добныхъ разсказовъ для молодаго офицера безспорно представляетъ лучший учебный курсъ высшей морской практики и одну изъ необходимыхъ справочныхъ книгъ.

Кромѣ научнаго значенія, Лѣтопись не можетъ не имѣть на моряка читателя и служебно-нравственнаго вліянія.

Послѣ описанія гибели судна, является слѣдствіе и судъ: повая, чрезвычайно важная сторона предмета, изученіе которой необходимо для моряка. Читая описанія крушеній, онъ видитъ, что кипучія дѣйствія командира и его подчиненныхъ въ минуту гибели, спокойно и хладнокровно разбираются въ слѣдственной комисіи, гдѣ члены, съ циркулемъ въ рукахъ, размѣряютъ на картѣ путь корабля и съ буквою закона соображаютъ, что командиръ долженъ былъ дѣлать и чего не дѣлать. Приговоръ, строго слѣдуя закону, оправдываетъ или безошадно обвиняетъ участниковъ крушенія. По переходѣ дѣла въ высшую инстанцію, почти всегда начинается смягченіе, въ уваженіе разныхъ облегчительныхъ обстоятельствъ, и наконецъ нерѣдко, если командиръ дѣйствительно былъ больше несчастливъ, чѣмъ виновенъ, Высочайшая власть его милуетъ. Какъ на разительнотрогательный примѣръ, можно указать на гибель брига Ардебиль, перевернувшася (1829 года) на Волгѣ, отъ неосторожности. На немъ погибло семейство командира. На докладъ объ этомъ событіи Государь Императоръ изволилъ написать: узнать подробно, что такое? несчастнаго командира не называть.

Процессъ слѣдствія и суда, повторенный въ вѣсколькихъ десяткахъ разнообразныхъ случаевъ, невольно способствуетъ образованію у молодаго моряка, съ одной стороны строгой обдуманности дѣйствій, не смотря ни на какіе внѣшніе ужасы; а съ другой, не лишаетъ его, въ необходимомъ случаѣ, смѣлости дѣйствовать рѣшительно, хотя бы и рискованно, въ томъ предположеніи, что его побужденія будутъ оцѣняемы не только по буквѣ закона, но и по сердцу человѣческому.

Въ разсказахъ отъ лица автора, сохранена вездѣ точность и

краткость, иногда впадающая даже въ сухость; но это обстоятельство не только не уменьшаетъ заслугу, но напротивъ заставляетъ смотрѣть на трудъ съ особенно выгодной точки. Предназначая свою книгу для употребленія морскихъ офицеровъ, г. Соколовъ, не имѣя притязаній на тѣнь учителя, представляетъ самому читателю изъ хода событія извлекать для себя полезныя наставленія; и отъ своего лица, почти во всей книгѣ, ограничивается только строгимъ изложеніемъ дѣла, допуская иногда, для картинности разсказа, слова очевидца, заимствуемыя изъ печатныхъ источниковъ. Вслѣдствіе подобнаго изложенія, на каждое слово и на каждую цифру, принадлежащую собственно автору Лѣтописи, можно смѣло положиться, какъ на свидѣтельство вѣрнаго документа.

Если при этомъ сочиненіе и потеряло нѣсколько занимательности, то отнесемъ это къ добровольной жертвѣ автора въ пользу науки, а не къ отсутствію таланта. Изъ множества другихъ сочиненій г. Соколова мы знаемъ, что онъ можетъ писать тепло и увлекательно-краснорѣчиво; а при такой канвѣ, каковы крушеніе и пожары судовъ, это было бы особенно легко. Здѣсь талантливое перо безпрестанно можетъ увлекать вниманіе читателя и переводить его отъ трагическихъ сценъ къ самымъ забавнымъ и обратно. При страшномъ событіи крушенія или пожара корабля, съ человѣка спадаетъ всякая искусственная маска и каждый является тѣмъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Въ моментъ бѣдствія высокія и мелкія личности очерчиваются самымъ рельефнымъ образомъ. Здѣсь служитель церкви, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, выходитъ на палубу корабля, погружающагося въ море, чтобы благословить въ послѣдній разъ нѣсколько сотъ человѣкъ, готовящихся къ смерти и черезъ нѣсколько минутъ самъ смывается волнами; на другой страницѣ, личность другаго рода думаетъ, при общей гибели, только о спасеніи своихъ благопріобрѣтенныхъ пожитковъ. Тамъ въ морозную ночь, обливаемые волнами подчиненные, обрекая себя на вѣрную гибель, своими тѣлами покрываютъ и

согрѣваютъ начальника; или на утопающей палубѣ, команда становится во фронтъ по одному слову командира и благодаря строгому порядку, успѣваетъ спастись; а въ другомъ случаѣ ослабленіе дисциплины подаетъ поводъ къ грустнымъ и смѣшнымъ сценамъ.

Исполненіе труда, предпринятаго г. Соколовымъ, по моему мнѣнію, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. За все время отъ перваго выхода Русскаго флота въ море, по 1854 годъ, мы имѣемъ описаніе *всѣхъ* крушеній и пожаровъ. Приложение къ книгѣ именныхъ списковъ, выписокъ изъ законовъ и картъ *всѣхъ* морей, бывшихъ театромъ крушеній, удовлетворяетъ самыя притязанія требованія.

При оцѣнкѣ труда г. Соколова не лишнимъ считаемъ сравнить его съ другими сочиненіями о томъ же предметѣ. На Русскомъ языкѣ мы должны указать на единственное и превосходное *Описаніе замѣчательныхъ кораблекрушеній*, извѣстнаго нашего моряка В. М. Головнина. Первые три части этого труда состоятъ изъ переводовъ съ англійскаго соч. Дункена, а четвертая, составленная самимъ Головнинымъ, заключаетъ въ себѣ описаніе собственно Русскихъ крушеній.

О важности значенія этой книги въ морской литературѣ довольно сказать, что со времени своего появленія въ свѣтъ, въ 1822 году, и до сихъ поръ она составляетъ любимое чтеніе моряковъ и перечитывается ими съ новымъ удовольствіемъ безчисленное множество разъ. Тайна заключается въ удачномъ выборѣ самыхъ интересныхъ крушеній и увлекательномъ разсказѣ, въ которомъ при всякомъ удобномъ случаѣ находятъ дѣльные практическіе и служебные совѣты автора. Но труды Гг. Головнина и Соколова, сходные по предмету, совершенно различны по плану и цѣли. Первый избралъ только *замѣчательнѣйшія* крушенія, и желая въ занимательной книгѣ поучить своихъ сослуживцевъ, блистательно успѣлъ въ своемъ намѣреніи; г. Соколовъ напротивъ занимательность отодвинулъ на второй планъ и написалъ строгое историческое сочиненіе, впол-

нѣ обнимающее избранный предметъ, сочиненіе, въ которомъ, какъ выше замѣчено, каждое слово, каждую цифру онъ можетъ подтвердить подлиннымъ документомъ.

Изъ сочиненій подобнаго рода, на иностранныхъ языкахъ, мы къ сожалѣнію имѣемъ возможность указать только на немногія, находящіяся въ библіотекѣ Гидрографическаго Департамента:

Naufragia or historical memoirs of shipwrecks: by James Stanier Clarke. London 1805 г. 2 тома.

Histoire des naufrages, par Deperthes. Paris 1815 г. 3 тома.

A history of shipwrecks and desasters at sea, from the most authentic sources. London, 1835 г. Описаны въ четырехъ томахъ, 74 крушенія.

Histoire des naufrages célèbres depuis le XV siècle jusqu'à nos jours. Par *Dantreygas.* Paris 1840 года, 2 тома.

Во всѣхъ четырехъ сочиненіяхъ описаны крушенія судовъ всѣхъ народовъ и слѣдовательно отъ нихъ нельзя и ожидать полноты скольконибудь близкой къ Лѣтописи г. Соколова, съ которою имѣетъ нѣкоторое сходство только сочиненіе: *Narrative of shipwrecks of the Royal Navy: between 1793 and 1849. Compiled principally from official documents in the admiralty, by William O. S. Gilly.* Въ этой книгѣ описаны, на 336 страницахъ, 40 крушеній; къ ней приложенъ алфавитный списокъ судовъ, разбившихся, потонувшихъ и проч., съ 1793 по 1850 годъ, съ показаніемъ имени судна, года гибели, числа орудій, имени командира, числа команды, числа погибшихъ и мѣста несчастія.

Значеніе Лѣтописи крушеній еще увеличится, если мы посмотримъ на нее не только какъ на отдѣльное твореніе, но какъ и на часть огромнаго труда г. Соколова — исторіи Русскаго флота. По этому поводу позволяю себѣ, въ самыхъ короткихъ словахъ, представить вниманію Академіи одинъ лишь перечень трудовъ г. Соколова, направленныхъ къ одной общей цѣли. Не было кажется предмета, имѣющаго связь съ морскимъ

дѣломъ, на который авторъ Лѣтописи не обратилъ бы своего вниманія.

По исторіи гидрографіи г. Соколовымъ обработаны, большею частью по подлиннымъ журналамъ и другимъ официальнымъ источникамъ, почти всѣ наши Русскія съемки, старинныя и новѣйшія, оставшіяся по разнымъ причинамъ не изданными. Дѣятельность его особенно обратилась на любопытныя и большею частію мало извѣстныя или совсѣмъ неизвѣстныя гидрографическія работы на Каспійскомъ морѣ и у береговъ Сибири. Собственно Каспійскому морю посвященъ рядъ статей, заключающихъ въ себѣ свѣдѣнія о замѣчательныхъ плаваніяхъ, бывшихъ до начала съемки, и потомъ исторической обзоръ всѣхъ съемокъ. Къ этимъ статьямъ относятся: очеркъ исторіи путешествій по Каспійскому морю до начала на немъ гидрографическихъ работъ; плаваніе по Каспійскому морю Генве, Ельтона и Вудруфа 1732—1744 года; первая опись Каспійскаго моря и описи его съ начала осьмнадцатаго вѣка по настоящее время. Все это по большей части капитальныя статьи, обнимающія собою вполне избранный предметъ. Замѣчательнѣйшимъ въ свое время результатомъ описи была карта Каспійскаго моря, посланная въ 1721 году Государемъ Петромъ Великимъ Парижской Академіи. Изъ частныхъ описаній Каспія можно указать на обзоръ Карабогазскаго залива съ картою; Апшеронскій полуостровъ; восточный берегъ Каспійскаго моря, съ двумя картами; Аграханскій заливъ, и рѣка Кура.

При обработкѣ съемокъ на сѣверномъ и восточномъ берегахъ Сибири, г. Соколовъ принесъ большую пользу географіи. Труды его по этому предмету суть: Берегъ Ледовитаго моря между рѣками Обью и Оленекомъ, по съемкѣ 1734—1742 г., съ 2 картами. — Опись береговъ Сѣвернаго Океана отъ Каннина до Обдорска, штурмановъ Иванова и Бережныхъ, съ 2 картами. — Опись береговъ Ледовитаго моря, Анжу. — Карта Чукотской земли, составленная Плениснеромъ, въ 1763 г. — Западный берегъ Камчатки по описямъ Ильина и Скрипова 1830 —

1835 г. съ картою. — Сѣверный берегъ Охотскаго моря, по картѣ Шаховскаго 1817 — 1819 года. — Рѣка Анадырь по описанью Лаптева и Плениснера 1742—1773 года. — Рѣка Мѣдвая, по описи Серебрянникова, 1847—48 г. — Гавань Константиновская; два новооткрытыхъ острова въ Охотскомъ морѣ, и все это покрывается замѣчательнѣйшимъ большимъ сочиненіемъ: Сѣверная Экспедиція 1733—43 г.

По одному только краткому перечню этихъ трудовъ можно судить, какъ велика была бы заслуга писателя, исполнившаго ихъ даже и весьма посредственно; но г. Соколовъ, при своемъ трудолюбіи и талантѣ, совершенно возсоздалъ эти работы. По матеріаламъ далеко не совершеннымъ, не рѣдко отрывочнымъ; по запискамъ, веденнымъ иногда болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до настоящаго времени, людьми необразованными; по наблюденіямъ, сдѣланнымъ несовершенными старинными инструментами, г. Соколову надобно было составлять карты съемоковъ, критически разбирать достовѣрность каждаго показанія, рыться въ учебныхъ курсахъ современныхъ съемкамъ, чтобы добраться до какого нибудь темнаго выраженія или изучить способы и инструменты, употреблявшіеся съемщикомъ. Непонятное описаніе камня или растенія, сдѣланное человѣкомъ, не имѣвшимъ понятія о минералогіи и ботаникѣ, заставляло его обращаться къ людямъ спеціальнымъ и наконецъ добиваться до истины. Работы г. Соколова измѣнили на географическихъ картахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очеркъ берега, и, какъ на болѣе замѣтный примѣръ можно указать на Таймурскій полуостровъ.

Обращаясь къ описаніямъ мѣстностей, мы должны упомянуть о нѣсколькихъ большихъ статьяхъ, заключающихъ въ себѣ подробнѣйшее во всѣхъ отношеніяхъ описаніе Астраханскаго порта, начиная съ основанія его и до послѣдняго времени; о двухъ статьяхъ, посвященныхъ описанію Охотскаго порта и о небольшомъ описаніи срединныхъ острововъ Финскаго залива.

Главная заслуга г. Соколова принадлежитъ собственно

морской исторіи. Какъ, для составленія карты какой нибудь мѣстности, первоначально избирають и опредѣляютъ нѣсколько важнѣйшихъ точекъ, такъ и г. Соколовъ, до составленія полной исторіи Русскаго флота, написалъ рядъ сочиненій, изъ которыхъ каждое представляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ своего времени и обрисовываетъ тогдашнее состояніе флота и его дѣятелей. Назовемъ сначала однѣ капитальныя статьи: Морскія компаніи 1715—21 годовъ; Русскій флотъ при кончинѣ Петра Великаго 1725 года; Морскіе походы противъ Шведовъ 1742—43 годовъ; Архипелагскія кампаніи 1769—1774 годовъ; Морскія компаніи 1789—1799 годовъ; Описание двукратной экспедиціи Чичагова, для открытія Сѣверовосточнаго пути въ Америку, предпріятой на основаніи проекта Ломоносова. — Каждое изъ этихъ сочиненій обработано въ возможной полнотѣ и даже, можно выразиться, съ роскошью свѣдѣній; такъ напримѣръ, при описаніи кампаніи, авторъ, гдѣ была возможность, приводитъ въ какую сумму она обошлась государству — обстоятельство весьма важное, которое даетъ вѣрную точку зрѣнія для оцѣнки важности результатовъ кампаній. Къ этимъ капитальнымъ статьямъ надо прибавить другія меньшія, наполняющія пробѣлы между ними. Сюда относятся: Первый походъ на Азовское море 1699 г.; неизданныя письма Петра Великаго къ Графу Ѳ. М. Апраксину; морскіе журналы Наума Синявина 1705—12 годовъ; судъ надъ вице-адмираломъ Крюкомъ; экспедиція Графа Войновича къ восточному берегу Каспійскаго моря; первый яхтъ-клубъ въ Россіи; Гангеудская битва 1714 года; церемоніаль о вывозѣ ботика Дѣдушки Русскаго флота; первый походъ Русскихъ въ Америку 1732 года; о началѣ морскаго корпуса; документы о Чесменской битвѣ; донесенія и письма адмирала Мордвинова Князю Потемкину 1787—8 гг.; распоряженія и предположенія Князя Потемкина объ устройствѣ Черноморскаго флота и города Николаева; Гохландская морская битва 1788 годъ; исторія морскихъ сигналовъ. — Однимъ словомъ, г. Соколовъ, уже столько сдѣ-

лагъ для исторіи Русскаго флота, что одна компиляція изъ его трудовъ можетъ составить довольно полную исторію. По части морской библіографіи заслуга г. Соколова не оцѣнима, для всѣхъ настоящихъ и будущихъ дѣятелей нашей морской литературы и даже для всякаго любознательнаго моряка. Г. Соколовъ одинъ, безъ всякой помощи, составилъ *возможно-полную библіографію* всѣхъ Русскихъ морскихъ книгъ, въ которой, кромѣ заглавія книги, описано въ короткихъ словахъ ея содержаніе и указано на разныя изданія и на другія библіографическія подробности. Г. Соколовъ описалъ такимъ образомъ всѣ печатныя морскія книги и хранящіяся въ извѣстныхъ библіотекахъ рукописи, съ самаго начала ихъ появленія, до послѣдняго времени. Кромѣ этого г. Соколовъ составилъ изъ Русскихъ періодическихъ изданій за нѣсколько лѣтъ указатель статей, касающихся мореплаванія, и издалъ шесть томовъ Записокъ Гидрографическаго Департамента.

По справедливости можно сказать, что все, относящееся до мореплаванія, обращало на себя вниманіе г. Соколова и служило предметомъ его занятій. Онъ пишетъ ученые замѣчанія объ измѣненіяхъ уровня Каспійскаго моря, отыскиваетъ въ Архивѣ забытый проэктъ Ломоносова о сѣверо-восточномъ пути въ Америку. Найдя рукопись въ искаженной дурной копіи, онъ изучаетъ грамматику Ломоносова и возстановляетъ орфографію подлинника. Къ сожалѣнію, необходимо прибавить, что эта замѣчательная находка прошла въ нашей литературѣ незамѣченною. Тотъ же Соколовъ пишетъ о Русскихъ морякахъ и поэтахъ, собираетъ морскія пѣсни, предлагаетъ и начинаетъ собирать мѣстныя старинныя, маловзвѣстныя Русскія морскія слова, говоритъ объ изданіи морскаго словаря, собираетъ коллекцію портретовъ Русскихъ и иностранныхъ моряковъ и т. п. Все это одинъ человекъ, безъ особенныхъ средствъ и только въ послѣднее время поддержанный и согрѣтый тѣмъ свѣтлымъ лучемъ, которой живить и грѣетъ все трудящееся, для пользы Русскаго флота.

Всѣ труды г. Соколова, несмотря на ихъ кажущееся разнообразіе, суть части одного стройнаго цѣлаго будущей исторіи Русскаго флота; поэтому, разбирая заслугу, оказанную однимъ отдѣльнымъ сочиненіемъ, мы не могли не указать на полное цѣлое.

Не забывая въ авторѣ чловѣка, грустно сказать, что такіе громадныя труды были куплены дорогою цѣною здоровья, совершенно разстроеннаго чрезмѣрнымъ трудолюбіемъ.

Обширность и польза трудовъ г. Соколова по всѣмъ отраслямъ исторіи Русскаго флота и несомнѣнныя достоинства и важное, въ ученой морской литературѣ, значеніе составленной имъ *Лѣтописи крушеній и пожаровъ*, безъ сомнѣнія удостоятся обратитъ на себя благосклонное вниманіе Императорской Академіи Наукъ и, по мнѣнію моему, заслуживаютъ полной Демидовской преміи.

ПЕРЕЧЕНЬ СОЧИНЕНІЙ А. П. СОКОЛОВА.

Каспійское море:

- Замѣтки о Каспійскомъ морѣ. Записки Гидрографическаго Департамента, Ч. III. стр. 169—208; Ч. IV. стр. 102—128; Ч. V стр. 111—189. Съ 2 карт.
- Измѣненіе уровня Каспійскаго моря. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VI. стр. 1—54. Съ картою.
- Обзоръ Каробогазскаго залива. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VI. стр. 81—91. Съ картою.
- Апшеронскій полуостровъ Каспійскаго моря. Зап. Гидр. Д-та. Ч. VII. стр. 213—224.
- Восточный берегъ Каспійскаго моря. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VIII. стр. 239—260. Съ 2 картами.
- Аграханской заливъ Каспійскаго моря. По запискамъ Басаргина и Фонъ-Флотова, 1825 и 1845 годовъ. Зап. Гидр. Д-та, Ч. IX. стра. 162—169.
- Рѣка Кура. По описанью Коробки и Зеленаго, 1814—1846 годовъ. Зап. Гидр. Д-та, Ч IX. стр. 169—180.
- Опись Каспійскаго моря, съ начала осьмнадцатаго вѣка по настоящее время. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 1—69. Съ картою.
- Дворецъ Петра Великаго въ Астрахани. Морской Сборникъ. Т. III. стр. 108—113.
- Начало Астраханскаго порта. М. Сб. Т. II. стр. 108—113.
- Астраханскій портъ съ 1725 по 1781. М. Сб. Т. II. стр. 466—474.
- Астраханскій портъ съ 1783 по 1827. М. Сб. Т. V. стр. 1—18.
- Первая опись Каспійскаго моря. М. Сб. Т. IV. стр. 69—71.
- Экспедиція Графа Войновича къ восточному берегу Каспійскаго моря. М. Сб. Т. IV. стр. 227—236.
- Очеркъ исторіи путешествій по Каспійскому морю, до начала на немъ гидрографическихъ работъ. М. Сб. Т. XI. стр. 44.

Плаваніе по Каспійскому морю Генве, Ельтона и Вудруфа. 1732—1744 годъ. М. Сб. Т. XIX. стр. 28.

Астрахань въ ея прошломъ и настоящемъ — отдѣльный оттискъ 111 стран.

Азовское море:

Первый походъ на Азовское море, 1699. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VIII. стр. 367—394.

Финскій заливъ:

Срединные острова Финскаго залива. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 201—209.

Сѣверный океанъ и Ледовитое море:

Опись береговъ Сѣвернаго океана, отъ Капина Носа до Обдорска, Штурмановъ Иванова и Бережныхъ. Зап. Гидр. Д-та, Ч. V. стр. 110. Съ 2 картами.

Прозекъ Ломоносова и Экспедиція Чичагова. Зап. Гидр. Д-та, Ч. V. стр. 240—251.

Гавань Константиновская и два новооткрытые острова въ Охотскомъ морѣ. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VI. стр. 92—99. Съ 2 карт.

Разныя свѣдѣнія относящіяся до экспедиціи Чичагова. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VI стр. 100—141, Ч. IX. стр. 108—147.

Опись береговъ Ледовитаго моря, произведенная подъ начальствомъ г. Анжу, въ 1821—23 годахъ. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VII. стр. 117—213. Съ 2 рисунками.

Берегъ Ледовитаго моря, между рѣкъ Оби и Оленека. По съемкѣ 1734—1742 годовъ. Записки Лейтенанта Лаптева и другихъ писателей. Зап. Гидр. Д-та, Ч. IX. стр. 1—77. Съ 2 карт.

Первый походъ Русскихъ въ Америку, 1732 года. Зап. Гидр. Д-та, Ч. IX. стр. 78—107.

Охотскъ по запискамъ Савина, 1846 года. Зап. Гидр. Д-та, Ч. IX. стр. 148—161. Съ 2 картами.

Сѣверная экспедиція 1733—43 годовъ. Зап. Гидр. Д-та, Ч. IX. стр. 190—469. Съ 5 картами.

Экспедиція къ Алеутскимъ островамъ, Капитановъ Креницына и Левашева, 1764—69 г. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 70—103.

Карта Чукотской земли, составленная Плениснеромъ, въ 1763 г. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 118—123.

Западный берегъ Камчатки, по описямъ Ильина и Скрыпова, 1830 и 1835 годовъ. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 124—155. Съ картою.

- Сѣверный берегъ Охотскаго моря, по картѣ Лейтенанта Шаховскаго. 1817—1819 г. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 156 — 162.
- Рѣка Анадырь, по описямъ Лаптева и Пленнснера, 1742 и 1773 г. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 163 — 166.
- Рѣка Мѣдная, по описи Серебренникова, 1847 — 8 г. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 167—177.
- Свѣдѣнія о Чукчахъ, Капитана Шишмарева, 1821 года. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 201—209.
- Начало Охотска. М. Сб. Т. III. стр. 568—570.
- Ломоносова «Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго прохода Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію. С.-П.-б. 1847. стр. 150. — Въ 1854 году, г. Соколовъ издалъ дополнительную сюда статью подъ заглавіемъ: Проектъ Ломоносова и экспедиція Чичагова. Стр. 6.

Исторія:

- О началѣ Морскаго Корпуса. Зап. Гидр. Д-та, Ч. IV. стр. 312—319.
- Морскіе походы противъ Шведовъ 1742 и 1743 годовъ. Зап. Гидр. Д-та, Ч. V. стр. 252—330. Съ 2 картами.
- Русскій флотъ при кончинѣ Петра Великаго, 1725 года. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VI. стр. 254—329.
- Архипелагскія кампаніи 1769—1774 годовъ. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VII. стр. 230—406. Съ 4 картами.
- Морскія кампаніи 1789 и 1799 годовъ. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VIII. стр. 275—366.
- Морскіе журналы Наума Акимовича Сенявина, 1705 — 12. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 326—359.
- Донесенія и письма Адмирала И. С. Мордвинова Князю Потемкину и секретарю его, 1787 — 8 г. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 360 — 390.
- Сулъ надъ Вице-Адмираломъ Крюйсомъ. М. Сб. Т. II. стр. 57—74.
- Гогландская морская битва 1788 года. М. Сб. Т. II. стр. 327—346.
- Первый яхтъ-клубъ въ Россіи. М. Сб. Т. II. стр. 377—389.
- Гангуддская битва 1714 г. М. Сб. Т. IV. стр. 485—498.
- Морскія кампаніи 1715—21 годовъ М. Сб. Т. V. стр. 273—314.
- Документы о Чесменской битвѣ. М. Сб. Т. IX. стр. 474—483.
- Церемоніалъ вывоза Ботика Дѣлушки изъ крѣпости къ Невскому монастырю. М. Сб. Т. X. стр. 1—7.

- Археологическія морскія изысканія: 1, О каравеллахъ Колумба; 2, Металлическая обшивка. М. Сб. Т. X. стр. 115—122.
Исторія Русскаго флота. Краткій взглядъ. М. Сб. Т. XI. стр. 44.
Незданныя письма Петра Великаго, графу Ф. М. Апраксину. М. Сб. Т. XIX. стр. 31.
Распоряженія и предположенія Князя Потемкина Таврическаго, объ устройствѣ Черноморскаго флота и города Николаева. М. Сб. Т. XIX. стр. 16.
Морскіе сигналы. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 434—484.
Дополненіе къ исторіи морскихъ сигналовъ, напечатанной въ X части Зап. Гидр. Д-та. М. Сб. Т. XX. стр. 17.

Биографія:

- Адмиралъ Ноульсъ. М. Сб. Т. II. стр. 509—527.
Смерть Нельсона. М. Сб. Т. IV. стр. 129—140.
Хвостовъ и Давыдовъ. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 390—433.
Хвостовъ и Давыдовъ. Прибавленіе къ предъидущей статьѣ. М. Сб. Т. IX. стр. 4.
Муловскій. М. Сб. Т. IX. стр. 358—362.
Бригадиръ Михаилъ Леонтьевичъ Фалѣевъ. М. Сб. Т. XVII. стр. 14.
Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ. М. Сб. Т. XVII. стр. 9.

Смѣсь:

- О сохраненіи дѣсныхъ матеріаловъ въ Россіи. М. Сб. Т. I. стр. 321 — 322.
Русскіе моряки и поэты. М. Сб. Т. I. стр. 197—216.
О морскомъ словарѣ. М. Сб. Т. I. стр. 357—367.
Самовозгараніе сажн. Старинное дѣло. М. Сб. Т. I. стр. 450—452.
Французскіе морскіе словари. М. Сб. Т. II. стр. 261—271.
Русская бібліотека въ Америкѣ. М. Сб. Т. IV. стр. 34—39.
Glossaire Nautique Жала. М. Сб. Т. IV. стр. 155—164.
Французскій военный флотъ въ 1852^д году. Мор. Сб. Т. IX. стр. 136 — 143.
Отчетъ о занятіяхъ въ Черноморскихъ архивахъ. М. Сб. Т. X. стр. 330—348; 612—659.
Русскія морскія пѣсни. М. Сб. Т. XII. стр. 43.
Собраніе мѣстныхъ, старинныхъ и малозвѣстныхъ Русскихъ морскихъ словъ. М. Сб. Т. XI. стр. 4.

Библиографія:

- Русская морская бібліотека: — Періодъ I: Царствованіе Петра Великаго. Зап. Гидр. Д-та, Ч. V. стр. 421 — 446; Періодъ II:

Отъ кончины Петра I до вступленія на престолъ Екатерины II. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VI. стр. 443 — 448; Періодъ III: Царствованіе Екатерины II и Павла I. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VII. стр. 402—483; Періодъ IV: Царствованіе Императора Александра I. Зап. Гидр. Д-та, Ч. VIII. стр. 395 — 514; Періодъ V: Царствованіе Николая I. Зап. Гидр. Д-та, Ч. IX. стр. 470 — 621; Заключеніе. Зап. Гидр. Д-та, Ч. X. стр. 485 — 656.

Книги, вышедшія въ 1846, 7, 8, 9, 50, 51 годахъ: Зап. Гидр. Д-та, Ч. V. стр. 447 — 453; Ч. VI. стр. 449 — 455; Ч. VII. стр. 484—487; Ч. VIII. стр. 515—519; Ч. IX. стр. 622—628; Ч. X. стр. 657—663.

Указатель статей, касающихся мореходства, въ Русскихъ періодическихъ изданіяхъ: 1846, 7, 8, 9, 50, 51 годовъ. Зап. Гидр. Ч. V. стр. 454—474; Ч. VI. стр. 456—473; Ч. VII. стр. 488—500; Ч. VIII. стр. 520—536; Ч. IX. стр. 629 — 637; Ч. X. стр. 664—692.

Въ рукописи:

Матеріалы для исторіи Петра Великаго.

Матеріалы для исторіи Штурманскаго училища, отъ переименованія изъ бывшаго Морскаго Корпуса въ Херсонъ, основаннаго и существовавшаго при Князь Потемкинъ-Таврическомъ, въ 1798 году, по 1827 годъ.

Матеріалы для исторіи вооруженнаго нейтралитета.

Матеріалы для исторіи Шведской и Турецкой войнъ (1787—1791).

Исторія построенія Ревельскаго порта.

Матеріалы для исторіи Николаева.

Матеріалы для исторіи построенія Севастополя.

Подробнѣйшее жизнеописаніе Капитана Казарскаго.

Продолженіе и дополненіе библиографическихъ изслѣдованій морской ученой литературы.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г. ЦЕНКОВСКАГО

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

О НИЗШИХЪ ВОДОРОСЛЯХЪ И ИНФУЗОРИЯХЪ,

ОСТАВЛЕННЫМЪ

АКАД. РУПРЕХТОМЪ.

Первоначальное развитіе различныхъ, живущихъ въ прѣсной водѣ, низшихъ растений, имѣетъ часто такъ много сходства съ таковымъ же процессомъ у низшихъ животныхъ, что недавно еще были наблюдатели, вѣрившіе въ такъ-называемое перерожденіе водорослей. Они думали, что одноклѣтчатые водоросли могутъ превращаться иногда въ наливочныхъ животныхъ, а при другихъ обстоятельствахъ въ лишай и даже мхи. Но теперь положительно извѣстно, что это ученіе, основанное въ 1820 г., произошло отъ неточности наблюдений и заключеній, и что такого превращенія не происходитъ, не только въ границахъ семействъ, но даже родовъ и видовъ, что организмы, стоящіе на границахъ обоихъ царствъ, имѣютъ свои особенныя, опредѣленныя морфологическія измѣненія. Преслѣдованіе этихъ измѣненій бываетъ впрочемъ такъ трудно, что безъ точныхъ наблюдений легко впасть въ погрѣшность и принять за тождественное то, что въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ различнымъ организмамъ.

Низшіе, прѣсноводные водоросли представляютъ въ продолженіе ихъ жизни замѣчательное явленіе. Внутри ячеекъ, изъ которыхъ они состоятъ, развиваются тѣла, очень похожія на инфузорій, движущихся по самымъ разнообразнымъ направленіямъ въ продолженіе цѣлыхъ часовъ и даже дней, и снабженныхъ рѣсничками и красными, похожими на глаза, точками. Но вскорѣ рѣснички пропадають, движеніе прекращается, тѣла падаютъ на дно сосудовъ, одѣваются клѣтчатой оболочкою, которой прежде не имѣли, и проростая превращаются въ настоящія растенія

опредѣленнаго вида. Затѣмъ слѣдуетъ повтореніе описанныхъ явленій.

Первыя наблюденія сдѣланы были съ 1805 г. Мертенсомъ и Трентеполемъ, въ послѣдствіи Тревиранусомъ, Агардомъ и др.; но прошло много времени, пока всѣ эти явленія подтвердились новыми наблюденіями и были вполне приняты. Но вмѣстѣ съ этимъ возникъ вопросъ о границахъ растительнаго и животнаго царства, вызвавшій множество новыхъ наблюденій, между которыми наблюденія профессора Ценковскаго занимаютъ почетное мѣсто, потому-что освѣщаютъ этотъ вопросъ съ многихъ сторонъ. Дѣйствительно во всемъ сочиненіи ясно выражается мысль автора разъяснить этотъ загадочный вопросъ, для чего избрано два надежныя средства: во 1) изученіе исторіи развитія простѣйшихъ организмовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе ясныя слѣды растительнаго или животнаго происхожденія, и 2) критическій разборъ тѣхъ признаковъ, которыми до-сихъ-поръ стараются разграничивать оба царства.

Главная часть сочиненія посвящена изученію исторіи развитія нитчатокъ и одноклѣтчатыхъ водорослей: 1) *Sphaeroplea annulina*, 2) *Zygnema*, движущіяся клѣточки въ *Spirogyra*'хъ, 3) *Protococcus botryoides*, 4) *Achlya prolifera*, 5, 6) *Vaucheria sessilis* и *dichotoma*, 7) *Hydrogastrum granulatum*, 8) *Chlamydococcus pluvialis* и *Chlamydomonas pulvisculus*, 9) *Chlorogonium euechlorum*, 10) *Volvox globator*.

Во второмъ отдѣленіи разсматриваются рѣсничныя инфузоріи: *Nassula ambigua*, *Stylonychia*, *Kolpoda* и прочее. Наконецъ нѣкоторыя *Rhizopoda*, какъ напр. *Podophrya*, *Acineteta*, *Амoeba* и другія.

Ограничиваясь разборомъ одноклѣтчатыхъ водорослей и нитчатокъ, мы скажемъ, что имѣли случай видѣть нѣкоторыя изъ наблюденій г. Ценковскаго и убѣдиться въ ихъ точности. Сочинитель, какъ опытный наблюдатель низшихъ органическихъ формъ, сдѣлался извѣстенъ открытіемъ замѣчатель-

наго процесса развитія органическихъ существъ внутри крахмальныхъ зеренъ.

Должно однако замѣтить, что нѣкоторыя изъ этихъ наблюдений не полны и что на основаніи ихъ сдѣланы заключенія слишкомъ рѣшительныя, въ пользу того образа воззрѣнія, котораго держится сочинитель.

Во вступленіи авторъ подвергаетъ критикѣ признаки, служившіе для разграниченія животнаго и растительнаго царствъ. Движеніе не можетъ быть отличительною чертою между двумя царствами, потому что понятія о произвольномъ движеніи, приписываемомъ исключительно животнымъ, въ отличіе отъ непроизвольнаго, замѣчаемаго у растеній, еще весьма сбивчивы. Мерцательныя движенія слизистыхъ оболочекъ, открытыя г. Пуркинѣ въ 1835, и подобное движеніе рѣсничекъ на поверхности большихъ зооспоръ въ Вошеріяхъ служатъ неоспоримымъ доказательствомъ т. н. механическаго движенія. Далѣе рѣснички инфузорій, которымъ подобныя открыты теперь во всѣхъ зеленыхъ и оливковыхъ водоросляхъ (*Chlorophyceae*, *Melaporphyceae*), должны быть причислены къ этой же категоріи. Движенія зооспоръ у водорослей и сперматозоидовъ у высшихъ тайнобрачныхъ, такъ живы и разнообразны, что не могутъ быть отличены отъ произвольнаго.

Мнѣніе, что въ животныхъ происходитъ окисляющіе процессы, въ растеніяхъ раскисляющіе, также не можетъ быть принято, потому что растенія, содержащія хлорофилъ, въ отсутствіи свѣта поглощаютъ кислородъ, подобно грибамъ и чужероднымъ растеніямъ, у которыхъ процессъ этотъ отъ свѣта не зависитъ. Съ другой стороны зеленыя инфузоріи: *Loxodes Bursaria*, *Euglena viridis* и др. выдыхаютъ кислородъ. Но можетъ быть, что *Astoma apentera* будутъ признаны со временемъ за растенія, и что характеръ животныхъ, основанный Эренбергомъ на присутствіи рта, будетъ снова возобновленъ.

Хотя отсутствіе хлорофила и крахмала у животныхъ также отвергается, какъ признакъ для различія ихъ отъ растеній,

однако этотъ признакъ еще можетъ быть удержанъ въ нѣкоторыхъ границахъ. Ткань грибовъ, состоящая изъ бассорина и не обнаруживающая признаковъ клѣтчатки при дѣйствіи обыкновенныхъ, для сего употребляемыхъ реактивовъ, и присутствіе клѣтчатки въ спанчѣ Туникатовъ, какъ это замѣтили Шмидтъ и Келликеръ, не препятствуетъ пользоваться этимъ признакомъ въ другихъ отдѣлахъ. Такимъ образомъ всѣ группы прѣсноводныхъ водорослей заключаютъ хлорофилъ и часто крахмалъ, а присутствіе клѣтчатки въ *Volvocineae* и *Monadineae*, открытое Кономъ и Шахтомъ, было именно причиною, по которой сочинитель, слѣдуя примѣру Зибольда, причисляетъ эти существа къ одноклѣтчатымъ водорослямъ. Только весьма не многіе роды, принятые теперь за инфузоріи, окрашены зеленымъ цвѣтомъ.

Большая часть инфузорій одарены сокращаемостію; въ растеніяхъ это свойство существуетъ, но въ гораздо меньшей степени. Это же придаетъ особенное значеніе этому признаку и помѣщаетъ *Euglena viridis* въ число растений, въ особую группу, куда относятся *Pandorina*, *Volvox*, *Chlamydomonas*, *Gonium*. Въ послѣднихъ двухъ Коиъ рѣшительно замѣтилъ сокращеніе маленькихъ пустотъ (*vacuolae*). Г. Ценковскій (стр. 6) замѣтилъ, что *pseudogonidia* въ *Spirogyra*хъ имѣютъ способность сокращаться и расширяться. *Spirogyrae* рѣшительно принадлежатъ къ растеніямъ и потому этотъ признакъ не можетъ быть препятствіемъ къ признанію за ними растительнаго характера.

Изъ всего этого сочинитель выводитъ заключеніе, что всѣ разсмотрѣнные признаки не могутъ служить для рѣзкаго разграниченія обонхъ царствъ и что водоросли и инфузоріи представляютъ непрерывный рядъ переходовъ. Но это заключеніе основано болѣе на умозаключеніи и не оправдывается рѣзкимъ разграниченіемъ наблюдаемыхъ г. Ценковскимъ организмовъ. Напротивъ, его наблюденія способствовали къ разъясненію этой границы, въ чемъ и состоитъ одна изъ заслугъ его.

Нельзя оставить безъ вниманія строгое и несправедливое суж-

деніе автора объ Эренбергѣ, когда онъ говоритъ, что Эренбергъ *дѣйствовалъ чрезвычайно пазубно на успѣхи науки*. Надобно вспомнить то время, въ которое Эренбергъ началъ свои изысканія (когда почти не было точныхъ наблюденій и рисунковъ низшихъ организмовъ), чтобъ судить о его заслугахъ на этомъ поприщѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ во многомъ ошибался, какъ показали послѣдующія наблюденія, и что многіе организмы, причисленные имъ къ животнымъ, теперь рѣшительно принимаются за растенія. Но никто не сомнѣвается, что онъ ошибался не съ намѣреніемъ, а въ такомъ случаѣ не заслуживаетъ сдѣланнаго ему упрека, тѣмъ болѣе, что точныя наблюденія и изображенія Эренберга позволяютъ съ ясностію опредѣлить тѣ организмы, которые онъ относилъ къ животному царству.

Въ заключеніе должно сказать, что наблюденія профессора Ценковскаго, не смотря на неполноту, составляютъ весьма отрадное явленіе въ русской литературѣ, какъ первый опытъ точнаго описанія низшихъ организмовъ, и потому заслуживаютъ по крайней-мѣрѣ почетнаго отзыва, если комиссія не признаетъ возможнымъ присудить ему второстепенную премію.

РАЗБОРЪ

2-го и 3-го отдѣловъ

СОЧИНЕНІЯ

Г. ЦЕНКОВСКАГО:

О НИЗШИХЪ ВОДОРΟΣЛЯХЪ И ИНФУЗОРИЯХЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

Д-РОМЪ Ф. И. ВЕЙССЕ.

Лишь въ новѣйшее время положено начало изслѣдованіямъ, съ помощью микроскопа, тѣхъ многоразличныхъ явленій развитія, которыя, незамѣтно для безоружнаго глаза, совершаются въ низшихъ сферахъ обоихъ органическихъ царствъ, животнаго и растительнаго, и уже на этомъ полѣ наблюденія сдѣлано столько неожиданныхъ открытій, что даже послѣднія грани, доселѣ по общему мнѣнію отдѣлявшія оба царства одно отъ другаго, здѣсь въ первыхъ начаткахъ органической жизни какъ бы видимо распадаются передъ нашими глазами. Слѣдуя этому направленію микроскопическихъ изслѣдованій, г. Ценковскій посвятилъ цѣлый рядъ годовъ таковымъ копотливимъ наблюденіямъ и сообщаетъ результаты ихъ въ вышепоименованномъ сочиненіи. Усиліе его клонится къ тому, чтобы доказать совершенное равенство самыхъ раннихъ фазисовъ развитія въ обоихъ царствахъ природы. На этотъ конецъ онъ подвергалъ значительное число низшихъ растений и инфузорій продолжительнымъ и выполненнымъ съ большою настойчивостью наблюденіямъ. Избранные имъ для того организмы онъ приводитъ въ слѣдующихъ группахъ: 1) нитчатки и одноклѣтчатая водоросли, къ каковымъ онъ, слѣдуя новѣйшимъ писателямъ, причисляетъ также монады и вольвоцины; 2) инфузоріи съ рѣсницами и 3) такъ называемые рипоподы Дюжарлена.

Изъ этихъ трехъ отдѣловъ сужденію моему, вызванному Академіею, подлежатъ только два послѣдніе. Но прежде чѣмъ я приступлю къ исполненію этого почетнаго для меня вызова, я не могу не сказать нѣсколько словъ объ одной выходкѣ, которую г. авторъ сдѣлалъ въ своемъ предисловіи (стр. II.) противъ профессора Эренберга въ Берлинѣ. Къ сожалѣнію, между естество-испытателями новѣйшаго времени вошло какъ бы въ обычай огорчать этого, столь заслуженнаго ученаго слишкомъ рѣзкими сужденіями по-поводу нѣкоторыхъ изъ его физиологическихъ толкованій микроскопическихъ предметовъ. И г. Ценковскій также, въ приведенномъ нами мѣстѣ своего предисловія, увлекся къ такой выходкѣ. По истинѣ прискорбно видѣть въ печати подобныя приговоры о такомъ наблюдателѣ, каковъ Эренбергъ. Онъ, который выполнилъ своими несравненными наблюденіями пробѣлъ, образовавшійся въ наукѣ объ инфузоріяхъ со временъ Оттона Фридриха-Мюллера т. е. въ теченіе 50 лѣтъ, и возбудилъ ученыхъ къ дальнѣйшему развитію этой, дотолѣ столь пренебреженной отрасли естествознанія, по словамъ г. Ценковскаго, чрезвычайно пагубно дѣйствовалъ на успѣхи науки, потому-что инныя объясненія видѣнныхъ имъ самымъ явленій, — хотя бы и не безъ основанія — не понравились другимъ естествоиспытателямъ. Еслибы Эренбергъ не выступилъ на поприще съ своимъ большимъ твореніемъ объ инфузоріяхъ, то какъ далеко отставали бы мы еще до-сихъ-поръ въ нашихъ познаніяхъ о незримомъ мірѣ наималѣйшихъ существъ.

Г. Ценковскій поставилъ себѣ особенную задачу: прослѣдить у инфузорій образованіе *цисты* и на этотъ конецъ придумалъ слѣдующій простой и весьма одобрительный способъ наблюденія. Въ плоскомъ и постоянно наполненномъ водою сосудѣ (тарелкѣ) онъ устроилъ низкія помѣщенія, на которыхъ покоятся наполненныя инфузоріями стекляныя дощечки; весь же этотъ приборъ еще покрывается опрокинутымъ стаканомъ съ тѣмъ, чтобы испаряющаяся вода непрерывно поддерживала

подъ нимъ влажность воздуха и такимъ образомъ устранялось бы высыханіе препаратовъ. Этимъ способомъ возможно одинъ и тотъ же самый предметъ наблюдать, въ большихъ или меньшихъ промежуткахъ, цѣлыя недѣли и мѣсяцы; такъ между прочимъ самому автору удалось подмѣтить образованіе *цисты* у слѣдующихъ инфузорій: *Nassula ambigua*, *Stylonychia pustulata* и *Mytilus*, *Oxytricha gibba*, *Urostyla grandis*, *Kolpoda Ren*, *Panophrys sordida* и *fracta*, *Bursaria truncatella* и *Amphileptus piargaritifera*. Правда, уже и прежде другіе естествоиспытатели наблюдали *цисты* у нѣкоторыхъ изъ этихъ породъ инфузорій; однако имъ лишь рѣдко удавалось прослѣдить ходъ этого образованія такъ постепенно и какъ бы шагъ за шагомъ, какъ то возможно было нашему автору помощью вышеупомянутаго способа. Сверхъ того ему принадлежитъ первенство наблюденія *цисты* у нѣкоторыхъ изъ вышеназванныхъ инфузорій. Но если онъ вообще ставитъ эти *цисты* наравнѣ съ такъ-называемыми покоющимися крупинками низшихъ водяныхъ растеній, то это нѣбніе есть только игра фантазіи; потому-что сходныя между собою внѣшнія явленія въ совершенно разнородныхъ органическихъ процессахъ еще не даютъ намъ права считать ихъ однознаменательными.

Приданные отдѣльнымъ наблюденіямъ рисунки служатъ очень нагляднымъ поясненіемъ текста, въ которомъ мы вездѣ узнаемъ спокойнаго наблюдателя, ревностно стремящагося за истинною; но только жаль, что авторъ употребилъ столь различныя между собою увеличенія и что въ показаніи ихъ, по видимому, вкрались нѣкоторыя погрѣшности. Какъ весь второй отдѣлъ брошюры занимается почти исключительно только описаніемъ *цисты* инфузорій, то критикъ не находитъ никакого повода къ разбору, развѣ въ томъ случаѣ, если онъ прійметъ на себя трудъ самъ повторить каждое отдѣльное наблюденіе, что однако потребовало бы слишкомъ много времени. По этому я обращаюсь къ 3-му отдѣлу, въ которомъ предметъ разысканія составляютъ нѣсколько ризоподовъ (какъ Дюжарденъ наи-

меновалъ особый отдѣлъ инфузорій, вопреки мнѣнію Эренберга). Въ первой главѣ, подъ заглавіемъ *Podophrya fixa* и *Acineteta*, авторъ излагаетъ уже въ 19 № XIII тома *Bulletin de la classe physico-mathématique* нашей Академіи имѣ оспариваемую теорію Штейна объ *Acineteta* и свое собственное объ нихъ мнѣніе. Судя по изложеннымъ здѣсь фактамъ, добытымъ съ большою настойчивостью г. Ценковскимъ, оказывается, что Штейнъ съ своею новою теоріею, сколько она ни надѣлала шума, все же вращался только въ сферѣ предположеній и что положеніе дѣла совсѣмъ другое, чѣмъ онъ изобразилъ его. — Вторая глава 3-го отдѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ заключеніе всей брошюры разсуждаетъ объ *Ашоева* и *Actinophrys*, двухъ породахъ инфузорій, которыя далеко отдѣлены одна отъ другой въ системѣ Эренберга и образованіе которыхъ въ самомъ дѣлѣ разнится существенно. Но г. Ценковскій, руководствуясь своими наблюденіями, полагаетъ себя въ правѣ принять, что послѣдняя изъ нихъ образуется изъ первой. Это, по моему мнѣнію, основано на одномъ только оптическомъ обманѣ, потому-что авторъ, по видимому, принялъ *амѣбовидныя тѣла*, какъ онъ самъ выражается въ одномъ мѣстѣ, за настоящіе амѣбы. — Наконецъ послѣднія шесть страницъ диссертациі посвящены достопримѣчательной *Actinophrys Eichhornii Ehr.*, на счетъ которой впервые Келликеръ (*Kölliker*), затѣмъ Зибольдъ и Штейнъ, а въ новѣйшее время Клапаредъ (*Claparède*) въ Женевѣ, сообщили весьма любопытныя наблюденія. Нашъ авторъ имѣлъ особенно въ виду изучить замѣчательное совокупленіе этого страннаго существа и присоединилъ къ разительнымъ показаніямъ прежнихъ наблюдателей нѣсколько новыхъ данныхъ.

Не смотря на всѣ сдѣланныя мною здѣсь замѣтки, я того мнѣнія, что трудъ г. Ценковскаго заслуживаетъ вниманіе Академіи. Онъ весьма выгодно отличается отъ многихъ другихъ диссертациій тѣмъ, что авторъ въ немъ совершенно самостоятеленъ, т. е. что все имъ излагаемое возникло изъ собственныхъ его многотрудныхъ наблюденій. Только тотъ, кто самъ

занимался такого рода микроскопическими розысканіями, можетъ судить о томъ, какой траты времени, какого труда и терпѣнія стоятъ подобныя работы. Къ этому присовокупляется еще то обстоятельство, что авторъ не могъ почерпнуть для своего предмета ни малѣйшаго пособія изъ русской литературы, а долженъ былъ отыскивать потребные ему доводы изъ нѣмецкихъ или французскихъ сочиненій. И такъ онъ своею диссертациею относительно къ низшимъ водорослямъ и инфузоріямъ сдѣлалъ большой шагъ впередъ въ отечественной литературѣ.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ Г. СМІРНОВА:

И С Т О Р І Я

МОСКОВСКОЙ СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ

А К А Д Е М І И,

СОСТАВЛЕННЫЙ

Ф И Л А Р Е Т О М Ъ,

ЕПИСКОПОМЪ ХАРЬКОВСКИМЪ И АХТЫРСКИМЪ.

Исторія Московской академіи, послѣ введенія, объясняющаго приготовленіе и открытіе академіи, излагаетъ три періода академіи: первый — греческій, отъ Лихудовъ до Роговскаго (1685—1700); второй—латинскій, до М. Платона (1700—1775), третій—славяно-греко-латинскій, отъ Платона до новой академіи (1775—1814).

Въ первомъ періодѣ первая глава излагаетъ вызовъ Лихудовъ, ихъ исторію до прибытія въ Москву, дѣятельность ихъ въ школахъ, борьбу съ учеными польскими, обвиненія противъ Лихудовъ и ихъ удаленіе изъ академіи.

Далѣе показаны: средства академіи, зданія, содержаніе и библіотека (стр. 39—42), труды наставниковъ и занятія учениковъ. Здѣсь осматрѣны сочиненія Лихудовъ *а)* для школы: грамматика, шитика, реторика, логика, психологія, физика; *б)* полемическія сочиненія и ораторскія. Учебники разобраны и оцѣнены довольно подробно (стр. 43—67). Исторія удаленія Лихудовъ изъ Москвы, дотолѣ темная, изложена сочинителемъ по новымъ источникамъ и вполне удовлетворительно (стр. 68—77).

Второй періодъ, латинскій, начался Палладіемъ Роговскимъ и вызовомъ ученыхъ изъ Кіева. Сочинитель пишетъ: «Говоря о Латинскомъ образованіи, мы разумѣемъ только внѣшнюю форму образованія: сущность ученія, православные догматы, строгій взглядъ на западное суемудріе, оставались тѣже, какъ

при Лихудахъ, и въ новомъ періодѣ академіи. . . . Московская академія, отъ временнаго изгнанія греческаго языка изъ круга преподаванія, не потерпѣла ущерба ни въ наукѣ, ни въ православіи, и это зависѣло отъ крѣпости ученія православнаго, вѣдрившагося въ русское сердце.»

Вторая глава говоритъ о средствахъ академіи, помѣщеніи, содержаніи и библіотекѣ.

Жалованье учителямъ и ученикамъ было очень ограниченное, хотя оно по временамъ возвышалось: въ 1701 г. отпускали 606 руб., въ 1713 г. — 3483 р., въ 1765 г. — 4850 р. Къ тому же отъ перемѣнъ высшаго хозяйственнаго управленія — оно выдавалось не своевременно, не полное, иногда даже не деньгами.

Въ 3 главѣ, послѣ свѣдѣній о составѣ начальствующихъ и учащихся, любопытны свѣдѣнія о катихизическомъ ученіи и проповѣданіи; выписками изъ проповѣдей показанъ духъ, составъ и языкъ проповѣдей. Далѣе говорится о ученыхъ порученіяхъ Синода начальникамъ академіи, объ исключительной обязанности ректора — преподавать увѣщанія иновѣрцамъ, раскольникамъ и отступникамъ. Разборъ учебныхъ руководствъ въ высшей степени любопытенъ по предмету и отличается подробностію, основательностію и скромностію критики (стр. 136 — 172).

Показавъ содержаніе и направленіе системъ богословскихъ разнаго времени, и усилія ихъ освободиться отъ схоластики, не всегда успѣшныя, сочинитель рѣшаетъ въ заключеніе важный вопросъ: «сдѣлала ли что нибудь полезное схоластика для богословской литературы?» Въ своемъ отвѣтѣ онъ соглашается съ строгимъ отзывомъ Прокоповича о схолистикѣ, но прибавляетъ: «нельзя отвергать и того, что схоластика имѣла и добрую сторону. Прежде всего можно указать на то, что развитіемъ строгаго логическаго мышленія, твердостію въ сужденіяхъ, богословы обязаны были схолистикѣ: логическія формы, сами по себѣ безсодержательныя, въ приложеніи къ наукѣ усиливали

твердость доводовъ и если вели иногда къ запутанности при рѣшеніи вопроса, за то способствовали къ тому, что въ системахъ, какъ говорили тогда, исчерпывалось посредствомъ ихъ полное опредѣленіе предмета. Кромѣ того схоластика много значила и въ томъ отношеніи, что изъ богослова приготавлила крѣпкаго борца въ спорахъ догматическихъ.... Наконецъ строгая, разумная оцѣнка истинъ богословскихъ вели къ тому, что эти истины принимали характеръ полной убѣдительности и не оставляли мѣста слѣпому предубѣжденію и довѣрію сужденіямъ, порожденнымъ необразованностію (стр. 157—158). Послѣ разбора, столько же дѣльнаго, учебныхъ книгъ по философіи и риторикѣ, сочинитель показываетъ другія сочиненія и переводы наставниковъ академіи.

Между занятіями учениковъ показаны пѣснопѣнія и комедіи (стр. 186—191).

Въ главѣ 4 свѣдѣнія о ректорахъ и префектахъ во многихъ случаяхъ новы и исправляютъ ошибки прежнихъ сочиненій. О проповѣдникахъ же и учителяхъ доселѣ нигдѣ не было сказано ни слова, тогда какъ весьма многіе изъ нихъ въ послѣдствіи занимали важныя мѣста въ церковномъ управленіи, а частію извѣстны и въ ученomъ мѣрѣ (стр. 192—223). Говоря о судьбѣ учениковъ (стр. 223—254), историкъ показываетъ отправленіе ихъ въ миссіи, путешествія съ ученою цѣлію, поступленіе въ академію наукъ, въ Московскій госпиталь и въ ученики другихъ вѣдомствъ; затѣмъ представляетъ списокъ замѣчательныхъ лицъ, учившихся въ академіи, и пріобрѣвшихъ извѣстность въ государствѣ или въ области науки. Показывая ученическую жизнь Ломоносова приводитъ слѣдующій школьный опытъ стихотвореній его:

Услышали мухи
Медовые духи,
Прилетѣвши съли
Въ радости зашѣли;
Едва стады ясти,
Попаля въ напасти,

Увязли бо ноги.
Ахъ! плачуть убоги.
Меду полизали
А сами пропали.

Въ періодѣ третьемъ прежде всего говорится о М. Платонѣ—ученикѣ, наставникѣ, директорѣ академіи; о его заслугахъ для академіи и о правахъ, данныхъ ему надъ академіею.

Вторая глава показываетъ средства академіи, содержаніе и вклады, зданія и бібліотеку.

Императоръ Павелъ назначилъ на содержаніе академіи 12,000 р.; Императоръ Александръ въ 1807 г. удвоилъ эту сумму. Ректоръ Мовсей написалъ: «выдать жалованье за весь 1807 г., дабы и учащіе и учащіеся немедленно могли воспользоваться щедротами Монаршими и пролить слезы благодарности предъ лицемъ Сердцевѣдца Бога.» Изъ описи наставническихъ комнатъ 1796 г. видно, какова была умѣренность въ образѣ жизни ученыхъ того времени. Напр. въ келліи проповѣдника 4 стула худыхъ, 2 стола худыхъ, шкафъ, кровать деревянная; у учителя поэзіи — два стола ветхихъ, два стула, карта, изображающая театръ войны противъ Турокъ.» Изъ вкладовъ самый замѣчательный вкладъ В. Гр. Богдановича 5000 р.; процентныя деньги 250 назначены «на содержаніе 5 учениковъ переводчиковъ.» Отъ ежегодныхъ сбереженій Академіи въ 1812 г. имѣла въ сохранной казнѣ собственной суммы 23,000 р., а въ 1814 г. 30,000 руб. Эта сумма назначалась на возобновленіе зданій академіи.

Въ главѣ 3: внутреннее управленіе, преподаваніе наукъ, проповѣданіе, цензура книгъ, ученые порученія, сочиненія и переводы.

Новые предметы ученія—въ богословскомъ классѣ: Каноническое право, толкованіе писанія съ герменевтикою, церковная исторія, пастырское богословіе; въ философскомъ классѣ вытѣснена схоластика, введены исторія философіи, натуральная исторія и новый видъ физики; въ риторическомъ классѣ вмѣсто Бургія — Лежай, введена всеобщая исторія съ географическими

свѣдѣніями. Кромѣ того въ богословскомъ и философскомъ классахъ преподавалось высшее краснорѣчіе. Въ пѣтическомъ классѣ данъ перевѣсъ изученію русскаго стихотворства. За тѣмъ введены классы языковъ греческаго, вѣмецкаго и французскаго; на изученіе перваго обращено особенное вниманіе (стр. 291 — 318. Говоря о проповѣданіи (стр. 318 — 322) сочинитель показываетъ духъ проповѣдей Платона, отношенія проповѣдниковъ къ натурализму, печатныя проповѣди проповѣдниковъ. Изъ порученій, выполненныхъ академіею, неизвѣстны доселѣ были сличеніе славянской Кормчей съ греческими рукописями Синодальной Библіотеки и сличеніе печатной греческой Библии съ греческими рукописями той же Библіотеки. Списокъ сочиненій и переводовъ показываетъ, что въ академіи много занимались толкованіемъ Св. Писанія, чего дотолѣ не было.

Изъ занятій учениковъ, которыхъ число увеличились до 1600, замѣчательны литературныя собранія и участіе въ дружескомъ ученomъ обществѣ 1782 года.

Глава 4 — судьбы наставниковъ и учениковъ (стр. 352 — 395) содержитъ множество новыхъ свѣдѣній. Свѣдѣнія о ректорахъ и префектахъ полны и точны. Проповѣдники и учителя въ первый разъ являются у г. сочинителя. Исторія литературы пріобрѣтаетъ съ тѣмъ много новыхъ свѣдѣній. Остается указать, хотя бы по печатнымъ каталогамъ, сочиненія и переводы, принадлежащіе неизвѣстнымъ дотолѣ наставникамъ академіи. Судьбы учениковъ — поступленіе въ епархіальное вѣдомство, училищная служба, переходъ въ другія учебныя заведенія, опредѣленіе на службу гражданскую, служеніе за границею. Въ заключеніе представлены замѣчательныя лица, вышедшія изъ академіи на службу Отечеству (Высоцкій знаменитый врачъ, Дмитревскій, Комовъ, Масловъ — секретарь общества сельскаго хозяйства, Побѣдоносцевъ, Розановъ, Цвѣтаевъ).

Въ приложеніи къ Исторіи напечатаны: 1) стихотвореніе Каріона Истомина въ похвалу Софіи за покровительство нау-

камъ; 2) Грамата Патріарховъ о Лихудахъ; 3) грамата П. Досиоєя къ Лихудамъ; 4) установленія богословскія 1732 года; установленія богословскія Кирилла Флоринскаго; 5) учрежденіе М. Платона для его воспитанниковъ; 6) положенія богословскія для публичныхъ состязаній 1776 г. и разговоръ объ арифметикѣ.

По сему обзору содержанія уже видно, что новое сочиненіе есть дорогое цріобрѣтеніе для русскаго ученаго міра. Предшествовавшимъ подобнымъ сочиненіямъ оно не одолжено ничѣмъ, ни содержаніемъ, ни изложеніемъ. Оно оригинально съ первой страницы до послѣдней. Всѣ свѣдѣнія извлечены изъ архивныхъ бумагъ, рукописей и рѣдкихъ печатныхъ книгъ. Всѣ стороны предмета осмотрѣны съ полнымъ вниманіемъ. Изложеніе — зрѣло обдуманное и отчетливое. Дѣла описаны въ духѣ покойномъ, безъ напряженныхъ похвалъ и восторговъ; онѣ представлены такъ, что сами говорятъ о себѣ.

Исторія высшаго учебнаго заведенія прежде всего должна показать значеніе сего заведенія для наукъ, которыя должны преподаваться въ немъ; затѣмъ значеніе заведенія для общества. Исторія Московской академіи написана точно въ такомъ видѣ. Самыя лучшія части ея—исторія Лихудовъ, критическій разборъ древнихъ проповѣдей, критическій разборъ учебныхъ руководствъ по богословію и философій и потомъ статья о вѣдѣнникахъ, замѣчательная и потому, что она ловко поставлена въ ряду другихъ.

Сочиненіе г. Смирнова, по важности своей для исторіи образованія, литературы, богословія, философій и состоянія русской церкви, по оригинальности содержанія и изложенія, вполне заслуживаетъ полной Демидовской преміи.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНИЯ Г. КАРПОВА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ ЛОГИКИ,

СОСТАВЛЕННЫИ

СВЯЩЕННИКОМЪ

ЮАННОМЪ ЯНЫШЕВЫМЪ.

Систематическое изложеніе логики профессора Карпова принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ явленій въ отечественной ученой литературѣ, которыя не могутъ не возбудить вниманія всякаго, кто сочувствуетъ успѣхамъ русскаго ума въ какой нибудь наукѣ. По части логики такихъ явленій доселѣ не было въ Россіи. Лучшія изъ существующихъ у насъ руководства къ логикѣ или буквально переведены съ нѣмецкихъ, или составлены по нѣмецкимъ же учебникамъ; но какъ тѣ такъ и другія представляютъ собою не столько собственно систему логики, какъ науки, въ строгомъ смыслѣ этого слова, сколько болѣе или менѣе полное, въ извѣстномъ порядкѣ расположенное собраніе правилъ мышленія, безъ той внутренней связи, которая составляетъ душу науки и сообщаетъ единство и жизнь сухимъ и раздробленнымъ замѣткамъ о мышленіи; изучающій логику по этимъ руководствамъ напрасно старался бы дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что такое мышленіе вообще, правила котораго такъ подробно излагаетъ наука, — почему оно управляется этими именно законами, которые стоятъ во главѣ ея, — сколько должно быть такихъ законовъ и почему не болѣе и не менѣе, — какъ относятся къ нимъ формы мышленія, и почему самыя формы въ свою очередь являются въ такихъ, а не другихъ видахъ и т. п.? Иностранные мыслители въ правѣ освобождать себя отъ рѣшенія такихъ вопросовъ въ самой логикѣ, ссылаясь на психологію, на критики познавательной способности, или же

на гносеологін; — однакожъ и изъ нихъ нѣкоторые, для проясненія природы мышленія, считаютъ необходимымъ въ самой логикѣ прибѣгать къ психологическимъ изслѣдованіямъ. У насъ же это вдвойнѣ необходимо, какъ потому, что логика обыкновенно преподается прежде психологін, такъ особенно потому, что ни одно изъ существующихъ на отечественномъ языкѣ руководствъ къ психологін не беретъ на себя рѣшать помянутые логическіе вопросы.

При такомъ состояніи логики въ нашемъ отечествѣ, трудъ г. Карпова составляетъ весьма важное приобрѣтеніе въ русской, небогатой философской литературѣ. Уже одна попытка — синтетически вывести понятіе о природѣ мышленія съ его законами и формами изъ психологическихъ началъ — дѣлаетъ трудъ г. Карпова замѣчательнымъ; но онъ еще болѣе замѣчателенъ, какъ трудъ оригинальный, независимый отъ какой либо теоріи иностранныхъ психологовъ, и, говоря вообще, исполненный съ такимъ успѣхомъ, который не только свидѣтельствуетъ о талантѣ и глубокихъ философскихъ познаніяхъ автора, но и обѣщаетъ истинную пользу русскому юношеству, вступающему на поприще самостоятельнаго мышленія.

Отношеніе между собою главныхъ познавательныхъ способностей: ума, разсудка и чувства, основанное на собственной идеѣ г. Карпова о душѣ человѣческой и выраженное въ первыхъ параграфахъ первой части его труда, служитъ ключемъ ко всей его системѣ логики. Мышленію, какъ дѣятельности разсудка, по ученію г. Карпова, предшествуютъ: съ одной стороны воспріятія чувства, съ другой созерцанія ума, изъ коихъ то и другой усматриваютъ вещи съ взаимно-противоположныхъ сторонъ. Опредѣливъ предметъ умственного созерцанія и чувственного усмотрѣнія чертами ясными и твердыми, авторъ полагаетъ, что разсудокъ, какъ сила логическая, пробуждается къ своей дѣятельности не иначе, какъ въ слѣдствіе взаимно-противоположныхъ впечатлѣній ума и чувства; отъ нихъ заимствуетъ матеріалъ своей дѣятельности; ихъ же взаи-

модѣйствию обязанъ не только большею или меньшею степенью своей энергіи, тѣмъ или другимъ направлениемъ, формами пространства и времени, короче: не только условіями мышленія, но и его законами, изъ которыхъ—законъ тожества отражаетъ въ себѣ законъ умственной дѣятельности, законъ противорѣчія—чувственной; закономъ же достаточнаго основанія разсудокъ обязанъ естественному стремленію человѣческаго духа—раздвоенное умомъ и чувствомъ соединить чѣмъ либо третьимъ или на какомъ нибудь основаніи. Только по выведеніи такимъ образомъ всѣхъ условій и законовъ дѣятельности разсудка, авторъ находится въ состояніи съ одной стороны—охарактеризовать природу мышленія, его виды, отношеніе къ знанію и послѣднюю цѣль, съ другой — показать происхожденіе и значеніе всѣхъ формъ мышленія. Вторая часть систематическаго изложенія логики занимается изложеніемъ каждой изъ этихъ формъ въ отдѣльности; третья и послѣдняя—соединеніемъ ихъ въ одно цѣлое или систематикою. Но и въ этихъ частяхъ, составляющихъ собственно логику, — въ этой исключительной области разсудка, психологическое начало науки проявляется во всѣхъ важнѣйшихъ ея моментахъ; только изъ этаго начала понятно напр. въ чемъ должно состоять высшее совершенство понятій? Чего и почему ищетъ разсудокъ чрезъ дѣйствіе отвлеченія и ограниченія? Что заставляетъ его въ сужденіяхъ отъ проблематическихъ восходить къ аподиктическимъ? На чемъ основывается и чѣмъ оправдывается смѣлость разсудка въ образованіи общихъ сужденій, какъ основаніи умозаключеній? Почему и развитіе системы условливается съ одной стороны идеею, съ другой — данными опыта? Въ чемъ скрывается основаніе двоякости метода, аналитическаго и синтетическаго, и почему для построенія системы необходимо соединеніе того и другаго, и проч.? Короче: отношеніе разсудка къ уму и чувству, служащее началомъ логики г. Карпова, бросаетъ свѣтъ на всю область этой науки, живую внутреннюю связію скрѣпляетъ зданіе

ея правилъ, и всей системѣ сообщаетъ интересъ, возрастающій по мѣрѣ того, какъ расширяется кругъ ея выводовъ.

Это начало и составляетъ важнѣйшее достоинство разсматриваемаго труда г. Карпова, достоинство, исключительно ему принадлежащее и сообщающее его логикѣ неотъемлемый характеръ оригинальности. Руководясь же самостоятельнымъ взглядомъ на содержаніе цѣлой науки, авторъ не могъ не быть самостоятельнымъ въ формальномъ выводѣ и расположеніи отдѣльныхъ правилъ мышленія. «Когда мы размышляемъ», такъ начинается г. Карповъ систему логики: «то размышляемъ о чемъ нибудь и какъ нибудь». Эти моменты: «что» и «какъ», матерія и форма мышленія съ ихъ отношеніемъ къ сознанию, соотвѣтствующія идеѣ ума и усмотрѣнію чувства съ ихъ встрѣчею въ разсудкѣ, — какъ можно замѣтить, предносились уму автора постоянно при его трудѣ; съ этихъ точекъ зрѣнія расположилъ онъ свое изслѣдованіе объ ограниченіяхъ разсудка къ мышленію для опредѣленія природы самаго мышленія; съ этихъ же точекъ зрѣнія категоріями бытія и отношенія замѣнилъ Кантову таблицу категорій, обыкновенно служащую основаніемъ для дѣленій въ логикѣ, часто сбивчивыхъ и натянутыхъ; съ этихъ же преимущественно точекъ зрѣнія разсматривалъ развитіе и виды каждой изъ родовыхъ формъ мышленія въ отдѣльности. При такомъ единствѣ плана не только въ отношеніи къ цѣлой системѣ, но и почти ко всѣмъ частнымъ ея выводамъ, при столь удачномъ соединеніи логической послѣдовательности и симметріи съ сущностію дѣла, наиболѣе важныя положенія логики сами собою становятся на первый планъ и подвергаются наиболѣе подробному и отчетливому разбору; и на оборотъ, что не имѣетъ существеннаго значенія въ дѣлѣ мышленія, или само собою объясняется изъ предъидущихъ положеній, то передается лишь въ краткомъ обзорѣ и большею частію служить естественнымъ переходомъ отъ одного отдѣла логики къ другому; отъ чего система логики г. Карпова, при всей полнотѣ содержанія ея, свободна отъ тѣхъ схоластическихъ

тонкостей и замѣтокъ, которыми такъ часто изобилуютъ руководства къ логикѣ, и точно представляетъ собою строго-систематическое цѣлое.

Овладевъ же самостоятельно содержаніемъ и методомъ науки и ожививъ ее собственною идеею, авторъ и въ изложеніи частныхъ понятій и правилъ является также самостоятельнымъ, безъ сомнѣнія не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ дѣлалъ преобразованія во всей области логики, но въ томъ, что всѣ наиболее важныя положенія и правила ея, вытекающія изъ основаній, имъ самимъ установленныя, освѣщаются его личнымъ взглядомъ, проникнуты его собственнымъ убѣжденіемъ, выражены болѣею частію съ образцовою точностію; такъ что и русскій языкъ, за исключеніемъ общеупотребительныхъ въ философіи иностранныхъ терминовъ, въ логикѣ г. Карпова является гибкимъ и способнымъ, можно сказать, къ изящной опредѣлительности въ выраженіи самыхъ отвлеченныхъ мыслей. Впрочемъ и здѣсь, въ отношеніи къ частнымъ положеніямъ и правиламъ логики, взглядъ на многія и притомъ важнѣйшія изъ нихъ болѣе или менѣе принадлежитъ исключительно автору; сюда относятся: анализъ опредѣленія, образованія и измѣняемости понятій; подведеніе ихъ подъ категоріи бытія и отношенія; анализъ понятія о сужденіяхъ, образованія и измѣняемости ихъ; цѣлый отдѣлъ объ основаніи умозаключеній; ученіе о цѣломъ, какъ построеніи логическомъ; все ученіе объ условіяхъ развитія системы, въ которомъ съ особенною живостію отражается какъ взглядъ автора на всю область человѣческихъ знаній, такъ и его горячее сочувствіе истиннымъ успѣхамъ наукъ; наконецъ ученіе о методѣ, за исключеніемъ общезвѣстнаго чертежа методическаго расчлененія системы, которымъ и заключается трудъ г. Карпова.

Достоинство этого труда значительно увеличивается, наконецъ, умѣньемъ автора, не вдаваясь въ полемику, обогащать свои выводы основательными и полезными замѣчаніями о причинахъ уклоненія разсудка въ ту или другую край-

ность, или нарушенія имъ тѣхъ или другихъ правилъ мышленія; такого рода замѣчанія, не нарушая строгой послѣдовательности въ изложеніи науки, сообщаютъ ей характеръ истинно-практическаго руководства, существенно полезнаго не для школы только. Въ такомъ духѣ изложено преимущественно все ученіе объ опытныхъ познаніяхъ.

При столь счастливомъ сочетаніи совершенствъ въ логикѣ г. Карпова, она не свободна однакоже и отъ недостатковъ, изъ которыхъ главный относится къ ея психологическому началу. Поставивъ разумокъ во всестороннюю зависимость отъ ума и чувства и уже въ каждомъ конкретномъ представленіи предполагая взаимодѣйствіе того и другаго (§§ 20, 21, 22), авторъ, при раскрытіи природы мышленія, мышленіе а priori неразрывно соединяетъ съ мышленіемъ а posteriori (§ 38) и тѣмъ самымъ, по его собственному сознанію, пролагаетъ дѣятельности разсудка путь, средній между кантовымъ идеализмомъ и локковымъ эмпиризмомъ. Задача первой важности для логики и психологій вмѣстѣ, — и всестороннее рѣшеніе ея имѣло бы великое значеніе для всей философіи! Къ сожалѣнію, путь къ рѣшенію этой задачи, обозначенный въ психологическомъ началѣ логики г. Карпова, скудно освѣщенъ имъ. Если формы пространства и времени, составляющія необходимую атмосферу мыслимаго, и самые законы мышленія, отъ чего бы они не зависѣли, принадлежатъ духу человѣческому субъективно: то трудно рѣшить, что изъ этого естественнѣе слѣдуетъ — возможность или невозможность мышленія а priori? Если кантовы формы пространства и времени и изъ нихъ производимыя имъ категоріи заградили этому мыслителю путь къ познанію вещи самой въ себѣ, то почему же невозможно тоже самое по теоріи г. Карпова, которая весь сознаваемый мыслимый міръ непреходимыми границами отдѣляетъ и отъ міра сущностей, созерцаемыхъ умомъ, и отъ міра явленій, усматриваемыхъ чувствомъ (§§ 39, 13 и 15)? Съ другой стороны — если всякое даже конкретное представленіе разсудка должно обуславливаться созер-

цаніемъ ума и усмотрѣніемъ чувства: то какъ объяснить возможность представленія при совершенномъ отсутствіи идеи ума, наприм. въ неразумныхъ животныхъ (§ 20)? Психологическое начало логики значительно прояснилось бы для читателя, если бы авторъ, говоря о чувствѣ, поколику оно воспринимаетъ впечатлѣніе отъ внѣшнихъ предметовъ (§ 9), не упустилъ изъ виду внутренняго чувства; тогда и предметъ чувственнаго усмотрѣнія вообще онъ, можетъ быть, не назвалъ бы міромъ внѣшнимъ и бытіемъ матеріальнымъ (§ 13), тогда и самое представленіе, по отношенію къ внутреннимъ явленіямъ души, не могло бы проходить по тѣмъ инстанціямъ воспроизведенія, по которымъ авторъ такъ отчетливо проводитъ представленія предметовъ міра внѣшняго (§ 22); тогда авторъ, и говоря о познаніяхъ опытныхъ, не выразилъ бы той мысли, что наблюденія внутренняго міра совершаются безъ посредства законовъ и формъ мышленія (§ 105).

Другой, заслуживающей вниманія, недостатокъ разсматриваемаго сочиненія составляетъ по мѣстамъ излишняя сжатость въ выраженіяхъ и отъ того зависящая темнота въ мысляхъ. Больше всего замѣтенъ этотъ недостатокъ въ изложеніи процесса законовъ мышленія (§ 35) и въ раскрытіи категорій бытія и отношенія (§ 53 и 54); между тѣмъ, если гдѣ, то преимущественно въ этихъ параграфахъ автору слѣдовало позаботиться о ясности своихъ выводовъ: объясняя процессъ законовъ мышленія, онъ тѣмъ самымъ полагаетъ основаніе для вывода формъ его; а устанавливая категоріи бытія и отношенія, онъ дѣлаетъ попытку воздвигнуть совершенно новое зданіе на развалинахъ кантовой таблицы категорій; и въ обоихъ обстоятельствахъ имѣетъ наилучшій случай какъ обезпечить твердость своего психологическаго начала для всей сферы мыслимаго, такъ и показать значеніе формъ мышленія вообще и въ частности категорій въ этой сферѣ. Но г. Карповъ воспользовался этимъ случаемъ не вполне.

Наконецъ, касательно плана логики, обращаетъ на себя

вниманіе ни чѣмъ не оправданное авторомъ отнесеніе непосредственныхъ умозаключеній къ отдѣлу о сужденіяхъ.

При всемъ томъ разсмотрѣнный трудъ г. Карпова, какъ первое оригинальное и во многихъ отношеніяхъ превосходное произведеніе отечественнаго мыслителя по части логики, какъ плодъ многолѣтнихъ занятій автора философіею, о которыхъ онъ неоднократно свидѣтельствовалъ предъ ученымъ міромъ и переводами и многими оригинальными сочиненіями, какъ свидѣтельство его основательнаго знакомства съ современными состояніемъ западной философіи и желанія своимъ трудомъ содѣйствовать русскому юношеству на поприщѣ самостоятельнаго мышленія, вполне имѣетъ право на вниманіе и поощреніе со стороны ученыхъ соотечественниковъ.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ:

ALBERT SUERBEER,

ERZBISCHOF VON PREUSSEN, LIVLAND UND ERSTLAND.

GESCHICHTLICHE DARSTELLUNG

VON

P. v. GOETZE,

СОСТАВЛЕННЫМЪ

Н. Н. БУСОВ.

Лифляндія имѣла передъ другими странами то рѣдкое преимущество, что она уже въ первомъ столѣтїи политическаго своего существованія добыла себѣ двухъ отличныхъ бытописателей. Гейнрихъ Латышъ изобразилъ на монашескомъ латинскомъ языкѣ, но подробно и привлекательно, судьбы и дѣянїя трехъ первыхъ Епископовъ страны, а въ особенности энергическаго Алберта фонъ Буксгѣвдена, который изъ званїя каноника архіепископства Бременскаго возвысился до степени основателя новаго государства и до сана Германскаго имперскаго князя. Второй историкъ Лифляндїи былъ авторъ рѣчованной лѣтописи, рыцарь Дитлебъ фонъ Альнпекъ, или же какъ догадывается одинъ остроумный изыскатель, цистерціанскїй инокъ Видбольдъ Дозель. Этотъ-то инокъ или вышепоименованный рыцарь описалъ, большею частью какъ очевидецъ, по обычаю тогдашняго времени въ стихахъ, на нѣмецкомъ языкѣ, первыя судьбы Лифляндїи и исполненную превратностей борьбу нѣмецкаго рыцарскаго ордена почти до 14-го столѣтїя. Повѣствовательное донесенїе историковъ было подкрѣплено многочисленными грамотами, вѣрными доводами частныхъ и общественныхъ событїй и важнѣйшими источниками бытописанїя, которые, не говоря о прежнихъ достохвальвыхъ попыткахъ этого рода, въ наше время были собраны въ надлежащей полнотѣ, а отчасти и понынѣ продолжаютъ собираться, однимъ ученымъ, прїобрѣтшимъ себѣ большія заслуги по части юридической и исторической литературы прибалтїйскаго края.

Обильный историческій матеріалъ, накопленный какъ въ означенныхъ двухъ древнѣйшихъ памятникахъ лифляндской исторіи, такъ и въ послѣдующихъ богатыхъ собраніяхъ грамотъ, въ особенности по части исторіи Лифляндіи, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ не малымъ обогащеніемъ также и для исторіи Россійскаго государства, потому что близкое положеніе и зависимость Остзейскихъ странъ отъ властелиновъ Россіи привели этотъ край, какъ въ древнѣйшія, такъ и въ послѣдующія времена, въ непрерывное соприкосновеніе съ Россією.

А посему нельзя не назвать счастливою мысль автора предлагаемаго намъ сочиненія, избрать предметомъ монографіи пятаго лифляндскаго Епископа Альберта Суербера и его вѣкъ, ибо поясняя цѣлую эпоху лифляндской исторіи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ проливаетъ свѣтъ и на нѣкоторыя связанныя съ нею важныя событія того времени въ Русскихъ земляхъ.

Подобно своему предшественнику Альберту I, Альбертъ Суерберъ былъ каноникомъ архіепископства Бременскаго, и состоя въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ главами Римской церкви, съ раннихъ лѣтъ посвящался въ важнѣйшія дѣла своего времени.

Для того, чтобы по возможности ясно и подробно изобразить это время въ отношеніи къ избранному имъ дѣйствующему лицу, авторъ съ большою осмотрительностью и тактомъ пользовался немногими и довольно скудными имѣющимися на лицѣ историческими источниками по этой части и тщательно собралъ во едино разбросанныя тамъ и сямъ свѣдѣнія, такъ что нынѣ личность Альберта довольно явственно выступаетъ изъ мрака временъ. Не будучи знатнаго происхожденія, онъ отличался обширными познаніями и снискалъ себѣ ученую степень въ такое время, когда подобныя отличія были еще очень рѣдки. Сначала объ немъ упоминается какъ о схоластикѣ архіепископства Бременскаго по поводу одной тяжбы съ городомъ Любекомъ, при чемъ онъ приобрѣлъ себѣ благосклонность епископа Бременскаго Гергарда II. По воспослѣдовав-

шей потомъ въ 1229 году кончинъ лифляндскаго епископа Альберта I, Гергардъ назначилъ его преемникомъ въ томъ санѣ. Но Рижскій капитулъ, оспаривая избирательное право архіепископа Бременскаго, избралъ магдебургскаго каноника (Domburg) Николая и достигъ утвержденія этого выбора. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе девяти лѣтъ, исторія безмолствуетъ объ Альбертѣ Суерберѣ, однако онъ не былъ забытъ: въ 1240 году самъ Папа назначилъ его въ архіепископы Армагскіе (въ Ирландіи) и онъ былъ посвященъ въ тотъ санъ въ Вестминстерскомъ соборѣ въ Лондонѣ. Его іерархическая дѣятельность въ Англіи была впрочемъ довольно самовластна и слишкомъ открыто направлялась къ исполненію намѣреній и требованій римской куріи, чтобы могла понравиться королю Генриху III. Возникшія отъ того несогласія имѣли послѣдствіемъ то, что Альбертъ при первомъ удобномъ случаѣ счелъ за лучшее отправиться во Францію.

Утвердясь въ благосклонности Папы Иннокентія IV, онъ стяжалъ себѣ здѣсь отъ главы церкви, въ 1246 году, новоучрежденное для него архіепископство Прусское, которому подчинены были епископы Лифляндскіе и Эстляндскіе; въ то-же время ему предоставлено было избрать себѣ мѣстопробываніе въ одномъ изъ упраздненныхъ епископствъ своей области, а пока таковое не упразднилось, временно пребывать въ Любекѣ, откуда онъ легко могъ поддерживать сношенія съ Пруссіею и Лифляндіей. Но въ томъ-же году еще скончался епископъ Любекскій, и Альбертъ былъ назначенъ правителемъ этого богатаго епископства и такимъ образомъ добылъ внѣшнія средства для содѣйствія одному изъ главныхъ усилій Римскаго престола. Усиліе это состояло въ безпрестанно возобновлявшихся покушеніяхъ соединить Греческую церковь съ Римскою и тѣмъ самымъ подчинить первую изъ нихъ Папѣ. Клонящіяся къ этой цѣли предложенія были сдѣланы нѣкоторымъ изъ Русскихъ князей съ обѣщаніемъ при томъ разныхъ политическихъ выгодъ. Это было именно въ періодъ ига Монгольскаго,

которое удручительно тяготѣло надъ Русскими землями, и взоры западно-русскихъ князей обращались на западъ, въ надеждѣ найти тамъ дѣятельную помощь. Архіепископъ Альбертъ, какъ ловкій, ученый и знатный прелатъ, избранъ былъ Папою, для посредничества въ этомъ дѣлѣ. Онъ дважды являлся въ Галичъ, стараясь привести въ исполненіе замыслы папскаго Двора. Продолжая съ дипломатическою изворотливостью уже прежде начатыя другими католическими духовными сановниками переговоры, онъ совѣщался съ княземъ Данииломъ Романовичемъ Галицкимъ и братомъ его Василькомъ, пользуясь по возможности обстоятельствами времени. Эти-то переговоры, веденные ловкимъ прелатомъ съ большою хитростью, и за всѣмъ тѣмъ неудачный ихъ исходъ авторъ изложилъ съ большимъ историческимъ тактомъ и тѣмъ самымъ успѣлъ изобразить въ вѣрныхъ очеркахъ политическую жизнь западной Руси въ тогдашнее смутное время.

Вышеупомянутый Рижскій епископъ Николай, благопріятствуемый своимъ положеніемъ соперникъ архіепископа Альберта, скончался въ 1253 г. Вслѣдствіе этого упразднилось одно изъ подчиненныхъ лифляндскихъ епископствъ и столь долгое время исключенный отъ него прелатъ не преминулъ занять его. Этимъ-то онъ приобрѣлъ кромѣ высокаго іерархическаго сана, который уже издавна придавалъ ему значеніе, еще владѣльческое право надъ епископствомъ Рижскимъ и вступилъ въ совершенно иное и болѣе важное отношеніе къ нѣмецкому рыцарскому ордену. Если онъ прежде заступалъ противъ ордена только права духовной власти, то онъ отнынѣ долженъ былъ защищать противъ него также права верховной власти, колы скоро они были нарушаемы со стороны рыцарей. Прежде, въ 1248 и послѣдующихъ годахъ, архіепископъ Альбертъ долженъ былъ вести съ орденомъ продолжительную распрю изъ за выкупа, который обязаны были платить тѣ изъ рыцарей, которые отступались отъ торжественнаго своего обѣта, предпринимать крестовый походъ противъ невѣрныхъ. Орденъ

присвоивалъ себѣ право собирать эти выкупныя деньги и расходывать для своихъ цѣлей, коль скоро данный объѣтъ касался Пруссіи или Лифляндіи, ссылаясь на то, что ему предлежала обязанность вести эту войну; духовенство же, напротивъ того, настаивало на томъ, что право собиранія и употребленія этихъ выкуповъ принадлежитъ ему. Папа рѣшилъ спорное дѣло въ пользу ордена, не желая ограничивать его относительно къ средствамъ для веденія войны, предпринимаемой въ угодность главѣ церкви.

Совсѣмъ другаго рода споры возникли изъ требованій и правъ верховной власти, принадлежавшихъ лифляндскимъ епископамъ въ ихъ духовныхъ владѣніяхъ, на равнѣ съ другими духовными властителями въ Германской имперіи. Верховная власть, которую орденъ приобрѣлъ и утверждалъ за собою въ своихъ удѣлахъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ преклословила власти епископовъ и такимъ образомъ происходили частыя столкновенія. Ошибочно впрочемъ иные лифляндскіе историки говорятъ о многолѣтней борьбѣ духовной власти въ Лифляндіи, разумѣя подъ нею орденъ. Властелины съ обѣихъ сторонъ, съ одной архіепископъ и епископы, а съ другой магистръ ордена нѣмецкихъ рыцарей, были духовными князьями, но всѣ они въ качествѣ поземельныхъ властителей облечены были также и правами свѣтской власти, за исключеніемъ одного только епископа Ревельскаго, который былъ лишь духовнымъ главою своего епископства. Великій магистръ Нѣмецкаго ордена былъ духовный имперскій князь и въ совѣтѣ имперскихъ князей занималъ на духовной скамьѣ высокое мѣсто, слѣдуя непосредственно за архіепископами и первенствуя передъ всѣми епископами Германской имперіи. Итакъ, возникавшіе въ Лифляндіи между епископами и орденомъ споры не могли быть называемы борьбою духовной и свѣтской властей. Они, правда, нерѣдко касались церковнаго суда, но еще гораздо чаще такихъ правъ верховной власти, которыя сдѣлались спорными. Въ предлежащемъ намъ очеркѣ жизни и правленія архіепископа Альберта очень хорошо

различены между собою двѣ разнородныя принадлежности той власти, которою онъ былъ облеченъ, зашивая не только высокое церковное званіе, но и стяжавъ по кончинѣ епископа Николая въ Рижскомъ епископствѣ, которое съ тѣхъ поръ называлось архіепископствомъ, также права верховной власти.

Чтобы вѣрнѣе обезпечить эту верховную власть противъ возможныхъ притязаній ордена, Альбертъ вѣроятно помышлялъ о назначеніи по тогдашнему обычаю свѣтскаго охранителя (*Schirmvogt*) своего архіепископства. Онъ выбралъ въ это званіе храбраго и благочестиваго графа Шверина, сына знаменитаго витязя графа Генриха Чернаго фонъ Шверина, который побѣдилъ Датскаго короля Вольдемара II и на всегда поколебалъ его могущество. Всѣ эти многоразличныя отношенія, обстоятельства ими порожденныя и обнаружившіяся намѣренія дѣйствующихъ лицъ, авторъ описываетъ въ вѣрныхъ и подробныхъ изображеніяхъ, съ немалымъ трудомъ и осмотрительностію почерпая свои матеріалы изъ разныхъ грамотъ и изъ разбросанныхъ историческихъ свидѣній.

Равное тщаніе авторъ употребилъ и на изображеніе сношеній, господствовавшихъ между управляемою архіепископомъ Альбертомъ Рижскою церковью и сыномъ и наследникомъ Псковскаго Князя Владиміра Мстиславича. Этотъ старшій князь, бывшій сперва побѣдоноснымъ вождемъ Русскихъ воиновъ въ Лифляндіи въ борьбѣ съ Нѣмцами, а потомъ изгнанный изъ собственныхъ своихъ владѣній недовольными имъ Псковичами, сдѣлался намѣстникомъ и фохтомъ нѣмецкихъ переселенцевъ въ покоренныхъ ими лифляндскихъ владѣніяхъ, но въ послѣдствіи былъ отрѣшенъ отъ этой должности. Сынъ его Ярославъ Владиміровичъ по смерти отца не только долженъ былъ вести жизнь изгнанника вдали отъ своей родины, но даже былъ причиною отдѣленія отъ нея старинныхъ владѣній. Авторъ, излагая эти событія, остроумно и съ большою точностію разбираетъ ошибки своихъ предшественниковъ на этомъ полѣ.

Не ограничиваясь однимъ повѣствованіемъ главныхъ относящихся къ его предмету событій, авторъ этой тщательно обработанной книги подробно распространяется и о нѣкоторыхъ постороннихъ происшествіяхъ. Между прочимъ превосходно изложена имъ первая попытка къ основанію города Нарвы, которая подала поводъ къ первому заложенію крѣпостцы на берегахъ Наровы.

Приложенныя къ сочиненію грамоты, числомъ 28, заключаютъ въ себѣ важныя свидѣтельства, по большей части изъ начала описываемой авторомъ эпохи; всѣ онѣ наданы тщательно и по сличенію съ наилучшими доступными списками.

Изображенія относящихся къ древнѣйшимъ временамъ Лифляндіи печатей отличаются вѣрностью и отчетливостью рисунковъ и безъ сомнѣнія съ признательностію будутъ встрѣчены любителями сфрагистики.

Если собрать воедино всѣ вышеназложенныя достоинства книги и принять въ соображеніе большой трудъ и чрезвычайное стараніе, приложенныя авторомъ на обработку его предмета, то сочиненіе его должно назвать истиннымъ приобрѣтеніемъ для науки; и по этому я ни мало не останавливаюсь признать его достойнымъ полного одобренія.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ Г. ОСОКИНА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

О ПОНЯТІИ ПРОМЫСЛОВАГО НАЛОГА

■

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ ЕГО ВЪ РОССІИ.

СОСТАВЛЕННЫЙ

И. БЪЛЛЕВИЧЪ.

Предметъ избранный г. Осокинымъ весьма важенъ въ нашей исторіи, изслѣдованіе о семъ предметѣ, правильно поставленное, можетъ принести большую пользу для науки; авторъ въ избраніи предмета нисколько не ошибся, и какъ бы онъ не рѣшилъ заданный-себѣ вопросъ, но одно уже поднятiе этого вопроса заслуживаетъ вниманіе ученыхъ занимающихся Русскою исторіею.

Трудъ г. Осокина раздѣляется на двѣ части: въ первой авторъ говоритъ о понятіи промысловаго налога въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ принимается учеными занимающимися политической экономіею, — а во второй о его историческомъ развитіи въ Россіи.

Первую часть своего труда авторъ начинаетъ опредѣленіемъ понятія о промыслѣ и промысловомъ налогѣ, и говоритъ: «Подъ промысломъ въ обширномъ смыслѣ обыкновенно понимаютъ всякое занятіе, котораго цѣль пріобрѣтеніе имущества. Такимъ образомъ занятія, имѣющія высшее благороднѣйшее назначеніе и при которыхъ вознагражденіе не составляетъ главной побудительной причины, прямо противопологаются промысловымъ работамъ. Въ тѣснѣйшемъ же значеніи, въ которомъ это слово почти всегда и употребляется въ политической экономіи, промыслами называются тѣ способы пріобрѣтенія, для которыхъ необходимо содѣйствіе капиталовъ, такъ что простыя наемныя работы не могутъ быть обозначены

этимъ понятіемъ. При каждомъ промыслѣ предполагается предприниматель, глава промышленнаго предпріятія, который завѣдываетъ всею операціею, располагаетъ капиталомъ для нея необходимымъ и имѣетъ у себя въ распоряженіи наемныхъ работниковъ. Промысловый налогъ есть подать, взимаемая съ промышленника, какъ предпринимателя.»

Далѣе авторъ рассматриваетъ, какое свойство имѣетъ доходъ промышленника, какъ предпринимателя; и говоритъ: «въ промысловомъ доходѣ открывается такая же самостоятельность и своеобразность, какими отличаются поземельная рента, капитальный доходъ и заработная плата. Предприниматель, уплативъ изъ вырученной за продажу издѣлій суммы всѣ промысловыя издержки, получаетъ еще въ остаткѣ доходъ, который долженъ вознаградить его за труды и опасности, соединяющіяся въ большей или меньшей степени съ каждымъ промышленнымъ занятіемъ.» Здѣсь же авторъ опровергаетъ мнѣніе писателей, которые отказываютъ промысловому доходу въ характеръ самостоятельности, относя его или къ заработной платѣ, или къ капитальной рентѣ, или соединяя понятія промысловаго дохода вмѣстѣ съ процентнымъ въ одноѣмъ общемъ понятіи капитальнаго дохода. И отсюда выводитъ слѣдствіе, что и промысловый налогъ долженъ быть рассматриваемъ въ ряду прямыхъ налоговъ, какъ особый самостоятельный ихъ видъ.

Потомъ авторъ разбираетъ мнѣнія ученыхъ относительно вопроса, какіе способы пріобрѣтенія доходовъ должны подлежать промысловому налогу, и склоняется къ тому мнѣнію, что промысловый налогъ справедливо долженъ падать на тѣ промышленныя предпріятія, которыя доставляютъ доходъ составляющій вознагражденіе промышленнику за собственную его дѣятельность и страховую премію за опасность потери капитала, которую предприниматель, въ случаѣ неудачи, долженъ взять на себя. Авторъ говоритъ: «переработка грубыхъ матеріаловъ въ предметы способные къ удовлетворенію самыхъ разнообразныхъ потребностей, техническая промышленность

точно такъ же, какъ и торговля, переноси́щая товары на мѣста удобныя для ихъ сбыта, и другіе однородные промыслы составляютъ не менѣе важный источникъ дохода, какъ и первобытное производство, доставляющее для нихъ сырые продукты. Налогъ устанавливаемый на означенныя отрасли производительной дѣятельности, падаетъ на имущество приносящее дѣйствительную ренту, изъ которой онъ и можетъ быть уплаченъ, безъ существеннаго нарушенія какихъ либо вещественныхъ интересовъ, если только при томъ не упущены изъ вида условія, отъ которыхъ зависитъ возможность дальнѣйшихъ успѣховъ процвѣтанія всякаго рода промышленности »

Наконецъ авторъ говоритъ о способахъ установленія промысловаго налога, и собственно разсматриваетъ два главные способа: первый составляющій систему кадастрированія промысловъ, когда налогъ устанавливается на основаніи дѣйствительнаго вычисленія или оцѣнки предполагаемаго дохода; и второй способъ, когда подать взимается за предоставленіе самаго права, за дозволеніе заниматься извѣстною вѣтвію промышленности, какъ на примѣръ патентный налогъ во Франціи и подать со свидѣтельствъ на право торговли и промысловъ существующая въ нашемъ отечествѣ.

Авторъ при составленіи первой части своего труда пользовался сочиненіями ученыхъ политико-экономистовъ, и показавъ знаніе какъ при разборѣ чужихъ мнѣній, такъ и въ группировкѣ, такъ что его коротенькій обзоръ о промысловомъ налогѣ представляетъ довольно стройное цѣлое. Впрочемъ здѣсь еще не высказано послѣднее слово науки, и остаются нерѣшенными многіе вопросы: рѣшить которые конечно авторъ и не имѣлъ въ виду, ибо для этого слишкомъ недостаточно тѣхъ 28-хъ страничекъ, которыя онъ удѣлилъ на первую часть своего сочиненія. Но здѣсь вопросъ не въ томъ рѣшилъ ли авторъ свой вопросъ, или не рѣшилъ; а въ томъ, что вопросъ чисто теоретическій, и притомъ основанный на научныхъ началахъ позднѣйшаго времени, нисколько не клеится

съ исторією развитія промысловаго налога въ Россіи. Самъ же авторъ говоритъ, что промысловая подать, падающая въ надлежащей постепенности на всѣ виды промышленности, появилась въ финансовой системѣ Европейскихъ государствъ не раньше XIX столѣтія; слѣдовательно искать ея развитія въ Русской древней исторіи нѣтъ никакой возможности, что лучшимъ образомъ доказалъ самъ авторъ во второй исторической части своего труда, ни разу не обративъ вниманія на теоретическую сторону вопроса. Такимъ образомъ первая и вторая часть труда, представленнаго г. Осокинымъ, не имѣютъ никакой связи между собою, и составляютъ два сочиненія совершенно отдѣльные и нисколько независимыя другъ отъ друга.

Но перейдемъ ко второй части. Вторую часть своего труда авторъ раздѣляетъ на четыре главы, и въ первой говоритъ о *обложкахъ ремесла и торговли съ древнѣйшихъ временъ до Іоанна III-го*.

Здѣсь прежде всего онъ утверждаетъ, что въ Россіи, какъ и въ другихъ Европейскихъ государствахъ, сборы падавшіе на ремесла и торговлю, еще не имѣли характера особаго самостоятельнаго вида налоговъ, и что разные прямые непосредственные платежи гражданъ правительству были взимаемы не только съ земледѣльцевъ, но также съ обитателей городовъ и торжковъ. Потомъ собираетъ извѣстія лѣтописей о данихъ, оброкахъ, урокахъ, окупѣ, дарахъ и поклонахъ, и старается объяснить каждый изъ сихъ поборовъ; объясненія его вездѣ удовлетворительны и основаны на прямыхъ свидѣтельствахъ лѣтописей и другихъ памятниковъ.

Далѣе авторъ переходитъ къ опредѣленію лицъ и предметовъ, на которыхъ лежали дани и другіе прямые сборы; и здѣсь съ полною ясностію и достовѣрностію, свидѣтельствами памятниковъ опровергаетъ ложное мнѣніе тѣхъ писателей, которые думали найти какую-то необычную постепенность въ сборѣ дани, по которой будто бы дани собирались сперва по числу дворовъ или дымовъ, потомъ поголовно по числу жите-

лей, и наконецъ съ известной мѣры земли, и признаеть, что въ древнѣйшія времена существовали на Руси только два рода прямыхъ сборовъ: личный, т. е. подворный или подымный или посемейный, и имущественный или поземельный. Первому по всей вѣроятности, какъ онъ говоритъ, подлежали городскіе промышленники занимавшіеся ремеслами и торговлею; а вторую, т. е. поземельную подать платили сельскіе жители, земледѣльцы. Авторъ свое мнѣніе основываетъ на удачномъ сопоставленіи лѣтописныхъ свидѣтельствъ.

Но не такъ удачна борьба автора съ Эверсомъ и Гагемейстеромъ. Эверсъ и Гагемейстеръ (очень справедливо) находятъ, что разные прямые сборы, падавшіе на городскихъ и сельскихъ жителей, уже въ самыя древнѣйшія времена имѣли природу налоговъ, — настоящихъ податей, распределяемыхъ на твердомъ основаніи, и ссылаются на свидѣтельства лѣтописи, въ которой сказано, сперва объ Олегѣ: «нача города ставити и устави дани Словеномъ, Куряичемъ и Мери; и устави Варягомъ дань давати отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославъ даяше Варягомъ.» И потомъ объ Ольгѣ: «Идѣ Вольга по Деревстѣи земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляюща уставы и уроки.» И въ другомъ мѣстѣ: «Въ лѣто 6455, иде Вольга Новгороду, и устави по Мьстѣ погосты и дани, и по Лузѣ оброки и дани.» На опредѣленность налоговъ Эверсъ и Гагемейстеръ видятъ указаніе въ выраженіи: *устаои дань даяти*, которое какъ относящееся къ опредѣленной дани, подати, падающей на совершенно подвластные народы, противопоставляется лѣтописцемъ выраженію: *словами дань*, когда говорится о дани временно собираемой съ народовъ побѣжденныхъ, но несовершенно покоренныхъ. Авторъ, опровергая это справедливое мнѣніе, сперва ссылается на голословное выраженіе одного писателя, который говоритъ: «Изъ приведенныхъ выше словъ лѣтописца, которыхъ отличіе совершенно неопредѣленно, нельзя съ значительною вѣроятностію выводить столь важныя заключенія, для которыхъ требуются гораздо

болѣе твердыя основанія.» Потомъ приводитъ свидѣтельство лѣтописи, что Игорь по просьбѣ дружины ходилъ за данью на Древянъ, и взялъ съ нихъ дань болѣе той, которую они платили Олегу; слѣдовательно по этому князья и послѣ Олега смотрѣли на дань, какъ на средство обогащенія, которымъ они могли произвольно располагать. Но во 1-хъ голословное опроверженіе, что будто бы выраженія *устанъ дань* дажи и *вложитъ дань* не имѣютъ опредѣленнаго отличія другъ отъ друга, ничего не доказываетъ ни опровергаетъ; лѣтописецъ о даянхъ постоянныхъ вездѣ говоритъ *устанъ дань*, а о даянхъ временныхъ *вложитъ дань*; слѣдовательно ясно и опредѣленно сознаетъ отличіе одного выраженія отъ другаго. Вотъ иное дѣло, еслибы онъ употреблялъ сіи выраженія безразлично, тогда еще можно бы было признать силу возраженія; но авторъ нигдѣ не представилъ образчика таковаго безразличнаго употребленія сихъ двухъ выраженій, и въ лѣтописи этого нигдѣ нѣтъ. Во 2-хъ свидѣтельство лѣтописи, что Игорь послѣ Олега ходилъ за данью къ Древянамъ, также не опровергаетъ мнѣнія высказаннаго Эверсомъ и Гагемейстеромъ; ибо Олегъ, по свидѣтельству лѣтописи, не уставлялъ дани на Древянъ, онъ уставлялъ только дани Словеномъ, Кривичемъ и Мери и отъ Новгорода гривень 300 на лѣто; о Древянахъ же въ лѣтописи сказано: «и поча Олегъ воевати Древяны, и примучивъ и имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ.» (Лавр. 10.) А по сему послѣ временной непостоянной Олеговой дани съ Древянъ, и Игорь также могъ ходить къ нимъ за временною данью, и дѣйствительно ходилъ два раза въ 914 и 945 годахъ. Но ни Игорь и никто изъ послѣдующихъ князей послѣ Олега не ходили за данью ни къ Словеномъ, ни къ Кривичамъ, ни къ Мери; слѣдовательно установленная Олегомъ на сихъ трехъ племенахъ дань была уже постоянно опредѣленною данью, которая опредѣленно въ извѣстные сроки вносилась самими жителями, и за которою уже не нужно было ходить князьямъ съ дружиною. Автора очевидно сбиваетъ нынѣшнее научное понятіе о нало-

гахъ и податяхъ, какъ онъ и самъ говоритъ: «о существованіи при Олегѣ правильныхъ, постоянныхъ и опредѣленныхъ налоговъ, податей въ томъ смыслѣ слова, въ какомъ мы нынѣ принимаемъ это слово, во всякомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи.» Ни никто и не заводитъ рѣчи о нынѣшнихъ податяхъ при Олегѣ; Эверсъ и Гагемейстеръ говорятъ только: «разные прямые сборы, падавшіе на городскихъ и сельскихъ жителей, уже въ древнѣйшія времена имѣли природу налоговъ, настоящихъ податей, разпредѣляемыхъ на твердомъ основаніи,» т. е. тогдашнія дани установленныя Олегомъ имѣли только природу нынѣшнихъ податей, какъ личинка имѣетъ природу бабочки, и природа ихъ даней, одинаковая съ нынѣшними податями, состояла въ томъ, что они были постоянны, опредѣленны, и собирались въ извѣстные сроки, какъ прямо говоритъ лѣтописецъ: «устави Варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто, еже до смерти Ярослава даяше Варягомъ.» Здѣсь ясно дань была опредѣленная — 300 гривенъ, платилась постоянно отъ Олега до смерти Ярослава, въ продолженіи слишкомъ 170 лѣтъ, собиралось въ сроки, ежегодно — на лѣто, отъ года до года.

Разбирая приведенное выше свидѣтельство лѣтописи о даяняхъ, оброкахъ и урокахъ установленныхъ Ольгою въ землѣ Древлянской и Новгородскомъ краю, авторъ говоритъ, что здѣсь еще нельзя видѣть начала податей въ истинномъ значеніи этого слова. Изъ словъ лѣтописца можно вывести не болѣе какъ только то, что Ольга въ Древлянской землѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ сама производила раскладку разныхъ сборовъ (даней, оброковъ, уроковъ), опредѣляя при этомъ, по всей вѣроятности, количество и время платежа для каждой волости. О раскладкѣ даней въ другихъ областяхъ, именно покоренныхъ Олегомъ на югъ, лѣтопись не упоминаетъ, слѣдовательно мѣра безъ сомнѣнія была частная. И притомъ она не указываетъ еще на постоянство налоговъ и разпредѣленіе ихъ по какому либо твердому основанію. Назначеніе и раскладка

даней и оброковъ могли быть сдѣланы только на время, вызваны особенною чрезвычайною потребностью въ матеріальныхъ средствахъ. Можно также допустить, что Ольга принуждена была сама устанавливать количество и время платежа дани съ Древлѣвъ единственно потому, что они иногда вовсе отказывались платить ихъ. Во всякомъ случаѣ полученіе государственныхъ доходовъ было тогда еще исключительно результатомъ силы, а не сознательнаго выполнения закона.... Сознание необходимости платить подати не можетъ быть уяснено въ жителяхъ, пока государство находится еще въ неразвитомъ положеніи, въ какомъ положеніи тогда находилась Русь. Ни князя ни народъ у насъ не имѣли еще ясныхъ понятій о цѣли гражданской жизни.... Князья искали въ подвластныхъ имъ земляхъ только дани и дружинъ, не заботясь о внутреннемъ устройствѣ земель.» Ясно опять, что автора сбиваютъ вышшія научныя понятія о налогахъ и государствѣ, взятыя поверхностно, это въ настоящее время общій недостатокъ нѣкоторыхъ изслѣдователей Русской исторіи, особенно молодыхъ; они, не желая или не умѣя стать на такую точку, съ которой бы древняя жизнь была видима ясно и въ надлежащемъ своемъ видѣ, смотреть на нее съ вышшіей научной точки зрѣнія, и не находя въ древней жизни того, что есть въ вышшіей жизни и чего требуетъ современная наука поверхностно понятая, упускаютъ изъ виду своеобразныя формы жизни, и разглашаютъ что по ея неразвитости въ ней ничего небыло и не могло быть. Но обратимся къ разсмотрѣнію возраженій автора: во 1-хъ ежели авторъ самъ говоритъ, что изъ свидѣтельствъ летописи можно вывести, что Ольга въ Древлѣнской землѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ сама производила разкладку разныхъ сборовъ, и опредѣляла количество и время платежа для каждой волости; слѣдовательно сборы сіи имѣли характеръ, природу налоговъ, настоящихъ податей; ибо они дѣлались по разкладкѣ, были опредѣлены по количеству сбора и по сроку или времени платежа для каждой области, и сверхъ

того носили разные названія, — дани, оброки, уроки, и наконецъ были постоянны, Ольга по словамъ лѣтописи ихъ *установила*, а не наложила. Это явно уже не были сборы временные неопредѣленные, производимые силою, каковы были дани, которыя имали съ Древлянъ въ прежнее время Олегъ и Игорь; когда Древляне не были еще совершенно покорены Русскими князьями, не вошли въ составъ Русскаго государства и управлялись собственными князьями. Ни объ Олегѣ ни объ Игорѣ лѣтопись нигдѣ не говоритъ, чтобы они устанавливали дани и уроки въ Древлянской землѣ, хотя и упоминаетъ о трехъ походахъ сихъ князей за данью къ Древлянамъ. Ольга же установила уставы и уроки только тогда, когда совершенно покорила Древлянъ, присоединила ихъ къ Русской державѣ и уничтожила ихъ самостоятельное управленіе, когда по словамъ лѣтописи: «взя градъ и пожже и, старѣйшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другія работѣ предастъ мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань.» (Лавр. 25.) Вотъ этому то проку, остатку, лишенному старѣйшинъ и преданному въ управленіе Русскимъ мужамъ. Ольга и установила уставы, уроки и дани, за которыми съ того времени не нужно было ходить съ дружиною; и дѣйствительно лѣтопись послѣ Ольги не упоминаетъ ни объ одномъ князѣ, который бы ходилъ за данью къ Древлянамъ, подобно Олегу и Игорю. Ясно что Ольгою въ Древлянской землѣ были уставлены постоянныя, правильныя по тогдашнему подати, подѣ названіемъ уроковъ, и даней; ясно что установленныя Ольгою дани и уроки уже не были временными непостоянными сборами въ Древлянской земли, за которыми князьямъ должно было ходить самимъ и собирать ихъ силою: въ противномъ случаѣ князья и послѣ Ольги ходили бы въ Древлянскую землю за данью.

Во 2-хъ авторъ говоритъ, что лѣтопись не упоминаетъ о раскладкѣ даней въ другихъ областяхъ, именно покоренныхъ Олегомъ на югѣ; слѣдовательно установленіе Ольгою даней и оброковъ въ Древлянской землѣ было частною мѣрою.» Здѣсь

авторъ до нѣкоторой степени правъ; дѣйствительно упоминаемые Ольгины распоряженія были частною мѣрою, т. е. касались только Древлянской земли и нѣкоторыхъ мѣстностей Новгородскаго края; но эта то частности и доказываетъ, что выраженіе лѣтописи *устави дань* означаетъ учрежденіе податей постоянное опредѣленное, а не временный случайный сборъ дани собираемый силою съ народа побѣжденнаго, но еще не совершенно покореннаго. Ольга не устанавливала постоянныхъ даней у Славянъ, Кривичей и Мери, гдѣ они уже были установлены, по свидѣтельству лѣтописи Олегомъ въ 882 году, она усталила постоянныя опредѣленныя дани, оброки и уроки только въ Древлянской землѣ вновь ею покоренной и присоединенной къ Русской державѣ, да еще въ Новгородскомъ краѣ въ уступленныхъ областяхъ по Мстѣ и Лугѣ; по свидѣтельству лѣтописи Олегъ на Новгородцовъ не уставлялъ дани, а только оставилъ урокъ мира дѣля по 300 гривенъ на лѣто, — урокъ же по объясненію самого г. Осокина имѣлъ отличіе отъ дани; слѣдовательно установленія Ольгою оброковъ и даней по Мстѣ и Лугѣ небыло повтореніемъ того, что уже было сдѣлано Олегомъ, а представляло новое самостоятельное учрежденіе, которое, какъ свидѣлствуютъ Новгородскія договорныя грамоты съ князьями, существовало въ тамошнемъ краѣ съ нѣкоторыми измѣненіями и въ XIII столѣтіи. Что же касается до южныхъ племенъ, — Уличей, Тиверцовъ, Бужанъ и Хорватовъ, то лѣтопись не упоминаетъ о раскладкѣ даней на сіи племена Ольгою, потому, что дань Русскихъ князей въ Ольгино время еще не раскладывалась на сіи племена, они тогда еще не принадлежали къ Русской державѣ, они небыли покорены ни Олегомъ, ни Игоремъ, ни Ольгою, съ ними еще воевалъ внукъ Ольгинъ Владимиръ и частію даже его преемники; слѣдовательно на сіи племена Ольга не только не могла устанавливать постоянныхъ даней, но и не имѣла случая дѣлать временныхъ поборовъ.

Въ 3-хъ предположеніе автора (что сознаніе необходимости

платить подати не можетъ быть выяснено въ жителяхъ, пока государство находится еще въ неразвитомъ положеніи. А въ такомъ положеніи находилась тогда Русь) остается не болѣе какъ предположеніемъ, которое не можетъ уничтожить фактовъ засвидѣтельствованныхъ лѣтописью. Лѣтопись говоритъ ясно, что Олегомъ и Ольгою были уставлены постоянныя дани, оброки и уроки; слѣдовательно современники Олега и Ольги на Руси уже сознавали необходимость платить подати, т. е. постоянныя дани, оброки и уроки. Предположеніе автора доказываетъ только, что онъ смотритъ на древнюю Русь съ точки зрѣнія нынѣшнихъ научныхъ понятій о государствѣ и, не находя въ древней Руси явленій условливаемыхъ нынѣшними научными понятіями, безусловно отвергаетъ всѣ своеобразныя формы тогдашняго государственнаго быта на Руси, и даже не находитъ возможности уяснить сознаніе необходимости платить подати.

Въ 4-хъ справедливо полагаетъ авторъ, что дань, за которою ходилъ самъ князь съ дружиною, была первоначально видомъ подчиненности племени одной общей власти, но эта подчиненность была оказываема только въ слѣдствіе крайности.» Но за даями, т. е. за временными случайными поборами, собираемыми силою, Русскіе князья ходили только къ племенамъ еще непокореннымъ, уступавшимъ одной силѣ, въ племенахъ же составлявшихъ Русское государство, т. е. добровольно въ него вошедшихъ или совершенно покоренныхъ Русскими князьями, какъ Древляне при Ольгѣ, собирались не временныя случайныя поборы, а устанавливались постоянныя опредѣленныя оброки, уроки и дани, въ земли сихъ племенъ недля чего уже было ходить за данью самимъ Русскимъ князьямъ съ дружиною, тамъ уже управляли Русскіе княжіе мужи, посадники, какъ прямо сказано въ лѣтописи о Смоленскѣ и Любечѣ: «Олегу приде къ Смоленску съ Кривичи, и прія градъ, и посади мужъ свой, оттуда поиде внизъ, и взя Любечъ, и посади мужъ свой.» (Лавр. 10.) И дѣйствительно лѣтопись не пред-

ставляетъ ни одного извѣстiя, чтобы князья ходили съ дружиною силою собирать дань въ тѣхъ племенахъ, которые были уже совершенно покорены и вошли въ составъ Русскаго государства; всѣ извѣстiя о походахъ князей за данью относятся къ племенамъ непокореннымъ и даже еще состоявшимъ въ войнѣ, такъ напримѣръ походы Олега на Уличей, Тивертовъ и Хорватовъ и подобн.

Въ 5-хъ наконецъ напрасно авторъ утверждаетъ, что князья искали въ подвластныхъ имъ земляхъ только дани и дружинъ, не заботясь о внутреннемъ устройствѣ земель. Лѣтопись свидѣтельствуетъ совершенно противное сему; она говоритъ объ Ольгѣ; «идѣ Вольга по Деревстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною уставляючи уставы и уроки.» И потомъ: «Идѣ Вольга Новугороду и устави по Мьстѣ погости и дани, и по Лузѣ оброки и дани; ловища ея суть по всей земли, знамянья и мѣста и погосты... и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ... и изрядивши, въ зратися къ сыну своему Кіеву.» (Лавр. 25.) Ольга по словамъ лѣтописи возвратилась въ Кіевъ не прежде, какъ все урядивши и устроивши; слѣдовательно по прямому свидѣтельству лѣтописи покрайней мѣрѣ Ольга заботилась о внутреннемъ устройствѣ земель, составлявшихъ Русскую державу. Что же касается до мнимаго исканiя Русскими князьями дружинъ въ подвластныхъ земляхъ, то я рѣшительно не знаю откуда взялъ его авторъ; всѣ лѣтописи, всѣ другіе историческіе памятники свидѣтельствуютъ одно, что княжескія дружины на Руси составлялись изъ вольныхъ людей, пришельцевъ со всѣхъ краевъ свѣта; отъ Рюрика до Владиміра княжія дружины преимущественно состояли изъ Варяговъ, а послѣ Владиміра они стали пополняться всѣми возможными пришельцами, и Ляхами, и Нѣмцами, и Уграми, и Торками, и Ясами, и Касогами, и Печенѣгами, и Половцами, а равно и свободными туземными Славянами. Чтобы убѣдиться въ этомъ стоитъ только припомнить имена княжескихъ дружинниковъ встречающіся въ лѣтописяхъ. О насильственныхъ же наборахъ

изъ покоренныхъ племенъ въ княжую дружину нѣтъ нигдѣ и намеку; даже приборы (а не наборы) въ княжую службу начали появляться въ нашей исторіи не раньше времени Іоанна III-го Московскаго. Иное дѣло посоха, собираемая преимущественно для защиты родной земли, а не для княжескихъ походовъ, она дѣйствительно составлялась изъ туземцевъ той или другой; но она не составляла княжеской дружины, а была особымъ земскимъ войскомъ.

Переходя ко временамъ Владимира и Ярослава авторъ говорить: «По всей вѣроятности о введеніи большаго постоянства при установленіи даней и вообще прямыхъ сборовъ на народы совершенно подвластныхъ заботилось правительство при Св. Владимирѣ и Ярославѣ I-мъ. Владимиръ, который, какъ мы видимъ, совѣтуется съ Греческимъ духовенствомъ объ устройствѣ земскомъ и устанавливаетъ нѣкоторые косвенные сборы (виры), могъ обратить вниманіе и на прямые. О Ярославѣ извѣстно, что будучи обязанъ велико-княжескимъ престоломъ Новгородцамъ, онъ далъ имъ въ первые годы своего княженія, финансовую льготную грамоту.» Дѣйствительно лѣтопись свидѣтельствуется, что Владимиръ заботился о строѣ и уставѣ земскомъ; но въ той же лѣтописи мы находимъ, что и до Владимира Русскіе князья заботились о земскомъ устроеніи, и самъ Владимиръ жилъ по ихъ устроению; лѣтопись прямо говоритъ: «и живяше Володимиръ по устроению отню и дѣдню.» (Лавр. стр. 54.) Слѣдовательно и Святославъ и Игорь заботились о внутреннемъ устройствѣ своихъ владѣній. Но больше ли своихъ предковъ Владимиръ заботился о введеніи постоянства при установленіи даней, мы рѣшительно объ этомъ не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ ни даже намековъ; и только утвердительно можемъ сказать, что онъ объ этомъ предметѣ не совѣтовался съ Греческимъ духовенствомъ, въ противномъ случаѣ со времени Владимира въ наложеніи даней и другихъ поборовъ у насъ были бы замѣтны слѣды Византійскаго порядка, единственно знакомаго Греческому духовенству, но сихъ слѣ-

довъ мы нигдѣ не замѣчаемъ, у насъ и послѣ Владимира вездѣ попадаются тѣ же поборы дани, оброки, уроки и подобн., которые мы видѣли и до Владимира. Притомъ же лѣтопись свидѣтельствуетъ, что Владимиръ о внутреннемъ устройствѣ своихъ владѣній совѣтовался съ дружиною, а не съ Греческимъ духовенствомъ, она прямо говоритъ: «Бѣ Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмъ и о ратѣхъ, и уставѣ земленѣмъ.» (Лавр. 54.) Что же касается до Ярослава I-го, то льготная финансовая грамота, которую онъ далъ Новгородцамъ, указываетъ не на то, чтобы онъ больше своихъ предшественниковъ заботился объ установленіи постоянныхъ даней, а на то, что въ Новгородѣ уже до Ярослава были постоянныя дані, оброки и уроки, ибо льготныя грамоты даются для освобожденія отъ податей уже существующихъ. При томъ ежели помощь, оказанная Новгородцами Ярославу при занятіи велико-княжескаго престола, обязывала его, какъ бы въ благодарность, заботиться о внутреннемъ устройствѣ, хотя бы Новгородскихъ владѣній; то та же обязанность лежала и на Рюрикѣ, первомъ Русскомъ князѣ, ибо и онъ Новгородцамъ же былъ обязанъ полученіемъ княжеской власти, Новгородцы вмѣстѣ съ Чудью и Кривичами пригласили его княжить и владѣть въ Русской землѣ; слѣдовательно и Рюрикъ также какъ и Ярославъ долженъ былъ заботиться объ устройствѣ Русскихъ владѣній.

Переходя къ удѣльному періоду, авторъ пишетъ: «во весь періодъ такъ называемой удѣльной системы, мы напрасно будемъ искать правильности въ установленіи и распредѣленіи даней. Удѣльные князья занятые своими распрями, не могли заботиться о внутреннемъ устройствѣ государства вообще и финансовомъ въ особенности. Все заставляетъ думать, что раскладка даней въ это время была весьма произвольною, зависѣла отъ воли мѣстныхъ правителей, и очень сомнительно, чтобы до XIII столѣтія даже велись этой раскладкѣ особыя списки, раскладочныя реэстры... ни лѣтописи ни другіе акты не сообщаютъ намъ извѣстія о томъ, былъ ли въ началѣ такъ

называемого періода удѣловъ введенъ одинъ какой либо способъ распредѣленія дани, общій для всей Россіи, и какой именно, или въ различныхъ княжествахъ существовали различные способы ихъ установленія и разкладки.... Лучшимъ доказательствомъ тому, что при Ярославѣ и во время удѣльной системы средства для удовлетворенія общественнымъ потребностямъ были довольно случайны, служить то обстоятельство, что значительный доходъ князьямъ доставляли добровольныя приношенія жителей, называемые дарами поклонами.» Я не знаю какой правильности думаетъ искать, и не надѣется отыскать авторъ въ распредѣленіи и установленіи дани во время удѣльнаго періода; но до насъ дошли прямые свидѣтельства, что во время удѣльнаго періода на Руси въ разныхъ княжествахъ платились народомъ постоянныя и опредѣленныя дани и другихъ наименованій поборы, и количество сихъ поборовъ въ каждомъ городѣ и волости напередъ было извѣстно князю; такъ напримѣръ Смоленскій князь Ростиславъ Мстиславичъ въ уставной грамотѣ 1150 года прямо говоритъ, что съ девяти Вержавскихъ погостовъ сходится дани 800 гривенъ, предмѣра 100 гривенъ, а на истужницѣхъ 100 гривенъ; въ Вороничѣхъ 200 гривенъ, съ Торопца дани 400 гривенъ, въ Жижци дани 130 гривенъ и такъ далѣе въ тридцати Смоленскихъ волостяхъ и городахъ. (Дополн. къ Ак. истор. Т. I. № 4.) Кромѣ того изъ этой же грамоты мы видимъ, что иные поборы отдавались на откупъ, а другіе собирались княжими сборщиками или выборными людьми; такъ напримѣръ о гостинной дани въ Пачини, грамота говоритъ: «а въ гостинной дани невѣдомо», или о корчмити и мытѣ: «въ Лучинѣ мыта и корчмити невѣдомо, на Прупой корчмити невѣдомо.» Ясно что изчисленные здѣсь поборы съ торговцевъ собирались приставами князя или выборными людьми, а не были отданы на откупъ, въ грамотѣ говорится невѣдомо что ся сойдесть, и дѣйствительно нельзя знать напередъ сколько будетъ прїѣзжихъ торговцевъ въ продолженіи года, и по этому сколько съ нихъ сберется дани. Напротивъ

того перевозъ и торговое на Копысѣ очевидно были отданы на откупъ, или пооброчены; ибо въ грамотѣ сказано: «на Копысѣ перевоза четыре гривны, а торговаго четыре гривны.» Въ этой же грамотѣ мы встрѣчаемъ важное указаніе, что раскладка дани соразмѣрялась съ состояніемъ плательщиковъ, грамота говоритъ; «а въ тѣхъ погостѣхъ платитъ кто жъ свою дань и предмѣръ истужницы, по силѣ, кто что мога.» Далѣе въ этой же грамотѣ есть указаніе, что князья получали свѣденія, когда была необходимость уменьшить дани съ той или другой области по какимъ либо несчастіямъ; въ грамотѣ сказано: «Се же нынѣ, въ си дни полны дани, а посемъ что Богъ устроитъ; по Божію строю, чи которая дань оскудѣетъ, или ратью или конимъ образомъ, по силѣ что почнетъ давати тыи дани, а изъ того десятина святѣй Богородицы.» Все это прямо свидѣтельствуетъ, что въ установленіи и распредѣленіи дани и во время удѣльнаго періода соблюдались до нѣкоторой степени правильность и опредѣленность, что тогдашнія дани и другіе поборы имѣли природу налоговъ, настоящихъ податей, которыхъ авторъ не находитъ да самаго Іоанна III-го Московскаго. Напрасно также думаетъ авторъ, что удѣльные князья занятые своими распрями, не могли заботиться о внутреннемъ устройствѣ государства вообще и о финансовомъ въ особенности. Удѣльныя распри только представляли временныя затрудненія, но отнюдь не были такими неодолимыми препятствіями, чтобы князья вовсе не могли заботиться о внутреннемъ устройствѣ государства; по прямому свидѣтельству Русской правды сыновья Ярослава собирались же въ Кіевъ, чтобы измѣнить нѣкоторыя положенія въ законахъ своего отца, какъ прямо говоритъ Правда: «Правда уставлена Русской землѣ, егда ся съвкупилъ Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Коснячъко, Перенѣгъ, Микифоръ Кіянинъ, Чудинъ Микула.» Собралъ же Владимиръ Мономахъ тысяцкихъ и Ольгова мужа для пополненія закона о ростахъ или процентахъ, какъ написано въ той же правдѣ: «А се уставилъ Владимиръ Всеволодичъ по Святополицѣ съзвавъ дружини

свою на Берестовомъ: Ратибора тысячьскаго Кіевскаго, и Прокіа Бѣлгородскаго тысячьскаго, Станислава Переяславскаго тысячьскаго, Нажира, Мирослава, Иванка Чудиновича Ольгова мужа, и устави люди до третьяго рѣза.» Слѣдовательно по прямому свидѣтельству памятниковъ и во время удѣловъ князья находили возможность и время заботиться объ общемъ внутреннемъ устройствѣ Русской земли, и даже нѣкоторые памятники ихъ заботы объ устройствѣ дошли до насъ несмотря на отдаленность времени. Нельзя также согласиться съ авторомъ, чтобы раскладка даней въ это время была весьма произвольною и зависѣла отъ воли мѣстныхъ правителей; ибо особенно въ началѣ удѣльнаго періода, покрайней мѣрѣ въ продолженіи первыхъ 50 лѣтъ князья не успѣли еще утвердиться на своихъ удѣлахъ, они въ непродолжительные сроки переходили изъ удѣла въ удѣлъ; слѣдовательно не имѣли ни времени ни средствъ произвольно располагать наложеніемъ и раскладкою даней и другихъ поборовъ, они должны были волей неволей въ этомъ дѣлѣ слѣдовать общему порядку, въ противномъ случаѣ народонаселеніе, какъ непобѣжденное, подавало бы голосъ въ пользу или противъ того или другаго князя, и не было бы такъ равнодушно къ частымъ перемѣнамъ князей, какъ оно оказывалось въ то время равнодушнымъ по свидѣтельству лѣтописей. Иное дѣло въ послѣдствіи, когда князья утвердились на своихъ удѣлахъ, когда удѣлы сдѣлались наследственными и стали переходить отъ отца къ сыну или ближайшему родственнику, когда изъ удѣловъ образовались самостоятельныя княжества для извѣстныхъ княжескихъ родовъ, напримѣръ въ Галичѣ, Рязани, Владимірѣ и другихъ мѣстахъ; въ то время конечно князья уже болѣе имѣли времени и средствъ располагать введеніемъ разныхъ даней и поборовъ, и въ этомъ дѣлѣ отступать отъ стараго общаго порядка. И мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ иныхъ княженіяхъ такіе поборы, какихъ не встрѣчается въ другихъ княженіяхъ; напримѣръ въ Рязанскомъ княжествѣ, по свидѣтельству Олеговой грамоты, были поборы подъ назва-

ніемъ вина, поличное, рѣзанка, шестьдесятъ, которыхъ поборовъ мы не встрѣчаемъ въ памятникахъ другихъ княжествъ. Но и здѣсь является только разнообразіе несходство въ даняхъ одного княжества передъ другимъ; а отнюдь не произволъ въ наложеніи даней и поборовъ, дани и при разнообразіи были правильны постоянны и опредѣленны, это свидѣтельствуеетъ также Олегова грамота, въ ней Олегъ (1356 — 1387 г.) даетъ Ольгову монастырю село Арестовское съ винами и поличнымъ и съ рѣзанкою и съ шестьдесятъ, точно также, какъ и предки его Ингварь, Олегъ и Юрьи, которые за полтора ста лѣтъ до него ставили этотъ монастырь и въ то время уступили ему тѣ же дани (Ак. истор. Т. I. № 2); слѣдовательно дани оставались неизмѣнными въ продолженіи полутора ста лѣтъ по свидѣтельству одной только грамоты, а на дѣлѣ можетъ быть дани сіи существовали съ половины XII столѣтія, или даже съ образованія отдѣльнаго Рязанскаго княжества при Ярославѣ Святославичѣ. Наконецъ нельзя согласиться съ авторомъ въ томъ, что будто бы во время удѣловъ средства для удовлетворенія общественнымъ потребностямъ были довольно случайны, чему доказательство онъ видитъ въ томъ, что значительный доходъ князьямъ доставляли добровольныя приношенія жителей называемыя дарами и поклонами. Сему во 1-хъ противорѣчитъ свидѣтельство лѣтописи относящееся къ 1195 году, гдѣ по случаю вражды Всеволода Юрьевича Владимирскаго противъ Рюрика Кіевскаго за уступку симъ послѣднимъ нѣкоторыхъ областей зятю своему Роману Волынскому, Романъ говоритъ: «Отце! то ци про мене тобѣ не жити съ сватомъ своимъ и въ любовь не внити? а мнѣ любо иную волость въ тое мѣсто даси, любо кунами даси за нее, во что будетъ была.» (Ипат. 145.) Изъ сихъ словъ Романа очевидно для всякаго, что волости, удѣлы, города доставляли своимъ князьямъ неслучайныя, а постоянныя напередъ извѣстныя доходы, въ противномъ случаѣ Романъ не могъ бы сказать: дай мнѣ или иную волость вмѣсто прежней, или заплати за нее, чего стоитъ, деньгами. Во 2-хъ са-

вые дары, поклоны и почестья большею частию были неслучайными временными приношеніями, а постоянными опредѣленными поборами, наравнѣ съ данями, уроками и подобн., какъ бы ихъ дополненія; такъ въ уставѣ Новгородскаго князя Святослава Ольговича 1137 года читаемъ: «А здѣ въ Новгородѣ, что есть десятина отъ даній, обрѣтохъ уряжено преже мене бывшими князи.... Ать емлетъ пискушъ десятину.... Въ Онегѣ на Волдутовѣ погостѣ два сорочка, на Ивани погостѣ съ даромъ три сорочки, у Лигуя съ даромъ два, у Вавдита съ даромъ два.» (Русск. Достоп. Т. I. стр. 83.) Или въ Смоленской Ростиславовой грамотѣ сказано: «Отъ Мстиславля 6 гривенъ урока, а почестья гривна и три лисицы, отъ Копосы 6 гривенъ урока и двѣ лисицы, а почестья 35 кунъ; отъ Ростиславля 3 гривны, а почестья гривна и четыре лисицы.» Слѣдовательно здѣсь ясно поборъ даръ, почестье является не случайнымъ и временнымъ, а постояннымъ и опредѣленнымъ, съ характеромъ прямого налога, подати; Святославъ прямо говоритъ; «обрѣтохъ уряжено преже мене бывшими князи.» Дары какъ постоянныя подати, а не случайныя поборы, даже засвидѣтельствованы договорными грамотами; такъ въ договорной грамотѣ Новгорода съ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ, 1265 года, сказано: «Новгородъ ти держати въ старинѣ, по пошлинѣ. Что волостій всѣхъ Новгородскихъ, того ти, княже не держати своими мужи, но держати мужи Новгородскими, а даръ имати тобѣ отъ тѣхъ волостей. (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I. № 1.) Конечно были и временныя случайныя дары и окупы, на которые и ссылается авторъ, но при временныхъ случайныхъ дарахъ были и постоянныя опредѣленныя; слѣдовательно изъ существованія нѣкоторыхъ немногихъ случайныхъ даровъ нельзя вообще заключать о томъ, чтобы во время удѣловъ средства для удовлетворенія общественнымъ потребностямъ были довольно случайны; отъ части къ цѣлому заключаютъ.

Приступая ко времени Татарскаго владычества на Руси, авторъ говоритъ: «Монголы ввели въ нашемъ отечествѣ деся-

тину и поголовные сборы. Городскіе промышленники, купцы и ремесленники подлежали имъ наравнѣ съ другими жителями. Особенной дани самостоятельной, которая бы падала собственно на ремесла и торговлю не было также и теперь, какъ и въ предшествовавшіе вѣка.» Это показаніе автора, особенно въ томъ видѣ, какъ онъ его развиваетъ въ послѣдствіи, болшею частію справедливо и согласно съ дошедшими до насъ источниками, и за небольшими исключеніями съ объясненіями автора вездѣ можно согласиться.

Такъ напримѣръ мнѣніе автора, что десятина имѣла характеръ только временной военной добычи взимаемой при самомъ покореніи княжествъ, вполне согласно съ памятниками; ибо ни въ ханскихъ ярлыкахъ ни въ другихъ грамотахъ Монгольскаго періода нигдѣ не упоминается о десятинахъ платимыхъ Татарскимъ ханамъ, объ нихъ говорятъ только Плато-Карпини и Троицкая лѣтопись подъ 1237 годомъ, свидѣтельство которыхъ относится именно только ко времени первоначальнаго покоренія Русской земли Монголами. Но едва ли можно согласиться съ авторомъ въ томъ, что Монголы у насъ ввели поголовную дань; ибо всѣ свидѣтельства о Татарскомъ числѣ имъ приведенныя, нигдѣ ясно не говорятъ о поголовномъ изчисленіи, за исключеніемъ извѣстія Плато-Карпини, а нѣкоторые даже напротивъ прямо указываютъ на посемейное изчисленіе; такъ въ Новгородской лѣтописи подъ 1259 годомъ сказано: «пчаша ѣздити окаяніи по улицамъ, пишуче дома христіанскіе.» Притомъ же не должно упускать изъ вида, что въ Китайскихъ лѣтописяхъ, именно въ книгѣ Ганъ-му, сказано: что еще въ 1236 году Монголы производили перепись въ Китаѣ посемейно, а не поголовно; слѣдовательно ежели таковой порядокъ былъ у Монголовъ въ Китаѣ въ 1236 году; то нѣтъ причины предполагать, чтобы этотъ порядокъ былъ измѣненъ при переписи произведенной Монголами въ Россіи; тѣмъ болѣе что и въ Русскихъ официальныхъ памятникахъ, конца XIII и начала XIV вѣка, упоминаются особо численные и особо нечисленные

люди, и на первыхъ именно лежала Татарская дань, здѣсь кажется именно численными людьми назывались представители семействъ попавшіе въ татарское число, а нечисленными члены тѣхъ же семействъ, но непредставители; у насъ и въ послѣдствіи по уничтоженіи Татарскаго ига оставался еще этотъ Татарскій порядокъ, во всѣхъ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ изчислялись только дома, семейства, а не всѣ члены семействъ, которые тогда назывались захребетниками и не шли въ изчисленіе. Все это довольно ясно говорить, что Татары на Руси брали посемейную а не поголовную дань.

Далѣе вполне справедливо и согласно съ памятниками авторъ пишетъ, что Монгольскія переписи скоро прекратились, и ханы стали только опредѣлять сумму, слѣдующую ко взысканію съ княжествъ и областей, предоставляя самимъ князьямъ вносить сборы въ казну Ханскую. Но я незнаю на какомъ основаніи авторъ говоритъ, что Татарская дань съ тѣхъ поръ начинаетъ разкладываться, на томъ же основаніи, какъ и дани шедшія въ пользу Князей, т. е. какъ выражаются источники *по сохамъ и по людемъ*, и что въ одной мѣстности преобладало пососное разпредѣленіе, а въ другой посемейное. Тогда какъ самъ же онъ приводитъ свидѣтельство Татищева, что еще во время Татарскихъ переписей Князь Василій Ярославичъ Костромской привезъ дань къ Хану по-полугривнѣ съ сохи или съ двухъ работниковъ, и что недовольный Ханъ велѣлъ сдѣлать новую перепись. А по Китайскимъ источникамъ извѣстно, что и въ Китаѣ Монголы еще въ 1236 году разложили дань по землѣ, именно съ одной му (1200 квадр. футовъ) лучшей земли три гарнца съ половиною, съ одной му средней земли три гарнца, съ одной му худой земли два гарнца съ половиною. (Ист. 4-хъ хановъ изъ дома Чингисова стр. 265). Слѣдовательно не безъ основанія можно допустить, что Монголы у насъ стали собирать дань съ земли по сохамъ или плугамъ, точно также какъ въ Китаѣ они собирали по тамошней мѣрѣ му, при самомъ обложеніи данью Русскихъ княжествъ, именно

во время Татарскихъ переписей, а не по прекращеніи ихъ, какъ утверждаетъ авторъ.

Въ заключеніи первой главы авторъ говоритъ о черномъ борѣ у Новгородцевъ. Онъ весьма основательно и совершенно согласно съ источниками утверждаетъ, что черный боръ, называвшійся также черною кунюю, не былъ ни данью собираемою съ черни, ни податью съ лѣсовъ, ни данью вносимою Новгородцами Великому Князю, единственно для уплаты Ордынского выхода, какъ полагаютъ иные писатели; но что это была собственно общая (непоголовная) дань шедшая съ Новгородцевъ въ пользу Князя, и что она была гораздо ранѣе 1340 года, когда въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ. Я съ своей стороны къ этому показанію автора думаю прибавить только то, что черный боръ въ Новгородѣ представлялъ ту самую общую дань, которая въ другихъ Княжескихъ владѣніяхъ постоянно и безпрекословно платилась Князьямъ подъ именемъ собственно дани; Новгородцы же, какъ состоявшіе на особыхъ правахъ, утверждаясь на Ярославскихъ грамотахъ, всегда уклонялись отъ платежа этой дани, и уступали ее Князьямъ только въ крайности, и то не на долго. Первая Новгородская лѣтопись кажется объ этой самой дани говорить еще подъ 1209 г., когда рассказываетъ, что Новгородцы отпущенные Всеволодомъ изъ несостоявшагося Черниговскаго похода, возвратившись въ Новгородъ: «створиша вѣче на посадника Дмитра и на братію его: яко ти повелѣша на Новгородцихъ серебро имати, и поволости куны брати, по купцемъ виру дикую и повозы возити в все зло.» (1 Новг. стр. 30).

Вторая глава *Объ обложеніи податями ремесленной промышленности и торговли отъ Юанна III-го до введенія Петра въ великимъ подушной подати.*

Здѣсь авторъ говоритъ: «что единство политическое, результатъ уничтоженія удѣловъ и прекращенія независимости Новгорода, отразилось и въ финансовой системѣ. Посошная подать въ теченіи короткаго времени разпрѣстранилась мало по

малу почти на всѣ области тогдашней Руси. Подати сдѣлались постоянными. Соха по прежнему была единицею мѣры для разпредѣленія налога не только въ земледѣльческой промышленности, но и въ ремеслахъ и въ торговлѣ.» Конечно можно согласиться съ авторомъ, что съ уничтоженіемъ удѣловъ и съ прекращеніемъ независимости Новгорода финансовая система на Руси потерпѣла нѣкоторыя измѣненія, подати мало по малу должны были сдѣлаться болѣе единообразными; но все это сдѣлалось не въ самое короткое время, какъ утверждаетъ авторъ. Московское правительство всегда поступало осторожно, и лишь на столько вводило свои порядки въ прежнія самостоятельныя владѣнія присоединяемыя къ Москвѣ, на сколько это было необходимо для общаго благоустройства; оно неотмѣняло частныхъ порядковъ, развившихся въ той или другой присоединенной области, въ прежнее время, ежели порядки сіи не препятствовали общему благоустройству. Такъ мы по официальнымъ памятникамъ знаемъ, что въ Новгородскихъ владѣніяхъ еще въ концѣ XVI вѣка разкладка податей производилась по Новгородскимъ сохамъ, а не по Московскимъ, и Новгородскія сохи дѣлались на обжи а не на выти, какъ въ Московскихъ владѣніяхъ. (Писцовая книга Новгор. 7091 года напечатан. во Временникѣ въ 6 книгѣ стр. 58 и друг.). Нельзя также согласиться съ авторомъ, относительно того, что подати сдѣлались постоянными только съ Іоанна III; ибо уже выше доказано, что подати на Руси были постоянны и въ X и въ XI и въ XII, XIII и въ XIV вѣкахъ. Но авторъ вполне правъ, утверждая, что при Іоаннѣ III не было отдѣльной промысловой подати; ее дѣйствительно не было въ томъ смыслѣ, какой онъ составилъ для нее въ первой части своего труда; таковая отдѣльная подать даже немогла существовать при тогдашнемъ финансовомъ устройствѣ, ибо тогда по свидѣтельству официальныхъ источниковъ, всѣ подати разкладывались по животамъ и промысламъ.

Далѣе авторъ изчисляетъ нѣкоторыя области гдѣ была произведена сошная перепись при Іоаннѣ III и потомъ при его

преемникахъ до Петра Великаго, и между прочимъ говорить: «хотя неизвѣстно была-ли перепись общею для государства, однакожъ очень вѣроятно мнѣніе Карамзина, что въ теченіе государственнаго Іоанна всѣ земледѣльцы были разписаны въ сохи». Я незнаю на что автору понадобилось это изчисленіе далеко неполное; ежели онъ уже признаетъ, что соха была единственною мѣрою для разпредѣленія налога, не только въ земледѣльческой промышленности, но и въ ремеслахъ и въ торговлѣ; то конечно всѣ области подлежащія платежу сошнаго налога должны были подвергнуться сошному письму, а иначе соха не была бы единственною мѣрою для разпредѣленія налога. И дѣйствительно Московскіе Государя какъ скоро присоединяли какую область къ своимъ владѣніямъ, то неотлагали посылать туда писцовъ для переписи области; такъ Іоанномъ III были посланы писцы въ Тверь, въ Новгородъ, въ Вятку. Мнѣніе Карамзина не только очень вѣроятно, но вполне справедливо и достовѣрно; при Іоаннѣ III всѣ области составлявшіе Московское государство были непремѣнно описаны. По Московскому устройству безъ описанія областей, безъ писцовыхъ и переписныхъ книгъ нельзя было ни собирать податей, ни нести государственной службы; и это не новостъ введенная Іоанномъ III, а старыи порядокъ. Еще при Великому Князѣ Васильѣ Васильевичѣ посылать писцовъ и описывать области по сохамъ было дѣломъ старымъ обычнымъ, необходимымъ для разкладки податей. Василій Васильевичъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи пишетъ: «А какъ почнуть дѣти мои жити по удѣломъ, и моя Княгина, и сынъ мой Иванъ, и мой сынъ Юрь, и мои дѣти пошлютъ писцовъ, а удѣлы свои писцы ихъ опишутъ по крестному цѣлованью, да по тому письму и обложить по сохамъ и по людемъ, да по тому окладу моя княгиня и мои дѣти и въ выходъ учнутъ давати сыну моему Ивану съ своихъ удѣловъ». Здѣсь Великій Князь Василій Васильевичъ указываетъ на писцовъ и на описаніе удѣловъ по сохамъ не какъ на новостъ, а какъ на порядокъ заведенный издавна, обычный. И

по другимъ грамотамъ мы дѣйствительно видимъ, что этотъ порядокъ былъ давнишній не только у Московскихъ Князей, но и въ другихъ владѣнiяхъ Руси. Самъ Г. Осокинъ признаетъ и указываетъ свидѣтельство грамоты, что дань разкладывалась по сохамъ еще при Великомъ Князѣ Димитрiѣ Ивановичѣ Донскомъ; а сверхъ того есть свидѣтельства и о самомъ описанiи земель для разкладки податей, и свидѣтельства восходящiя до XIV столѣтiя. Такъ напримѣръ въ жалованной грамотѣ данной Отрочу Монастырю Тверскими Князьями (1361 — 1365 г.) написано: «И данницы наши и ямщицы, и писцы, ать не вѣздать ни всылають къ Монастырскимъ людемъ ни почто». (Ак. Ар. Эк. Т. I. № 5). Или съ самаго начала XV вѣка, почти во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ Московскихъ и не Московскихъ въ числѣ пошлинъ упоминается *писчая бѣлка*, т. е. пошлина платимая писцамъ при описанiи земель и разкладкѣ даней. Или въ жалованной грамотѣ Бѣлозерскаго Князя Кириллову монастырю (1435 — 1446 г.) прямо говорится объ описанiи земель, вотъ слова грамоты: «прiѣдетъ мой данщикъ или опищикъ на Бѣлоозеро въ мою вотчину; и игумень моему данщику дани не даетъ, ни описыватися не дастъ» (*ibid.* № 30). Или въ жалованной грамотѣ Великой Княгини Софiи Витовтовны Ферапонтову монастырю (1448 г.) сказано: «ненадобѣ моя дань Княгини Великiе, ни ямъ, ни подвода, ни писчая бѣлка, ни иньи никоторыи пошлины, и данщики мои тѣхъ земель не пишутъ» (*ibid.* № 41). Слѣдовательно нѣтъ никакой надобности изчислять тѣхъ отрывочныхъ указанiй о переписи земель при Иоаннѣ III и его преемникахъ, которыя намъ извѣстны печатно; указанiя сiи не составляютъ и сотой доли свидѣтельствъ о переписи земель Московскаго государства; въ архивахъ вотчинномъ и коллегiи иностранныхъ дѣлъ до сего времени сохраняются тысячи писцовыхъ и переписныхъ книгъ XVI и XVII столѣтiй по всѣмъ уѣздамъ тогдашней Россiи. Владѣнiя Московскiя при Иоаннѣ III не только непремѣнно были всѣ описаны, но и описывались нѣсколько разъ и въ непродол-

жительные промежутки. Такъ мы имѣемъ сохранившимися переписныя книги по Новгороду, одни за 1496 годъ и другія за 1500 годъ, и одна изъ книгъ 1500 года, даже напечатана во Временикѣ историческаго общества; потомъ до насъ дошли, и также уже напечатаны писцовыя Новгородскія книги за 1582 годъ, въ которыхъ есть ссылка на писцовыя книги Новгородскія 1580 года. Напрасно также авторъ упоминаетъ о писцовомъ наказѣ 1555 года, какъ о какой-нибудь новости, и говоритъ: «въ 1555 году изданъ былъ уже писцовый наказъ». Но этотъ наказъ на дѣлѣ нисколько не былъ новостію, онъ отнюдь не первый наказъ; ибо ежели по сознанию самаго автора существовали писцовыя книги въ XV столѣтіи; то непременно должны были существовать и писцовыя указы, потому что безъ указа нельзя и составить писцовой книги, въ наказѣ именно излагались правила, которымъ должно слѣдовать при составленіи писцовыхъ книгъ, и мы дѣйствительно имѣемъ писцовый наказъ по Новгороду относящійся или къ 1437 или къ 1456 годамъ, онъ напечатанъ въ I томѣ актовъ Археогрѣической экспедиціи подъ № 32; но конечно и этотъ наказъ не былъ первымъ писцовымъ указомъ.

Несправедливо также говоритъ авторъ о приправочныхъ книгахъ, по его словамъ: «приправочныя книги были дополнительныя книги къ писцовымъ книгамъ, или тѣ, которыя по случаю изстребленія писцовыхъ книгъ должны были замѣнять ихъ». Но на дѣлѣ приправочныя книги имѣли совершенной свой самостоятельный характеръ, и служили матеріаломъ или указаніемъ при составленіи писцовыхъ книгъ, а не дополняли или незамѣняли ихъ. Въ приправочныхъ книгахъ на первомъ планѣ были крѣпости, по которымъ кто владѣетъ какимъ-либо недвижимымъ имѣніемъ, въ нихъ именно подробно излагалось: кому принадлежатъ какія имѣнія и по какимъ документамъ, по старымъ ли книгамъ, или по купчимъ, по изуемымъ ли памятнѣмъ, по закладнымъ ли кабаламъ, или по другимъ какимъ крѣпостямъ. Такъ на примѣръ въ приправочной книгѣ 7094 г.

описаніе представляет слѣдующую форму: «Богданъ Ивановъ сынъ Полевъ, вотчина за нимъ отца его 61 года, по докладу преосвященнаго Макарія всея Русіи, по духовной грамотѣ Ографены Григорьевы жены Иванова сына Нагова, Ондреевы дочери Иванова сына Товаркова, что выкупили у Архимандрита Феогноста, село Кочаборово, да деревня Корноухова съ пустоши, пашни паханые и перелогу 136 чети. Федоръ Васильевъ сынъ Пушкинъ, вотчины за нимъ по купчей 88 году, что купилъ у Гаврилы у Иванова сына Пушкина деревню Головину, да деревню Малинки, да пустошь Ефанкову, пашни и перелогу 143 чети съ осминою». Ясно что приправочныя книги при такомъ своемъ характерѣ немогли ни замѣнять писцовыхъ книгъ ни дополнять ихъ. Писцовыя книги составлялись для разкладки податей, слѣдовательно съ цѣлю финансовою; приправочныя же книги писались только для того, чтобы знать по какимъ правамъ кто владѣетъ какимъ имѣніемъ, слѣдовательно съ цѣлю чисто юридическою.

Отъ писцовыхъ книгъ авторъ переходитъ къ посошной подати, и говоритъ. «что посошная подать или также подворная называлась иногда просто данью, въ послѣдствіи особенно съ половины XVI вѣка, весьма нерѣдко податью, также очень часто тягломъ». Что посошная подать иногда называлась просто данью, а иногда податью, это справедливо; но чтобы посошная подать называлась тягломъ, на это согласиться нельзя. По свидѣтельству всѣхъ памятниковъ тягломъ называлась не какая-либо подать, а обязанность платить подати, тянуть въ платежѣ податей, участвовать въ платежѣ податей; такъ напримѣръ въ уставной Важской грамотѣ 1552 года, приводимой авторомъ, прямо сказано: «и всякія тягла тянути и подати давати по старинѣ». Здѣсь подать не называется тягломъ; или въ уставной грамотѣ Переславскимъ рыболовамъ 1555 года сказано: «платити имъ нашъ оброкъ за бѣлку, и за горностан, и ямскія и полонянничныя деньги, и иные наши оброки по писцовымъ книгамъ и по сохамъ давати, и городовое дѣло дѣлати, и всякія

тягла тянути и подати давати по старинѣ». Здѣсь тягло несколько не тождественно подати, грамота говоритъ *тягло тянуть, подати давати*, ясно тягломъ назывались всѣ обязанности лежащія на тягломъ челоѣкѣ; т. е. платежъ разныхъ податей оброковъ и пошлинъ, и отправленіе общественныхъ работъ и другихъ повинностей по мірской разкладкѣ.

Такъ какъ сошная подать разкладывалась по сохамъ, то автору необходимо было, хотя сколько-нибудь, объяснить значеніе сохи; и онъ довольно правильно говоритъ: «Разсматривая значеніе сохи, относительно обложенія ремесль и торговли прежде всего должно замѣтить, что сохою въ разсматриваемый нами періодъ времени называлось примѣнительно къ означеннымъ промысламъ извѣстное число дворовъ, между тѣмъ какъ въ земледѣліи въ соху полагалось отъ части опредѣленное пространство земли извѣстнаго качества, отъ части также извѣстное число дворовъ. Ремесленный и торговый классы подлежали постоянному налогу съ сохи ежегодно собираемому. Въ писцовыхъ книгахъ означалось только число дворовъ, заключающихся въ сохѣ, имена ихъ владѣльцовъ и ихъ состояніе, равнымъ образомъ и число всѣхъ жителей описываемаго мѣста. Соха даже въ одно и то же время въ разныхъ мѣстахъ вмѣщала въ себѣ различное число дворовъ ремесленныхъ и торговыхъ людей». Далѣе авторъ приводитъ свидѣтельства грамотъ, на какомъ основаніи въ одно и то же время количество дворовъ на соху было не одинаково, и находитъ это основаніе, согласно съ грамотами, въ большей или меньшей зажиточности ремесленныхъ и торговыхъ людей, и на то же основаніе разкладки податей указываетъ и въ земледѣльческой промышленности, ссылаясь на Важскую уставную грамоту 1552 года, въ которой сказано: «а крестьяномъ, которые живутъ въ станѣхъ и волостяхъ, лучшимъ людемъ и среднимъ и молодымъ, разводить потому-жъ по пашнямъ, по животомъ и по сохамъ». Отъ сохи авторъ переходитъ къ городскимъ дворамъ, на которые разкладывалась посошная подать, и говоритъ: «мѣста и дворы, принадлежав-

шіе городскимъ промышленникамъ обязаннымъ платитъ налогъ, носили названіе тяглыхъ, или черныхъ дворовъ, въ противоположность дворамъ бѣлымъ или бѣломѣстовымъ». И далѣе приводитъ свидѣтельства уложенія и другихъ узаконеній Царя Алексѣя Михайловича, кого изъ не тяглыхъ людей живущихъ въ городахъ и слободахъ облагать податями и повинностями наравнѣ съ тяглыми людьми. Все это достаточно опредѣляетъ значеніе сохи, но не вполне объясняетъ отношенія ея къ сбору податей, и не представляетъ надлежащей стройности для полнаго и живаго представленія объ этомъ предметѣ.

Отъ посошной подати авторъ переходитъ къ налогу на выкупъ плѣнныхъ, онъ объ немъ говоритъ слѣдующее: «Особый прямой налогъ съ посадскихъ людей которому подвергались и сельскіе жители и даже служилые люди) былъ взимаемъ ежегодно при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ на выкупъ плѣнныхъ. Онъ также разпредѣлялся по дворамъ; «съ посадскихъ дворовъ и съ ямщиковъ и со всякихъ жилацкихъ людей, которые живутъ въ городѣхъ на посадѣхъ... съ двора по осми денегъ. Собранныя на основаніи новыхъ переписныхъ книгъ, а не по старому сошному письму, податная сумма должна была погодно поступать въ Посольскій приказъ». Дѣйствительно при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ существовалъ налогъ на выкупъ плѣнныхъ; но этотъ налогъ начало свое ведетъ не съ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, а съ Стоглава 1551 года. Алексѣй Михайловичъ только измѣнилъ старый порядокъ сбора этой подати; на основаніи 72 главы Стоглава подать на выкупъ плѣнныхъ разлагалась по сохамъ; по Уложенію же Царя Алексѣя Михайловича узаконено было разкладывать ее по дворамъ на основаніи новыхъ переписныхъ книгъ. И авторъ здѣсь опустилъ изъ вида весьма важное отличіе сбора по новымъ переписнымъ книгамъ отъ сбора по сошному письму; основаніемъ разкладки по сошному письму былиivotы и промыслы плательщиковъ, основаніемъ же разкладки по новымъ переписнымъ книгамъ были неivotы и промыслы, а званіе платель-

щиковъ, ихъ общественное значеніе. Авторъ говоритъ, что на выкупъ плѣнныхъ ежегодно собиралось по осми денегъ съ двора; слѣдовательно каждый дворъ безъ различія по мнѣнію автора долженъ былъ давать на выкупъ плѣнныхъ по осми денегъ. Уложеніе же напротивъ дворы по платежу налога на выкупъ плѣнныхъ раздѣляетъ на три разряда, и основаніемъ такого раздѣленія полагаетъ не богатство плательщиковъ, а ихъ общественное значеніе; именно въ 1 разрядъ по осми денегъ съ двора зачисляетъ городскіе дворы посадскихъ людей, ямщиковъ и всякихъ жилацкихъ людей, которые живутъ въ городѣхъ на посадѣхъ, а въ уѣздахъ крестьянскіе и бобыльскіе дворы патриаршихъ, митрополичихъ, архіепископскихъ, епископскихъ и монастырскихъ вотчинъ; во 2 разрядъ по четыре деньги съ двора помѣщаетъ дворы государевыхъ дворцовыхъ селъ, черныхъ волостей, помѣщичьихъ и вотчинничьихъ крестьянъ; и наконецъ въ 3 разрядъ по двѣ деньги съ двора, дворы служилыхъ людей, стрѣльцовъ, пушкарей, затинщиковъ, воротниковъ, казенныхъ плотниковъ, кузнецовъ и всякихъ служилыхъ людей. Я незнаю вообще на какомъ основаніи и съ какою цѣлю авторъ упомянулъ о налогѣ на выкупъ плѣнныхъ; тогда какъ этотъ налогъ нисколько не относится къ исторіи промыслового налога.

Отъ налога на выкупъ плѣнныхъ авторъ переходитъ къ особымъ чрезвычайнымъ налогамъ, и пишетъ объ нихъ: «Кромѣ постоянныхъ податей ежегодно падавшихъ на ремесла и торговлю, городскіе промышленники подвергались еще особымъ чрезвычайнымъ налогамъ, называвшимся иногда запросными деньгами . . . хотя эти сборы встрѣчаются еще во 2-й половинѣ XVI столѣтія; но чаще они стали появляться въ началѣ XVII столѣтія; въ исходѣ же этого вѣка и въ началѣ XVIII-го они сдѣлались такъ обыкновенны, что приняли почти характеръ постоянныхъ налоговъ. Онѣ распредѣлялись на посадскихъ (и уѣздныхъ) людей иногда по сохамъ или подворно, но чаще имѣли видъ общаго процентнаго сбора съ имущества

и дохода промышленниковъ. Такъ взимаема была, сверхъ окладныхъ доходовъ, съ живота и промысловъ иногда 5-я деньга, иногда 10-я, иногда 15-я или двадцатая. Иногда предоставлялось усмотрѣнію Государя назначать величину сбора, или она опредѣлялась размѣромъ самой потребности.» Далѣе авторъ приводитъ свидѣтельства памятниковъ указывающія, что запросныя деньги иногда собирались съ сохъ, иногда съ дворовъ, иногда въ видѣ общаго процентнаго сбора съ имущества и дохода. И какъ кажется при Петрѣ великомъ десятая деньга обратилась въ постоянный налогъ; потому что въ 1705 году было предписано въ переписныхъ книгахъ купцовъ, посадскихъ и слободскихъ людей означать: «кто въ какомъ окладѣ въ одинъ поборъ десятою деньгою и иными всякими податями и всякими сборы въ слободскіе разходы порознь въ годъ бываетъ.» Здѣсь же авторъ говоритъ, что правительство заботилось въ это время по возможности о равномерномъ распредѣленіи имущественныхъ податей, и ссылается на указъ 1706 года, которымъ Государь повелѣлъ уравнивать раскладку податей съ торговыхъ людей по промысламъ и по достатку каждаго. Спору нѣтъ, что правительство въ это время заботилось о равномерной раскладкѣ податей; но не должно забывать, что это вовсе не былъ новый порядокъ Петровскаго времени, какъ это хочетъ выставить авторъ; правительство въ Россіи и прежде заботилось о равномерной раскладкѣ податей, подати всегда собирались по животамъ и промысламъ, всегда плательщики раздѣлялись на кости, т. е. зажиточные верстались только между собою, а бѣдные въ особой кости отдѣльно между собою, и раскладку податей всегда производили сами плательщики чрезъ своихъ выборныхъ людей, старостъ. Мы даже имѣемъ раскладочныя росписи податей начала XVII вѣка; тамъ въ 24 номерѣ Временника издаваемаго историческимъ обществомъ въ Москвѣ напечатана одна изъ подобныхъ росписей города Дмитрова за 1624 годъ, гдѣ прямо оцѣнены капиталы плательщиковъ и ихъ промыслы, и согласно съ оцѣнкою назна-

ченъ платежъ податей. Вотъ нѣсколько образчиковъ такой оцѣнки и раскладки : «улица Березовець, а въ ней живущихъ дворовъ : Дворъ вдовы Марьицы Васильевскіе жены Девешета, да дѣтей ея Николка да Богданка, вдоль 12 сажень, поперегъ 21 сажень, огороду 54 поперегъ 21 сажень; по сказкѣ старосты и выборныхъ людей : люди лучшіе, живота ихъ будетъ съ двадцать рублей, а въ государевы подати и въ мірскіе расходы давали безъ чети съ полушки, а нынѣ имъ платитъ безъ чети жъ съ полушки. Домъ Ѳомки Григорьева вдоль 12 сажень, поперегъ девять, огороду 54 поперегъ девять; по складкѣ старосты и выборныхъ людей : человекъ средней, живота его 10 рублей, торгуетъ солью, а государевы подати и мірскіе расходы даетъ съ чети полушки, а нынѣ ему государевы подати и мірскіе расходы давать съ чети жъ полушки. Дворъ Данилка Дмитриева сына Коркина; вдоль 14 сажень, поперегъ 9 сажень, огороду вдоль 54 поперегъ 9 сажень; по сказкѣ старосты и выборныхъ людей : человекъ молочшей, торгу нѣтъ кормится рукодѣльемъ дѣлаетъ овчины, государевыхъ податей и въ мірскіе расходы не давалъ, а нынѣ ему государевы подати и мірскіе расходы платитъ съ полу-полу-чети полушки.» Кажется ясно, что достатокъ и промыслы каждаго плательщика оцѣнивались при раскладкѣ податей, и самыя подати раскладывались согласно съ оцѣнкою. Самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что такой порядокъ распредѣленія податей существовалъ съ половины XVI столѣтія или даже ранѣе, и даже довольно подробно описываетъ, какъ выбирались окладчики для раскладки податей, и что въ выборѣ ихъ участвовали всѣ посадскіе люди лучшіе средніе и молодшіе, и ссылается въ этомъ на грамоты 1632 и 1662 годовъ; слѣдовательно явно опровергаетъ свое же мнѣніе, что будто бы правительство только съ Петра великаго начало заботиться о равномерномъ распредѣленіи имущественныхъ податей.

Далѣе авторъ пишетъ : предоставленіе права раскладки налоговъ выборнымъ отъ сословія промышленниковъ было нѣ-

рою весьма полезно какъ для самихъ податныхъ лицъ, такъ и для государственной казны. Если только выборъ окладчиковъ былъ сдѣланъ удачно... то они будучи хорошо знакомы съ образомъ жизни и имущественными отношеніями своихъ согражданъ, могли разпредѣлять на нихъ подати, по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ довольно близко къ относительной величинѣ ихъ доходовъ... Но съ другой стороны должно замѣтить, что такихъ результатовъ нельзя было ожидать не только вездѣ и всегда, но даже въ большей части случаевъ уже потому, что при разпредѣленіи податей весьма много было предоставлено произволу окладчиковъ и мѣстныхъ начальствъ, на добросовѣстность и честность которыхъ не всегда можно было положиться. Въ самомъ народѣ въ это время еще не развилось ясное сознаніе неизбѣжной обязанности платить налоги. Во всякомъ случаѣ общинная разкладка податей не могла замѣнить дѣйствительнаго вычисленія чистаго дохода, доставляемаго тою или другою промышленностію. Петръ великій желая, достигнуть болѣе соразмѣрнаго разпредѣленія податей, падавшихъ на разные промыслы, и устранить произволъ окладчиковъ и мѣстныхъ начальствъ, предполагалъ ввести промысловый кадастръ, т. е. такое вычисленіе чистаго дохода, которое бы основывалось на признакахъ и данныхъ, взятыхъ изъ свойства и состоянія промышленности каждаго отдѣльнаго лица.» Основную мысль при назначеніи выборныхъ людей въ окладчики авторъ находитъ удовлетворительною, и говоритъ, что выборные люди, хорошо знакомые съ образомъ жизни и достатками своихъ согражданъ, могли разпредѣлить подати во многихъ случаяхъ довольно близко къ относительной величинѣ доходовъ. Достоинство такого порядка такъ очевидно, что авторъ не могъ его опровергнуть прямо; но въ тоже время успѣшилъ подкопаться подъ него со стороны.

И во первыхъ обвиняетъ таковой порядокъ въ томъ, что будто бы здѣсь при разпредѣленіи податей весьма много было предоставлено произволу окладчиковъ и мѣстныхъ начальствъ,

на добросовѣстность и честность которыхъ будто бы не всегда можно положиться; но голословное обвиненіе ничего не доказываетъ. Ежели окладчики выбирались самими промышленными людьми изъ своей же среды, то всего вѣрнѣе заключить что выборъ падалъ на людей болѣе добросовѣстныхъ и способныхъ; ибо избиратели изъ своихъ собственныхъ интересовъ должны были обращаться къ людямъ добросовѣстнымъ и способнымъ, а отыскать ихъ въ своей средѣ гораздо легче было имъ самимъ, нежели кому другому со стороны. Что же касается до мнимаго произвола будто бы предоставленнаго окладчикамъ и мѣстнымъ властямъ; то въ отношеніи излишняго отягощенія плательщиковъ этотъ произволъ ограничивался самими плательщиками, которые всегда имѣли голосъ при разкладкѣ; а въ отношеніи излишнихъ льготъ въ ущербъ казны произволъ удерживался мѣстными властями поставляемыми правительствомъ. Здѣсь очевидно двѣ власти контролировали другъ друга, — правительственная и выборная. Нѣтъ сомнѣнія, что бывали и здѣсь злоупотребленія; но злоупотребленій не можетъ избѣжать ни одно человѣческое учрежденіе, и дѣло не въ томъ были ли злоупотребленія, а въ томъ возможенъ ли былъ контроль, можно ли было съ успѣхомъ жаловаться на злоупотребленія, вотъ эта то самая важная сторона каждаго учрежденія; и порядокъ разкладки податей чрезъ выборныхъ окладчиковъ при участіи мѣстныхъ властей имѣлъ эту выгодную сторону, здѣсь двѣ власти контролировали другъ друга, и жалобы на злоупотребленія были возможны и не безуспѣшны, что доказывается многими жалобами того времени сохранившимися до сихъ поръ.

Во 2-хъ авторъ утверждаетъ, что будто бы въ самомъ народѣ въ это время не развилось ясное сознаніе неизбѣжной обязанности платить налоги. На какомъ основаніи авторъ утверждаетъ это, я незнаю, онъ бросилъ свое показаніе голословно не представивши ни одного свидѣтельства, между тѣмъ всѣ памятники говорятъ о противномъ. Напримѣръ въ приго-

ворной грамотѣ 1566 года выборные гости и купцы говорятъ «мы люди неслужилые, службы не знаемъ, вѣдаетъ Богъ да Государь, не стоимъ не токмо за свои животы, и мы и головы свои кладемъ за Государя вездѣ, чтобы Государева рука вездѣ была высока.» (Собр. Гос. Грам. и Дог. Т. I. стр. 554.) Или на соборѣ 1621 года гости и торговые люди били челомъ Государю и Патриарху, что они имъ Государямъ, въ помощь ихъ Государевѣ казнѣ, ради съ себя давати деньги, какъ кому мочно, смотря по ихъ прожиткомъ.» (Тамъ же Т. II. стр. 231.) Да и мудрено утверждать, чтобы народъ 800 лѣтъ жившій въ государственномъ устройствѣ и платившій подати своимъ Государямъ не развилъ въ себѣ яснаго сознанія неизбѣжной обязанности платити налоги. Самое распоряженіе правительства, предоставляющее самимъ плательщикамъ разкладывать и собирать подати, ясно свидѣтельствуеетъ, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ сознаніе необходимости платити подати на столько уже было развито въ Русскомъ народѣ, что и само правительство сознавало это развитіе и довѣряло ему.

Въ 3-хъ наконецъ авторъ въ подтвержденіе своей мысли о недостаточности общинной разкладки податей ссылается на указъ 1705 года Октября 20 дня, которымъ будто бы Петръ великій желая достигнуть болѣе равномернаго распредѣленія податей и устранить произволъ окладчиковъ и мѣстныхъ начальствъ, предполагалъ ввести промысловый кадастръ. Но этотъ указъ ни сколько не доказываетъ мыслей автора; а напротивъ прямо свидѣтельствуеетъ, что Петръ Великій желая достигнуть болѣе равномернаго распредѣленія податей именно слѣдовалъ старому порядку въ этомъ дѣлѣ, — общинной разкладкѣ, съ нѣкоторыми подробностями, впрочемъ также не новыми. Во 1-хъ по этому указу Государь предписываетъ Московскихъ всѣхъ слободъ и сотенъ у старость и у сотскихъ взять въ ратушу съ подлиннымъ извѣстіемъ порознь по слободамъ переписныя книги, за приписаніемъ рукъ старость и тѣхъ слободъ жителей, каждаго подъ своимъ именемъ. Здѣсь Госу-

дарь прямо слѣдуетъ старому порядку, т. е. обращается къ выборнымъ людямъ старостамъ и сотскимъ, и во всей городской общинѣ. Еще по судебнику Царя Ивана Васильевича вѣдно было: «розметныя книги старостамъ и сотскимъ и десятскимъ и всѣмъ людямъ тѣхъ городовъ, своихъ розметовъ, земскаго дьяка руку за своими руками, ежегодъ присылати на Москву, къ тѣмъ бояромъ . . . у кого будутъ которые города въ приказѣ; другія книги своихъ разметовъ . . . гдѣ кто живетъ отдавати тѣхъ городовъ старостамъ и цѣловальникамъ.» Что дѣйствительно и исполнялось покрайней мѣрѣ въ началѣ XVII вѣка, какъ видно изъ сотной Дмитровской выписи 1624 года. Во 2-хъ по указу въ переписныхъ книгахъ должно написать въ каждой слободѣ число жителей, имѣвшихъ дворы и бездворныхъ, съ точнымъ показаніемъ (поимянно) ихъ семейства и родственниковъ, пріемышей и сидѣльцевъ, и какихъ кто лѣтъ; во и въ переписной книгѣ города Корелы 1500 года также каждый дворъ описать отдѣльно съ показаніемъ хозяина и его родственниковъ живущихъ съ нимъ. Вотъ выписка изъ этой книги: «Рыболовлей лучшихъ людей на Снаскомъ острову; Дворъ Якушъ Рудинъ; дворъ Васко да Яшко Самсоновъ; дворъ Исакъ Гостилинъ да Игнашка Степановъ, да тогожь двора треть братаничны ихъ Оринки Кировы; дворъ Андрюкъ да Пахомко Молоховы, да Якушъ Оверкѣвъ, да въ томъ же дворѣ Максимка Малаго Костина сына жеребей.» (Времен. кн. XII.) Или въ сотной города Дмитрова 1624 года обозначены и лѣта малолѣтнихъ сыновей при хозяинѣ двора: «дворъ Авонася Калинина сына Солодовника . . . по сказкѣ старосты и выборныхъ людей, сынъ у него Сенька 4 лѣтъ; человекъ лучшей, живота его 20 рублей, а въ государевы подати и въ мірскіе расходы давалъ съ полуполушки, а нынѣ ему давати съ полужъ полушки.» Бездворные жители также обозначались въ старыхъ городскихъ переписяхъ подъ именемъ подсуеѣдниковъ, захребетниковъ, батраковъ, казаковъ и сидѣльцевъ. Въ 3-хъ по указу должно было показать, относительно каждаго лица, кто

какихъ ремеслъ имѣеть искусство, и какими кто въ которыхъ рядахъ торгуеть товары, и въ своихъ ли лавкахъ или въ наемныхъ, сколько у кого своихъ и наемныхъ лавокъ, и какая цѣна найму.» Но тоже самое находится и въ сотной города Дмитрова 1624 года: «дворъ Оомки Елизарьева, вдоль 12 сажень... по сказкѣ старосты и выборныхъ людей: человекъ средней, живота его 10 рублевъ, торгуеть солью, а въ государевы подати и въ мірскіе расходы даетъ съ чети полушки... Дворъ вдовы Матрены Дмитриевской жены Павлинова да сына ея Федьки, вдоль 13 сажень... по сказкѣ старосты и выборныхъ людей; люди середніе, живота ихъ 10 рублевъ, торгу нѣтъ, дѣлаеть серебряное дѣло, а въ Государевы подати и въ мірскіе расходы давалъ съ трети полушки, а нынѣ ему даватъ съ трети жъ полушки.» Въ той же сотной о лавкахъ и харчевняхъ: «Лавка посадскаго человекъ Ганьки Тиханова, поставлена на купленомъ мѣстѣ, старого оброку платитъ по 8 денегъ, а нынѣ платитъ съ тое лавки по 3 алтына на годъ; харчевня съ полкомъ посадскаго человекъ Митьки Алексѣева сына Грובהа, поставлена на старомъ мѣстѣ въ прошломъ 131 году, а оброку ему съ тое харчевни платитъ по два алтына на годъ.» Въ 4-хъ въ переписныхъ книгахъ по указу 1705 года надлежало обозначать для каждаго промышленника ежегодный податной окладъ десятой деньга и другихъ государственныхъ податей, и ежегодные сборы съ каждаго на слободскіе расходы. Но въ приведенныхъ выше образчикахъ изъ Дмитровской сотной выписи 1624 года мы уже видѣли, что и тамъ постоянно обозначались не только податные оклады и мирскіе расходы, но и самая оцѣнка капитала; напримѣръ: «дворъ Гришки Андреева сына Толченова... человекъ лучшей, живота его будетъ 20 рублевъ; а въ государевы подати и въ мірскіе расходы давалъ съ полуполушки, а нынѣ ему даватъ съ полуполушки жъ. Въ 5-хъ наконецъ промышленниковъ, вышедшихъ для освобожденія отъ податей и повинностей въ другія сословія слободы и села, по указу велѣно записывать въ переписныя книги подъ име-

нами отцовъ ихъ и проч. Это распоряженіе указа 1705 года было совершенно согласно съ 13 статьею 19 главы уложенія царя Алексѣя Михайловича, по которой всѣхъ выходцевъ изъ городовъ и слободъ велѣно было возвратитъ на прежнія мѣста; слѣдовательно и по уложенію выходцы изъ городского тягла не пропадали безвѣстно, и записывались въ переписныхъ книгахъ выходцами, или убылыя мѣста обозначались именами своихъ послѣднихъ владѣльцовъ какъ мы и видимъ въ извѣстной уже сотной выписи города Дмитрова, гдѣ сказано; «Въ Юрьевской улицѣ мѣста пустыя дворовыя и огородныя; (м.) Грацки Серебренника, (м.) Фидьки Курышкина, (м.) Герасимка Солоденика, (м.) Юрки Петина; вдоль 30 сажень, поперегъ 22 сажени, а люди тѣхъ дворовыхъ мѣсть и огородныхъ побиты въ Литовское разоренье.» Такимъ образомъ указъ 1705 года 20 Октября ясно свидѣтельствуетъ, что Петръ Великій въ уравненіи податей здѣсь вполнѣ слѣдовалъ старому порядку и признавалъ общинную разкладку дѣломъ самымъ удобнымъ и справедливымъ. Мало этого сей Государь въ указѣ отъ 18 Декабря 1706 года прямо одобряетъ старую разкладку: «чтобъ оныя поборы и всякіе подати были собираемы по древнему, съ разположеніемъ каждаго въ пожиткахъ имущества, обычаю.» Какъ того просили жители. (П. С. З. Т. IV. стр. 559.) А въ табели отъ 14 Октября 1710 года онъ даже обратился нѣкоторымъ образомъ какъ бы къ сохамъ стараго порядка, только въ измѣненномъ видѣ, и назваша старыя сохи долями; въ этой табели тогдашнія 8 губерній, каждая раздѣлена на доли по 5536 дворовъ въ долѣ; и именно въ Московской губерніи по этому раздѣленію было 44 доли съ полудолею; въ Петербургской 32 доли съ пятою частію доли; въ Кіевской пять долей, въ Смоленской 9 долей, въ Архангелогородской 18 долей съ полудолею; въ Казанской 21 доля, въ Азовской 7 долей съ полудолею, и въ Сибирской 9 долей. (П. С. З. Т. IV. стр. 580.)

Глава III-я *объ обложеніи промысловаго класса подушною податью до 1775 года.* Въ этой главѣ авторъ во 1-хъ говоритъ.

что уже въ исходѣ XVII вѣка мы находимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ былъ взимаемъ съ промысловаго сословія (въ тѣсномъ смыслѣ) поголовный налогъ. И приводитъ въ доказательство указы въ Сибирь 1697 и 1698 годовъ, въ которыхъ велѣно съ прїѣзжихъ въ Сибирь съ торговыхъ и промышленныхъ людей взыскивать ежегодно по полтинѣ, а съ гуляющихъ людей по 25 коп. серебромъ. Но указы приведенные авторомъ говорятъ не о поголовномъ налогѣ съ промышленнаго сословія въ тѣсномъ смыслѣ; а о поголовномъ оброкѣ со всѣхъ прїѣзжихъ въ Сибирь не по Государевой службѣ, именно съ торговыхъ и промышленныхъ и гулящихъ людей; и оброкъ этотъ установленъ не указомъ 1697 года, а наказомъ таможеннымъ головамъ даннымъ 30 Августа 1693 года, въ которомъ сказано: «съ гостиныхъ прикащиковъ и гостиной сотни и съ торговыхъ и съ промышленныхъ и съ гулящихъ людей, которые придутъ изъ Русскихъ городовъ въ Сибирь имать оброку на годъ: съ прикащиковъ и съ торговыхъ и съ промышленныхъ по полтинѣ, съ гулящихъ по полуполтинѣ съ человѣка.» (П. С. З. Т. III. стр. 161.) Оброкъ этотъ налагался только на прїѣзжихъ изъ Русскихъ городовъ, а отнюдь не на жителей Сибири, Здѣсь основаніемъ наложенія оброка былъ не промыселъ а прїѣздъ въ Сибирь, и сдѣлано это было конечно для того, чтобы прїѣзжіе въ отдаленную Сибирь люди, не имѣющіе тамъ осѣлости и прожившіе тамъ по нѣскольку лѣтъ, не отбывали государственныхъ податей.

Обращаясь къ указу 1705 года, авторъ говоритъ; «въ началѣ XVIII столѣтія, несмотря на то, что промышленники по прежнему продолжали платить дворовое тягло, какъ бы въ дополненіе къ этому налогу установлена была въ 1705 году еще особая личная, или лучше сказать поголовная подать, которой подвергались и по всей вѣроятности, во всѣхъ частяхъ государства, нѣкоторые классы промысловаго сословія. . . по всей вѣроятности эта подать послужила переходомъ къ подушному окладу, который ввести предположено было въ началѣ 1722

года.» Но согласиться съ симъ предположеніемъ автора недозволяетъ самый указъ 1705 года, на который онъ ссылается. Въ этомъ указѣ прямо сказано, что подать сіа собиралась только съ тѣхъ промышленниковъ, съ которыхъ въ государеву казну немано; притомъ же эта подать по указу была неодинакова, а раздѣлялась на шесть классовъ: и именно съ бѣломѣстцовъ торгующихъ всякими промыслами по рублю съ человѣка; съ торговыхъ людей, которые сидятъ въ лавкахъ и податей не платятъ 16 алтынъ 4 деньги, тоже и съ лавочныхъ сидѣльцовъ; съ хлѣбниковъ и калачниковъ съ хозяевъ по 10 алтынъ; съ работныхъ людей у всякихъ торговцевъ по 5 алтынъ, съ чернорабочихъ по 3 алтына по 2 деньги; слѣдовательно эта подать не имѣла характера подушной подати, а скорѣе походила на класный налогъ, съ тѣмъ соглашается и самъ авторъ. А посему считать ее переходомъ къ подушному налогу мы не имѣемъ права. Это была не больше какъ дополнительная подать, не отличавшаяся отъ другихъ старыхъ податей, и падавшая на тѣхъ только промышленниковъ, съ которыхъ въ государеву казну немано; она существовала нѣсколько времени и по введеніи подушнаго налога, и уничтожена уже въ 1724 г.; а конечно ежели бы она служила только переходомъ къ подушному налогу, то ее слѣдовало бы уничтожить при самомъ учрежденіи сего налога. Самая незначительность общаго итога ей подати 5,329 руб. 78½ коп. какъ значится въ табели 1724 года, показываетъ, что она падала на весьма незначительное число промышленниковъ; и слѣдовательно такимъ образомъ не могла служить переходомъ къ общему поголовному налогу.

Переходя собственно къ подушной подати положенной указомъ отъ 27 Апрѣля 1722 года на посадскихъ людей, по 40 алтынъ съ души, авторъ приводитъ свидѣтельства разныхъ указовъ, что эта сорокаалтынная подушная подать распространялась и на купцовъ, хотя они въ тоже время продолжали платить и другіе поборы. Свидѣтельства приводимыя авторомъ воишь удовлетворительны, къ нимъ можно прибавить только

то, что во многих бумагах Петра и его 'первыхъ преемниковъ, купцы нерѣдко назывались сорокаалтынниками; слѣдовательно ясно, что сорокаалтынная подать распространялась и на купцовъ.

Далѣе авторъ переходитъ къ окладнымъ сборамъ, существовавшимъ въ одно время съ подушною податью, и говоритъ: «Ежели общій промысловый налогъ на купечество и ремесленниковъ и не былъ установленъ при Петрѣ Великомъ, и означенныя лица подлежали платежу подушной подати, то съ нѣкоторыхъ изъ нихъ кромѣ того вимались еще особые окладные и слѣдовательно постоянные сборы. Способъ распредѣленія ихъ не извѣстенъ, но по всей вѣроятности они были платимы за самое право заниматься извѣстною вѣтвію промышленности.» Свидѣтельства памятниковъ вполне подтверждаютъ мнѣніе автора, что кромѣ подушной подати промышленные люди платили и другіе окладные сборы, и платили именно за самое право заниматься извѣстною вѣтвію промышленности; только авторъ напрасно говоритъ, что способъ распредѣленія сихъ поборовъ намъ не извѣстенъ; напротивъ многія узаконенія, какъ самаго Петра Великаго, такъ и его предшественниковъ, ясно указываютъ и на самый способъ распредѣленія нѣкоторыхъ поборовъ; такъ напримѣръ въ приговорѣ ратуши отъ 1-го Января 1703 года, о сборѣ хомутныхъ денегъ прямо сказано: «велѣно со всякихъ чиновъ людей, которые извозвощаютъ, ввать хомутныя деньги, какъ на Москвѣ, такъ и во всѣхъ городахъ, съ тяжелыхъ по рублю, съ легкихъ по полтинѣ въ годъ съ хомута. (П. С. З. Т. IV, стр. 205.) А въ указѣ отъ 11-го Юля 1661 года сказано, что по уставной грамотѣ 1654 года 30. Апрѣля, воскобойный, банный и ледокольный промыслы отдавались на откупъ. (П. С. З. Т. II, № 876.)

Наконецъ въ заключеніи настоящей главы авторъ указываетъ на распоряженія преемниковъ Петра великаго относительно подушной подати, и приводитъ указъ Петра II отъ 30 Юля 1726 года, который подтверждается, чтобы гостяги и

в гостинной сотнѣ быть въ подушномъ окладѣ во всѣхъ городахъ наряду съ прочими посадскими и верстаться по богатству вообще, а не особо; и указъ Императрицы Елисаветы Петровны 1745 года, по которому обложены подушною податю наравнѣ съ прочими цѣховыми и купцами, и церковнослужителями, записавшіеся добровольно въ купечество и цехи.

Глава IV. *О подати со свидѣтельствъ на торгуюлю и промыслы съ 1775 года до новѣйшаго времени.*

Въ этой главѣ авторъ излагаетъ разныя распоряженія правительства о сборѣ промысловаго налога при Императрицѣ Екатеринѣ II-й и ея преемникахъ до новѣйшаго времени, и постепенное сосредоточеніе этого сбора въ одной формѣ общей гильдейской подати съ капиталовъ. При Императрицѣ Екатеринѣ II-й сперва существовали нѣкоторыя частныя промысловыя подати, отчасти ею введенныя, отчасти сохранившіяся отъ прежняго времени и падавшія на ту или на другую вѣтвь техническаго производства, или даже на цѣлыя его классы такимъ образомъ, что иногда налогъ былъ взимаемъ по величинѣ капитала иногда по количеству доставляемыхъ имъ доходовъ. Такъ Екатериною въ началѣ ея царствованія, именно въ 1763 году, была введена подать съ фабричныхъ становъ и съ употребляемаго на фабрикахъ и заводахъ капитала, именно постановлено съ 1764 года собирать съ cadaго стана по одному рублю, а на фабрикахъ, гдѣ становъ нѣтъ, наложить по одному проценту на употребляемый при ихъ производствѣ капиталъ. Или въ манифестѣ 1775 года упоминаются подати съ желѣзныхъ заводовъ по 100 рублей съ домны, и съ выставляемаго чугуна съ пуда по 4 копѣйки; съ мѣдныхъ заводовъ съ печи по 5 руб. въ годъ и десятый пудъ изъ выплавляемой мѣди; съ минеральныхъ заводовъ двѣ десятины съ количества добычи, или съ воскобойнаго промысла, съ кожевенныхъ промысловъ, съ салотопенъ и многихъ другихъ. Наконецъ манифестомъ 1775 г. отъ 17 Марта, всѣ сіи частныя подати съ промысловъ отменены, и въ замѣнъ ихъ введенъ единообразный процентный

сборъ съ купцовъ и другихъ промышленниковъ съ объявляемаго ими капитала. Купечество было раздѣлено на три гильдіи, и будучи свободно отъ подушнаго оклада вмѣстѣ съ другими промысловыми сборами, по указу отъ 25 Марта 1775 года обязано было платить по проценту по 3-й гильдіи съ капитала отъ 500 до 1000 рублей, по 2-й гильдіи отъ 1000 до 10,000 руб. по 1-й гильдіи съ капитала выше 10,000 рублей. Правила по разложенію сей новой подати постепенно пополнялись и объяснялись указами отъ 10 марта и 21 декабря 1776 года, отъ 16 ноября 1781 года, отъ 28 сентября 1782 года и отъ 3 мая и 11 ноября 1783 года.

Потомъ грамотою на права и выгоды городамъ Россійской имперіи отъ 21 Апрѣля 1785 года, подтверждены вновь всѣ правила о процентномъ сборѣ съ капиталовъ объявляемыхъ купечествомъ, но за то размѣръ объявляемыхъ капиталовъ значительно измѣненъ, именно наименьшій капиталъ, чтобы быть купцомъ, опредѣленъ въ 1000 руб. вмѣсто прежнихъ 500 рублей, всѣ же не могущіе объявить капитала въ 1000 рублей отчислены въ мѣщане, и по прежнему должны были платить подушную подать. Постановленія изданныя послѣ обнародованія означенной грамоты до новѣйшаго времени имѣли въ виду отчасти; 1) подтвержденіе ея постановленій и прежнихъ указовъ, отчасти 2) ихъ поясненіе, и 3) дополненіе и наконецъ 4) установленіе болѣе значительныхъ капиталовъ, для объявленія по гильдіямъ, и возвышеніе самаго гильдейскаго налога. Такъ въ 1794 году повелѣно было считать въ купечествѣ 3-й гильдіи объявившихъ капиталъ отъ 2000 до 8000 руб. во 2-й гильдіи отъ 8000 до 16,000 и въ 1-й гильдіи отъ 16,000 до 50,000 руб. Въ 1797 году къ проценту съ капитала временно было предписано прибавить еще четверть процента. Въ 1807 году постановлено, что купечество 1-й гильдіи объявляетъ капиталъ въ 50,000 руб. 2-й гильдіи 20,000 руб. и 3-й гильдіи отъ 8000 руб. и болѣе; въ 1810 году положено взимать съ мѣщанъ, состоящихъ въ окладѣ, съ каждой ревизской души по

5 рублевъ, съ крестьянъ производящихъ торгъ въ обѣихъ столицахъ и платящихъ подать, въ городской доходъ, собирать съ лавочекъ № 1 и 4 по 100 руб. № 2 и 5 по 50 руб. № 3 по 25 рублей. Въ 1816 году установленъ былъ дополнительный сборъ съ купцовъ на содержаніе большихъ государственныхъ дорогъ, по 5% съ подати платимой въ казну. Въ дополнительныхъ правилахъ о гильдейскихъ податяхъ съ купцовъ и прочихъ торговыхъ сословіи, изданныхъ 14 Ноября 1824 года гильдейская подать значительно увеличена: купцы первыхъ двухъ гильдій должны были платить 4 процента гильдейской подати, 10 процентовъ съ податнаго рубля на сухопутныя и водяныя сообщенія, на земскія повинности $\frac{1}{4}$ процента съ капитала, на городскія повинности также $\frac{1}{4}$ процента; купцы 3-й гильдіи обязаны вносить $2\frac{1}{2}$ процента съ капитала въ видѣ гильдейской подати, 10 процентовъ съ податнаго рубля на водяныя и сухопутныя сообщенія, $\frac{1}{4}$ процента съ капитала на земскія повинности, и столько же на городскія повинности. Такимъ образомъ цѣна свидѣтельства достигла для 1-й гильдіи 2,200 руб. ас. для 2-й гильдіи 880 руб. ас. и для 3-й гильдіи 220 руб. ас.; торгующіе мѣщане должны были платить за свидѣтельства въ столицахъ 60 руб., въ губернскихъ и портовыхъ пограничныхъ городахъ 40 р., въ уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ 30 руб. За крестьянскія свидѣтельства 5 рода въ 1825 году взималось 100 руб. за лавки за особый билетъ 40 руб.

Размѣры капиталовъ объявляемыхъ по гильдіямъ равно какъ и подать съ нихъ взимаемая въ настоящее время определены узаконеніемъ 9 Ноября 1839 года. Величина ихъ мало уклоняется отъ той, которая назначена уже въ 1824 году; но нѣкоторое возвышеніе ея оказалось необходимымъ для округленія суммъ, при пережѣнѣ курса ассигнацій на серебро. Такимъ образомъ по нынѣ дѣйствующему законодательству, купецъ 1-й гильдіи долженъ объявить капиталъ въ 15,000 р. с., 2-й гильдіи въ 6000 руб. сер. и 3-й гильдіи въ 2400 р. сер.; такъ что вся годичная подать по первой гильдіи составляетъ

660 руб. сер. по 2-й гильдіи 264 р. с. и по 3-й гильдіи 66 руб. сер. съ нѣкоторыми уменьшеніями иногда довольно значительными по льготнымъ губерніямъ и нѣкоторымъ уѣзднымъ городамъ. Купеческіе прикащики 1-го класса, ежели не записаны сами въ гильдію, или иностранные гости и не имѣютъ свидѣтельствъ на торговлю, должны брать особое свидѣтельство въ 15 рубл. сер. За крестьянскія свидѣтельства первыхъ трехъ родовъ опредѣляется та же подать, какая установлена для гильдій, которыхъ права вмѣстѣ съ ними предоставляются крестьянамъ. За свидѣтельства 4 рода въ столицахъ, губернскихъ и портовыхъ городахъ взимается по 23 р. сер. въ уѣздныхъ и заштатныхъ нельготныхъ губерній по 18 руб сер.; въ льготныхъ по 12 руб. сер. Мѣщане и цѣховые платятъ подушную подать.

Глава о подати со свидѣтельствъ на торговлю и промыслы въ общихъ чертахъ удовлетворительна, и представляетъ стройное и живое изложеніе; но въ частности она могла бы быть пополнена разными данными о платежахъ съ фабричной и заводской промышленности, отъ которыхъ промышленники не освободились и со введеніемъ общей подати со свидѣтельствъ на торговлю и промыслы, таковы напримѣръ подати платимыя горными заводчиками съ выплавляемыхъ на каждомъ заводѣ металловъ, и подобн.

Вообще настоящій трудъ г. Осокина, какъ относящійся къ предмету у насъ почти необработанному и требующему многихъ затруднительныхъ справокъ и соображеній, особенно въ историческомъ отношеніи, и имѣющій многія неотъемлемыя достоинства, заслуживаетъ вниманіе и поощреніе. И Академія Наукъ исполнить свой высокій долгъ, ежели назначить автору хотя бы половинную премію.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ А. Н. АНДРЕЕВА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ЖИВОПИСЬ И ЖИВОПИСЦЫ

ГЛАВНѢЙШИХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ШКОЛЬ,

СОСТАВЛЕННЫИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ КОНФЕРЕНЦЪ-СЕКРЕТАРЕМЪ

В. И. ГРИГОРОВИЧЕМЪ.

На русскомъ языкѣ такъ мало сочиненій о художествахъ и художникахъ, что появленіе книги Г. Андреева: *Живопись и живописцы главнѣйшихъ Европейскихъ школъ* и проч., можетъ быть полезно для соотечественниковъ, въ особенности же для художниковъ, которые, не зная иностранныхъ языковъ, не знакомы по сей причинѣ и съ исторією живописи.

Г. Андреевъ заимствовалъ матеріалы, какъ онъ объясняетъ въ предисловіи, изъ поименованныхъ имъ источниковъ, вообще уважаемыхъ. Къ тому Г. Андреевъ присовокупилъ указанія на сокровища искусствъ, находящіяся въ нашемъ отечествѣ, и дополнялъ тѣми свѣдѣніями, которыя могъ собрать о Русской живописи и Русскихъ живописцахъ.

Цѣль книги Г. Андреева похвальна, трудъ немаловаженъ, изложеніе ясно; но какъ во всякомъ сочиненіи недостатки и несовершенства неизбѣжны, то конечно найдутся они и въ книгѣ Г. Андреева. Не стану останавливаться на тѣхъ, которые отнести можно къ простымъ опечаткамъ; но укажу на нѣкоторыя ошибки, подлежащія исправленію при слѣдующемъ по крайней мѣрѣ изданіи.

Въ статьѣ Микель-Анджело Буонаротти (стр. 41) Г. Андреевъ говоритъ, что онъ былъ помѣщенъ родителями въ школу Краначчи. Изъ исторіи живописи въ Италіи Лавца видно, что Микель-Анджело учился съ Граначчи (Grapacci) у Гирландаіо, что первый былъ друженъ съ Микель-Анджело, пользо-

вался его совѣтами и изучалъ картоны послѣдняго. Въ *Dictionnaire des peintres de toutes les écoles* Альфонса Сире сказано, что Микель-Анджело первыя начала въ рисованіи получилъ отъ Граначчи, но Микель-Анджело родился въ 1474 г. и 14-ти лѣтъ поступилъ къ Гирландаіо; Граначчи же родился въ 1477 г., слѣдовательно былъ только 11-ти лѣтъ, когда Микель-Анджело началъ учиться у Гирландаіо. Въ статьѣ о Граначчи и самъ Г. Андреевъ упоминаетъ, что онъ былъ соученикомъ Микель-Анджело у Гирландаіо.

Въ статьѣ: Андреа Ванукки дель Карто (стр. 45.) Г. Андреевъ говоритъ, будто бы въ Римѣ находится *Madonna del Sacco* — тогда какъ это знаменитое изображеніе находится во *Флоренціи*, въ обители Благовѣщенія.

Въ статьѣ Синибальдо Скорпа, стр. 68, сказано, что онъ учился у Пагги въ Женевѣ, вмѣсто того, что онъ учился въ Генуѣ у Паджи и родился въ 1589 г., а не въ 1569 г., какъ напечатано у Г. Андреева.

Въ статьѣ Рафаэль Санціо, на стр. 77 и 78, сказано, что знаменитая картина его *Madonna di Foligno* находится въ Дрезденской галлерей подъ именемъ Сикстинской Мадонны. Это двѣ разныя картины и каждая подъ своимъ именемъ находится: первая *Madonna di Foligno* въ Римѣ, въ Ватиканѣ, а послѣдняя *Madonna di S. Sisto* въ Дрезденской галлерей. Копіи обѣихъ сихъ картинъ можно видѣть у насъ, въ Академіи Художествъ. Г. Андреевъ самъ на стр. 82 говоритъ, что Мадонна, называемая *Vierge di Foligno*, — въ Ватиканскомъ Музеѣ. Упомянувъ о находящейся въ Болонской Академіи Художествъ картинѣ Св. Цициліи Рафаэля, онъ прибавляетъ, что Корреджіо, увидѣвъ эту картину, въ отчаяніи воскликнулъ *не ужели и я живописецъ?* (см. стр. 82), а далѣе, что Корреджіо сказалъ (конечно не въ отчаяніи, но въ сознаніи собственнаго достоинства) «и я живописецъ.» *Anch'io sono pittore* (см. стр. 104) Для чего упоминать объ этомъ, если не доказана справедливость самаго факта и словъ Корреджіо?

На стр. 149, Г. Андреевъ выражается такъ: «Въ карти-

«нахъ Гвидо мы скорѣ видимъ чистоту кисти, чѣмъ правильность рисунка, скорѣ изысканность, нежели грацію и теплоту.»

Можно ли подобнымъ образомъ говорить о великомъ художникѣ, какимъ былъ Гвидо и котораго творенія, находящіяся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, обличаютъ неправильность подобнаго приговора. Если Гвидо и не былъ ровень въ своихъ произведеніяхъ, что не рѣдко случается съ художниками и вообще со всѣми, то изъ этого не слѣдуетъ, что бы онъ отличался чистотою кисти на счетъ правильности рисунка, или изысканностію на счетъ граціи и теплоты. Этотъ приговоръ слишкомъ смѣлъ и совершенно невѣренъ.

На стр. 161 авторъ говоритъ, что Джіовани Ланфранко искажилъ совершенно въ Неаполѣ работы Доминикино Цампьеря. Хотя нѣкоторые и утверждаютъ будто работы Доминикино были уничтожены и Ланфранко предоставлено было ихъ замѣнить новыми, но это едва ли справедливо. Ланфранко интриговалъ противъ Доминикино и получилъ порученіе написать плафонъ, который долженъ былъ исполнить Доминикино. Впрочемъ и теперь существующія въ церкви Св. Януарія въ Неаполѣ картины на стѣнахъ и запрестольныя, исполненныя Доминикиномъ въ придѣлѣ этой церкви, будучи сравнены съ плафономъ Ланфранко, тамъ же находящимся, доказываютъ все превосходство предъ нимъ Доминикино, а равно и то, что произведенія послѣдняго *не уничтожены*.

На стр. 324, Г. Андреевъ пишетъ, что картины: «Рафаэля Менгса холодны, лишены выраженія, хотя конечно стоятъ много выше посредственности.» Мыслие это слишкомъ смѣло и опрометчиво. Если даже авторъ и заимствовалъ его у другихъ писателей, то это вислолько не можетъ служить ему оправданіемъ. На тойже страницѣ встрѣчается выраженіе: «суровый стиль.» Что хочетъ сказать этимъ авторъ? и какимъ образомъ можетъ быть стиль суровымъ?

На стр. 325 авторъ, исчисляя произведенія Рафаэля Менгса, ни слова не упоминаетъ о камерѣ Папирусовъ въ Ватиканѣ, гдѣ

находятся лучшія творенія Рафаэля Менгса. Нѣкоторые картины его произведеній, въ этой камерѣ, написанныхъ *al fresco*, можно видѣть въ Академіи Художествъ. Далѣе Г. Андреевъ говоритъ, что въ картинѣ: «Персей, освобождающій Андромеду,» Персей есть копія съ Аполлона Бельведерскаго. Это несправедливо. Можетъ быть постановка нѣсколько напоминаетъ Аполлона; но ни въ фигурѣ, ни въ формахъ, ни въ характерѣ Персея ни чего нѣтъ общаго съ Аполлономъ.

На стр. 326 сказано: «Въ живописи Ангелика Кауфманъ «соблюдала красоту Греческихъ формъ, подражая Пуссену.» Пуссенъ искалъ изящества формъ, но нельзя сказать, что заимствовалъ у Грековъ, слѣдовательно Ангелика Кауфманъ, если соблюдала красоту Греческихъ формъ, не могла подражать Пуссену. Между стилями искусства древне-греческаго, Пуссеновымъ и Ангелики Кауфманъ большая разница та, что произведенія Кауфманъ не напоминаютъ ни Грековъ, ни Пуссена.

На стр. 345 фраза: «Въ стилѣ Эспаньолетто было три манеры: первая смѣлая, гордая и страшная, ищущая скорѣе могущества, чѣмъ правды» не вполне высказываетъ мысль Г. Андреева. Въ освѣщеніи Рибейра искалъ силы, эффекта, избиралъ сюжеты поразительные, но былъ вѣренъ природѣ.

На стр. 355, Г. Андреевъ говоритъ, что Францискъ Зурбаранъ походилъ на Караваджіо по употребленію голубоватыхъ, свойственныхъ послѣдному, тоновъ. Голубоватыхъ тоновъ у Караваджіо мнѣ не случилось видѣть.

На стр. 358 авторъ пишетъ, что Веласкезъ «то сочиняетъ картину совершенно темную, безъ малѣйшаго признака свѣта, то ослѣпляетъ однимъ освѣщеніемъ.» Не понятно, какъ можно написать картину безъ малѣйшаго свѣта, или ослѣпить однимъ освѣщеніемъ. Далѣе, говоря о Веласкезѣ на стр. 362, авторъ пишетъ: «Портретъ Иннокентія X-го вѣроятно первый «опытъ знаменитаго портрета, находящагося во Дворцѣ Доріа, въ Римѣ.» Потомъ: «но лучшее произведеніе Веласкеза въ Эрмитажѣ есть, безъ сомнѣнія, портретъ капуцина.» — Голо-

ва (портретъ) Папы въ Эрмитажѣ есть чудный этюдъ съ натуры, по которому художникъ написалъ находящійся у Доріа.

На стр. 414. «Гаспаръ Дюше (Duchet).» Онъ не Дюше, а Дюге (Dughet). Въ концѣ статьи на стр. 415 Г. Андреевъ говорить: «Въ Императорской Академіи Художествъ находятся три пейзажа, отличающіеся свѣжестью и глубиной колорита, постепенностью и силой тоновъ, хотя нѣсколько сухою кистью.» «Глубина колорита» — выраженіе новое, которое едва ли будетъ принято художниками и знатоками.

На стр. 435 авторъ пишетъ: «манера Жозефа Вьена средняя между Доминикино и Лессюеромъ.» Это опредѣленіе не точно и не ясно.

На стр. 437 сказано: «Можно себѣ вообразить Грѣза въ «Сикстинской часовнѣ предъ Мадонною Рафаэля!» Нельзя и не для чего, потому что тамъ вовсе нѣтъ Мадонны Рафаэля, да и что хотѣлъ сказать этимъ авторъ?

На стр. 443, говоря о Луи Давидѣ, авторъ замѣчаетъ, что «самъ онъ лично былъ вѣрный типъ древняго Грека, со всѣми его понятіями. Скоро онъ достигъ чистаго воспроизведенія «формъ Греческаго ваянія, во всей первообразной истинѣ и «классическомъ совершенствѣ. Принявъ простоту за основаніе «своей композиціи, онъ сохранилъ всегда вкусъ чистый и возвышенный, стиль мужественный, выраженіе лицъ и фигуръ рѣзко «обозначенное; ему недоставало только колорита, въ коемъ онъ «первоначально подражалъ Валентину, въ лучшее время Доминикину.» Что Давидъ былъ великій художникъ, въ томъ никто не усомнится; но что Давидъ достигъ «возпроизведенія формъ «Греческаго ваянія во всей первообразной истинѣ и классическомъ совершенствѣ,» съ этимъ едва ли согласиться можно.

На стр. 444, исчисляя картины Давида, авторъ упоминаетъ объ одной изъ нихъ, представляющей «Любовь Париса и Елены.» Это произведеніе сочинено и нарисовано въ Греческомъ стилѣ и дѣйствительно прекрасно, но далеко не совершенно.

На стр. 452, авторъ говоритъ, что Горасъ Верне основалъ

въ Парижѣ блестящую школу, изъ коей между прочими учениками вышелъ В. Ѳ. Тиммъ. Тиммъ вышелъ изъ Петербургской Императорской Академіи Художествъ, а потомъ нѣкоторое время учился у Гораса Вернета.

На стр. 487 сказано: «Учителями Лосенко въ Академіи «были Лорренъ и Лагрене; учителями за границею: Баттони, «Буше, Грѣзь, Рейнольдъ (?) и др. Они далеко не имѣли тѣхъ «достоинствъ, которыми такъ славно ознаменовалъ себя талантъ «Антонъ Павловича.» Неужели изъ патриотизма такъ высоко поставленъ авторомъ нашъ знаменитый Лосенко? Напрасно! Лосенко былъ отличный рисовальщикъ, положившій твердое основаніе нашей школѣ; Баттони же, Буше, Грѣзь и Рейнольдъ были живописцы отличные.

На стр. 491 утверждаетъ Г. Андреевъ, что Угрюмовъ ослабилъ односторонность и сухость перваго принятаго нашею школою стиля. Кѣмъ же введены были односторонность и сухость стиля въ нашей школѣ, Лосенкомъ, Соколовымъ, Акимовымъ?

На стр. 495 сказано, что Лапченко — современникъ Боровковскаго и что въ Академіи Художествъ находится его картина: «Сусанна.» Лапченко, писавшій Сусанну, былъ ученикъ Профессора Иванова, тотъ самый, о которомъ упоминаетъ Г. Андреевъ на стр. 568.

На той же страницѣ: «Александръ Кириловичъ Гловачевскій, «сынъ Кириллы Гловаческаго, товарища Лосенки, и ученикъ «нихъ обихъ, слѣдуя направленію своего времени, занимался «преимущественно миниатюрами.» Александръ Гловачевскій родился много позже, чѣмъ умеръ Лосенко, и занимался миниатюрною живописью не по направленію своего времени, а по расположенію и собственному вкусу.

На стр. 564 Г. Андреевъ пишетъ, что Михайловъ снялъ въ Неаполѣ копію «съ *Мученія Святого*» Рибейры. — Это копія находящейся тамъ въ церкви Св. Мартина, запрестольной картины, изображающей Спасителя, снятаго со Креста, Божію Ма-

теръ, Св. Юсифа и Ангеловъ, одно изъ лучшихъ произведеній Рибейры.

Сверхъ сего должно замѣтить, что въ книгѣ Г. Андреева вкрались ошибки въ именахъ художниковъ и другія, требующія исправленія по крайней мѣрѣ при второмъ изданіи оной, а именно:

Напечатано:		Слѣдовало бы напечатать:
На стран.	41, Краначчи.	Граваччи.
" "	68, Пагги	Паджи.
" "	91, Перденоне.	Порденоне.
" "	96, Бароккіо	Бароччіо.
" "	107, Перденоне.	Порденоне.
" "	111, Джордано.	Джіоджоне.
" "	138, Гвѣрчини.	Гвѣрчино.
" "	139, Баньякавалло	Баньякавалло.
" "	140, то же	то же.
" "	146, Боргеаскомъ дворцѣ.	Фарнезскомъ дворцѣ.
" "	161, Боневентуры.	Бонавентуры.
" "	171, Барромей	Борромей.
" "	182, Конча	Конка.
" "	187, Доміанъ	Даміанъ.
" "	201, Дикенбергъ	Дипенбергъ.
" "	205, Cavallo	Cavallo.
" "	— Герартъ	Герартсъ.
" "	— Geerats	Geerarts.
" "	216, Барромео	Борромео.
" "	233, Довуен.	Дувенъ.
" "	236, Барромео	Борромео.
" "	246, Поклоненіе Волховъ.	Поклоненіе Волховъ.
" "	260, Гарлемъ	Гарлемъ.
" "	312, Бургмейеръ	Бургмайеръ.
" "	346, Крещеніе Св. Іоанна	Усѣкновеніе главы Св.
	Крестителя.	Іоанна Крестителя.
" "	361, Респілюзы	Роспілюзы.
" "	362, Васино.	Ваччино.
" "	401, Пусенъ.	Пуссенъ.
" "	402, Душетъ.	Дюге.
" "	— Андель	Андели.
" "	404, Рінесіо	Ріпсіо.
" "	406, Евдомидоса	Эвдамиласа.

Напечатано :	Слѣovalo бы напечатать :
На стран. 407, Iéléé	Géléé.
• • 409, Васино	Ваччино.
• • 414, Дюше (Duchet)	Дюге (Dughet)
• • 423, Detrua	De Troy
• • 437, Месена	Мепената.
• • 498, Алексѣеву	Матѣеву.
• • 513, Князя Лобанова	Поэта Лобанова.
• • 515, Ѳедора Щедрина	Ѳедоса Щедрина.
• • 516, Ѳедоръ Яненко.	Ѳедось Яненко.
• • 523, ученикъ Щукина	ученикъ Акимова.
• • 524, Приморскій городъ.	Петербургская сторона.
• • 525, Виды Св. Ангела.	Виды крѣпости Св. Ангела.
• • 526, Tempria	Temprio.
• • 537, Князя А. И. Голицына.	Князя А. Н. Голицына.
• • 538, Ѳ. П. Бруни.	Ѳ. А. Бруни.
• • 549, списали	срисовали.
• • 556, Вознесеніе	Воскресеніе.
• • — Борисполець находит- ся въ Боловин.	Онъ здѣсь давно.
• • 571, Лапина	Липина.

Григоровичъ, Бродовскій и Даладвезъ умерли до выхода въ свѣтъ книги Г. Андреева, первый въ Римѣ, второй (кажется) въ Парижѣ, а послѣдній въ С. Петербургѣ.

Изложивъ мои замѣчанія на книгу Г. Андреева, я полагаю, что сколько въ ободреніе автора, столько и для возбужденія въ другихъ писателяхъ соревнованія разработывать у насъ мало еще тронутое поле литературы художествъ, если не можетъ быть присуждена Г. Андрееву полная Демидовская премія, кажется было бы справедливымъ не отказать ему въ прилично-соразмѣрномъ вознагражденіи хотя части издержекъ, употребленныхъ имъ на печатаніе, что почтительнѣйше и передается на благоусмотрѣніе Императорской Академіи Наукъ и на безпристрастное ея рѣшеніе.

ИЗВІСТІЯ

АКАДЕМИКОВЪ К. М. БЭРА И О. О. БРАНДА

О

СОЧИНЕНІИ Г. ЖОЛКЕВИЧА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ :

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ФИЗИОЛОГІИ ЧЕЛОВѢКА

■

ДРУГИХЪ ЖИВОТНЫХЪ.

ИЗВѢСТІЕ

АКАДЕМИКА Ф. Ф. БРАНДТА.

Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ г. Жолкевичъ прислалъ на нынѣшній конкурсъ сочиненіе, которое имѣетъ предметомъ своимъ разсмотрѣніе строенія и разныхъ отправления тѣла человѣческаго и животныхъ вообще.

Объяснивъ сначала, въ особомъ введеніи, отличительный характеръ трехъ царствъ природы, а потомъ въ весьма краткомъ обзорѣ разные органы и составныя гистологическія части тѣла человѣческаго, съ изображеніемъ послѣднихъ на нѣкоторыхъ вставленныхъ въ самый текстъ чертежахъ, авторъ разсматриваетъ, въ I части своего сочиненія, органы первыхъ путей и питаніе. Въ этой главѣ именно разбираются дѣйствія пищеваренія и питанія, образованія и обращенія крови, дыханія, отдѣленія и испражненія, а также разные явленія животной теплоты. Второй главный отдѣлъ книги имѣетъ своимъ предметомъ нервную систему, орудія чувствъ, мышцы и голосъ. И такъ въ сочиненіи опущены рожденіе и развитіе животныхъ, а равно психическія ихъ явленія. Если авторъ умолчалъ о рожденіи и развитіи, то это вѣроятно потому, что онъ назначалъ свой трудъ для употребленія юношества; но это не должно бы было удерживать его отъ изложенія, хотя бы въ краткихъ словахъ, разныхъ явленій духовной жизни. Во всякомъ случаѣ эти пропуски существенно вредятъ полнотѣ сочиненія. Если мы далѣе внимательнѣе въ самый способъ разработки избраннаго авторомъ предмета, то найдемъ, что онъ по большей части слишкомъ ко-

ротко говорить объ анатомической его части, каковой недостатокъ отнюдь не восполняется хорошими, вставленными въ текстъ, фигурами. Вообще анатомическія данныя, которыя должны бы были всегда предшествовать физиологическимъ, нерѣдко обработаны слишкомъ постороннимъ образомъ или даже и вовсе устраны. О мерцательной слизистой плевѣ вовсе ничего не сказано. Строеніе печени и мозга, нервная система животныхъ, устройство кожи и перепонки, а равно и нѣкоторыхъ другихъ частей изложены слишкомъ коротко. Другой недостатокъ книги состоитъ въ томъ, что авторъ не всегда съ надлежащею строгостью раздѣляетъ встрѣчающіяся въ человѣческомъ и въ животномъ тѣлѣ отношенія, отъ чего онъ нерѣдко попадаетъ въ слишкомъ большое обобщеніе частныхъ.

Вообще въ разбираемомъ нами сочиненіи значительно преобладаютъ физиологическія указанія. Они болѣе основаны на французскихъ источникахъ, нежели на нѣмецкихъ. Но за всѣмъ тѣмъ трудъ г. Жолкевича, не смотря на нѣкоторые его недостатки и не всегда удовлетворительные взгляды, попадающіеся не только въ анатомической, но и въ физиологической его части, можетъ быть признанъ полезнымъ, какъ сочиненіе, написанное общепонятнымъ языкомъ и по большей части съ соображеніемъ новѣйшихъ успѣховъ науки, тѣмъ болѣе, что Русская литература еще не богата подобнаго рода сочиненіями.

По этой-то причинѣ я считаю сочиненіе г. Жолкевича заслуживающимъ, если не Демидовской преміи, то по крайней мѣрѣ почетнаго отзыва.

ИЗВѢСТІЕ

АКАДЕМИКА К. М. ФОНЪ БЭРА.

Въсущности соглашаясь съ отзывомъ моего сочлена, г. Брандта, о сочиненіи г. Жолкевича: «Краткій очеркъ анатоміи и фізіологіи человѣка и другихъ животныхъ», я однако полагаю, что его можно представить къ награжденію второстепенною Демидовскою премією во уваженіе того, что поле анатоміи и фізіологіи въ Русской литературѣ еще довольно мало обработано. Старѣйшіе изъ членовъ Академіи вѣроятно вспомнятъ, что еще лѣтъ за 10 прислано было изъ Москвы на двоякій конкурсъ не только въ нашу Академію, но и въ Медико-Хирургическую, сочиненіе объ общей Анатоміи, въ которомъ недоставало всѣхъ открытій, начиная съ 1815 года, за исключеніемъ только одного наблюденія Эренберга, о которомъ было говорено въ *Библиотекъ для чтенія*. Вся наука только что развилась съ 1815 года, о чемъ авторъ въ сладостномъ своемъ покоѣ, по видимому, вовсе не имѣлъ свѣдѣнія. Другимъ вѣроятно извѣстно, сколько мѣръ было принимаемо Медико-Хирургическою Академією, на тотъ конецъ, чтобы вызвать появленіе у насъ въ свѣтъ хорошаго для нашего времени руководства Анатоміи, потому что еще по нынѣ у насъ употребительное руководство Загорскаго служитъ представителемъ вѣка Галлера и Мекеля перваго. Если по какой-либо наукѣ еще употребляются или пашутся сочиненія такого допотопнаго вида, то, по моему

мнѣнію, надлежитъ прилагать совѣмъ другой масштабъ при сужденіи о вновь выходящихъ у насъ по этой наукѣ сочиненіяхъ.

Анатомія и Физиологія г. Жолкевича, правда, не заключаетъ въ себѣ собственныхъ изслѣдованій. Это есть только популярное изложеніе науки; но оно написано умно и ясно, на основаніи хорошихъ руководителей и, за исключеніемъ только весьма немногихъ мѣстъ, съ полнымъ ихъ уразумѣніемъ. Авторъ, очевидно, съ умысломъ уклонился отъ такихъ предметовъ, о которыхъ еще не могъ составить себѣ совершенно яснаго понятія, или касался ихъ только вскользь, чтобы не возбудить какого-либо недоразумѣнія.